

Архимандрит Григорий (Зумис)

Боголюбцы

Рассказы о подвижниках благочестия
современной Греции, монахах и мирянах

Το Κουβάρι

Ἡ ἀμνημόνητις
μετανοία μου

Κουvari
Мой незабвенный первый монастырь

Дохнар

Мой незабвенный уголок

Τὸ Δοχεῖαρι

ἡ ἀληθινότης χωριό μου

Архимандрит

Григорий (Зумис)

наместник афонского Дохиарского
монастыря

Боголюбцы

**Рассказы о подвижниках благочестия
современной Греции, монахах и мирянах**

Большинство рисунков принадлежит автору

Смирѣніє

Москва, 2014

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС 13-307-1545

Григорий (Зумис), архимандрит.

Г83 Боголюбцы: Рассказы о подвижниках благочестия современной Греции, монахах и мирянах / Григорий (Зумис), архим.; Антония (Шендерей), инокия, пер. с новогреч. — М.: Издательство «СМИРЕНИЕ», 2014. — 368 с.

ISBN 978-5-906529-07-7

Героями рассказов архимандрита Григория, игумена Дохиарского монастыря на Афоне, являются православные подвижники современной Греции. Автор, духовник и монах-подвижник, умеет просто, живо и образно рассказать о духовном совершенстве, которого нередко достигают незаметные и незначительные в обществе и Церкви люди. Как они подвизались? Какими путями шли? Что привнесли в копилку общего православного духовного опыта? Чем могут поделиться?

Чтобы до конца понять и оценить их подвиг, необходим, конечно, собственный опыт духовной борьбы. Однако и те, кто только начинают интересоваться этими вопросами, найдут для себя в книге много интересного, поучительного и вдохновляющего. Привлекает неподдельная искренность изложения, мягкий добрый юмор, неллицемерное сопереживание архимандрита Григория своим героям. Трепетная любовь к ним не закрывает, между тем, глаза автора на какие-то их слабости, недостатки. Он не пытается создавать глянцевого, хрестоматийные образы. Его герои — живые люди, практически со всеми он был знаком лично, у каждого чему-то учился, что-то перенимал, общаясь от сердца к сердцу.

Научимся и мы, если будем иметь доброе расположение и дадим действовать в себе духу ученичества, который так высоко ценит автор.

© Григорий (Зумис), архимандрит, 2014

© Антония (Шендерей), инокия,
перевод, 2014

© Издательство «СМИРЕНИЕ»,

ISBN 978-5-906529-07-7 оригинал-макет, оформление, 2014

Предисловие переводчика

В 2010 году в Греции вышла книга афонского архимандрита Григория «Известные мне люди, подвижавшиеся на церковном поприще»¹. Русское издание, по согласованию с автором, выходит в несколько сокращенном виде, с иным расположением материала и новым названием.

Автор предлагаемой вниманию читателя книги, ныне наместник Дохиарского монастыря на Святой Горе Афон, прошел через многие испытания и скорби. В них он приобрел бесценный опыт, который еще более пополнился в его духовническом служении. Воспоминания о пережитом, о встречах с людьми Церкви и легли в основу повествования.

Рассказы с интересным, а нередко и захватывающим сюжетом, написанные живым, образным языком, привлекают, однако, не только этим. Главное в них, на наш взгляд, — это позиция автора, его отношение к ближнему. В простом, как бы незначительном человеке он умеет разглядеть духовную красоту, величие добродетели, достигаемой нередко незаметным миру, суровым подвигом.

Добродетели описываются с такой любовью, что хочется немедленно начать им подражать. Тем более что в большинстве случаев это не какие-то сверхъестественные подвиги древних подвижников, а дела, вполне доступные и нам, живущим ныне в миру или в монастыре. Необходимо лишь *самопринуждение*. Ему посвящена отдельная глава — можно сказать, гимн самопринуждению. Вот врач-гинеколог, за пятьдесят лет врачебной

1 Μορφές που γνώρισα να ασχολῶνται στὸ σκάμμα τῆς Ἐκκλησίας

практики не сделавший ни одного аборта, вот многодетная мать, в голодное военное время не позволившая детям нарушить Успенский пост. Вот священник. Он обременен многочисленным семейством, но, несмотря на это, предпочел «бесприбыльный» больничный приход сослужению с неблагочестивым собратом...

Книга учит доброжелательному отношению к ближнему, стремлению разглядеть в соседи, в прихожанине, который молится рядом, сияние вечной жизни. Почти в каждом можно найти незаметные миру добродетели, нередко глубокую боль, а иногда и высокий духовный опыт. Всё это открывается *духу ученичества* (о нем тоже много говорит автор), который сродни смирению.

В повествовании оживают страницы недавней истории греческого народа. Она во многом оказалась созвучной нашей истории, что не может не натолкнуть вдумчивого читателя на размышления. История одной страны, при всей ее неповторимости, движется в русле мировых законов, и их невозможно познать, не выходя за рамки исторического опыта этой одной страны. Можно спорить о том, насколько влияет человек на ход исторических событий, но в любом случае мы должны эти события *осознавать и оценивать*.

Страницы книги полны ярких зарисовок недавнего прошлого — из жизни греков в деревнях, в городах, на островах, в горах. Милый мягкий юмор никогда не переходит в насмешку. Непредвзятое повествование о простых, может быть, людях нередко возвышается до уровня церковной поэзии и проповеди.

Есть в книге и строки, полные горечи, написанные болью сердца. В них тоже любовь, но любовь страдающая. Эта любовь, с одной стороны, не хочет

«спасительной» лжи, а с другой — не отделяет себя от Церковного тела. Проблемы в Церкви неизбежны в ее земном странствовании, но это не должно нас смущать или отпугивать. Нельзя не учитывать, кроме того, присущей любому человеку субъективности. В некоторых случаях лица, представленные автором в несколько негативном свете, согласно другим свидетельствам, вовсе не являются носителями исключительно отрицательных качеств. Просто в тот момент их действия, нередко направляемые Промыслом Божиим, не соответствовали чаяниям автора.

Мы надеемся, что каждый — клирик и мирянин, монах и подвижник благочестия в миру, сомневающийся и взыскующий истины — найдет в этой книге то, что откликнется в его сердце сочувствием, а может быть, разрешит какие-то внутренние недоумения, вдохновит на подвиг, отогнав уныние и безнадежность...

Отправившим меня
с белокурых берегов Архипелага
в горы Этолии и Эвритании,
на Святую Гору
и к подножию горы Вертискос —
с благодарностью

От автора

Я не привык отлучаться из своего монастыря, потому что отдохновение мое — это моя келья. Но всё-таки иногда меня вынуждают к этому обстоятельства.

В один из таких редких случаев я оказался в многолюдном монашеском братстве. После любезного приема мы с монахами сидели в маленьком архондарике². Много говорили о нашем плавании в море монашеского жития. О штормах, кораблекрушениях, штиле, побережье и пристанях. Слава благому нашему Богу, молодые успели накопить больше, чем пожилые. И это вовсе не было пустословием. Говорили о «попытках и пытках» — в борьбе с собой, дьяволом и миром. Мы ни разу не уклонились в суждения и осуждения. Всё предлагаемое к общему рассмотрению было из личных переживаний качки на море, называемом «монашество».

Самый младший из братьев упомянул современный патерик одной из Православных Церквей, а старейший в этом монашеском содружестве выразил горячее пожелание: «Если бы обойти наши деревни по всей Греции и поговорить с нашими мамами и бабушками, отцами и дедами, можно было бы составить множество томов о чудесных событиях и подвижниках. И если

² Архондарик — помещение для приема гостей в греческих монастырях.
Здесь и далее примечания переводчика.

подойти к написанию такого патерика с духом смирения и ученичества, то, конечно, он очень бы помог миру».

Этот монах, как копием, уязвил тогда мое многострадальное сердце. К счастью, с детства меня тянуло к страждущим и измученным, они стали моими учителями, и к Церкви с ее службами и традициями, — она стала моей школой. Я слушал и записывал многочисленные истории, глядел и запечатлевал их в глубине моего сердца несмываемой краской, смешанной со слезами и кровью, потому и остались они святынями в моих детских воспоминаниях. Я никогда не спрашивал, правда ли всё это, потому что сами рассказчики каждый раз заключали свое повествование словами: «Это, сынок, было на самом деле».

Благодарю Господа и Его Пречистую Матерь, что моя монашеская жизнь — всегда вместе с братией и никогда в одиночестве — была полна неожиданных поворотов. Нас вели обстоятельства, поэтому я, как старший, не чувствую за собой вины. Мне довелось пожить и на побережье, и на равнине, и в горах. Сейчас жительствоваю у подножия священной Горы. Но продолжать писать уже не могу, *«свет очию моею, и той несть со мною...»* (Пс. 37:11).

Если устанете, простите меня. Если же получите пользу, помолитесь обо мне.

Уроки благочестия

Кирия Ксанфи с Пароса

— Бабушка, куда ты приоделась?

— Я, детка, иду к кирие³ Ксанфи, послушать слово Божие. Душа без слова Божия — как сухое поле, где даже трава не растет, или как мертвое море без рыбы.

Тяжело шагая, опираясь на бамбуковую палку, спускалась она по каменной лестнице и направлялась к дому кирии Ксанфи.

Кирия Ксанфи была болезненной женщиной, на улице ее видели, лишь когда она шла в церковь. Весь день читала церковные книги и религиозные журналы. На ней исполнилось слово пророка Давида: «и в законе Твоем научахся день и ночь» (см. Пс. 118:97). В гости к ней приходили те, кто хотел услышать слово Божие. От себя она не говорила ничего, только из прочитанного. И тем не менее каждый раз предстояло услышать что-нибудь новое.

Она не была болтливой назойливой старухой, повторяющей одно и то же. С большой рассудительностью давала советы и говорила именно о том, что тебя волновало в данное время, как будто имела просвещение от Бога. Удивительно, но окружающие называли ее святой не в насмешку, как в случаях с другими людьми, а в буквальном смысле слова.

³ Кирия — греч. госпожа. Кириос — господин.

Она окончила свою жизнь, глядя на икону Христа «Жених Церковный» и взывая: «*Чертог Твой вижду*»⁴, и в конце: «*Господи, прими дух мой*»... И закрыла глаза, чтобы открыть их в не вечернем свете Царствия Небесного. Все вокруг нее шептали: «Потеряли мы нашу наставницу, нашу утешительницу».

Вечная ей память!

4 Из службы Великого Понедельника.

Моя тетя, трудившаяся больше для монахов, чем для собственных детей

Когда пишем о своих родных, перо становится тяжелее лопаты и мотыги, потому что боимся родственной любви, боимся сердечного увлечения. Но было бы несправедливо обойти молчанием мою тетю Мину, отдавшую монастырю все свои силы и благословившую свою любимую дочь Анну на служение монахам.

Яковина Малатеца родилась в последнем десятилетии XIX века на Паросе⁵. Отец ее был капитаном родом из Малой Азии. Ее бабушка получила уроки благочестия от своего отца, жителя Константинополя. Она хорошо знала все церковные праздники и посты.

Старая Стамата, мать Яковины, которую современники считали святой, выросла около монастыря Лонговарда⁶ и была воспитана на примере и учении преподобных отцов. Всё это она сохранила до гроба. Когда была уже при смерти, как-то утром дочь спросила ее:

— Мама, приготовить тебе молоко?

Спросила и бабушка в свою очередь:

— Дочь моя, а какой сегодня день?

— Пятница.

А бабушка добавляет:

— Да к тому же и Успенский пост. Я, доченька, до сих пор такого греха не допускала. Приготовь кофе.

5 Парос — остров в Эгейском море, один из числа Кикладских островов.

6 Лонговарда — монастырь в честь Божией Матери Ее образа «Живородящая» на острове Парос.

В четыре часа пополудни она отошла ко Господу.

Кирия Яковина, потом ее для краткости звали Мина, получила от родителей воспитание по Богу и, как следовало ожидать, продолжила освященную семейную традицию. Но и ее супруг Манолис Малатещас происходил из религиозной семьи. Его братья до конца своих дней помогали обители Лонговарда в трудах на землях, принадлежавших ей на острове Сирос. Так и родители, и муж одарили кирию Мину благочестивыми традициями.

Она жила церковной жизнью, и дом ее был живой церковью. Когда я с ней познакомился, ей было около шестидесяти лет. Каждое утро она вычитывала утреню, вечером — повечерие, по четкам молилась с двадцатилетнего возраста. Читала Акафист Божией Матери, пела Канон Богородице и святым с таким вниманием, как если бы ей предстояло сдавать экзамены Богу.

Она старалась как можно чаще ходить в церковь и участвовать в церковных таинствах. Ее старцем на Паросе был отец Филофей Зервакос⁷, а в Афинах — отец Иероним с подворья монастыря Симонопетра. Она, как и все в ее роду, отдавала предпочтение старому стилю, но не впадала в крайности. Поэтому, когда приехала вслед за мной в монастырь Миртъя, а затем Прусу⁸, перешла на новый стиль без риска для своего спасения.

7 Отец Филофей (Зервакос) (+1980) — один из выдающихся духовных наставников XX века. Долгое время был настоятелем обители Лонговарда на Паросе.

8 Монастыри Миртъя и Прусу, одни из древнейших в Греции, находятся в Эвритании.

Она была не из тех, кто легко выходит из дома, и не задерживалась у чужих дверей, что для женщины является подвигом. Кирия Мина, как и ее мать, была монашеского склада. Она очень любила монашескую жизнь. Только из-за моего нерадения она не сподобилась монашеского пострига, о котором мечтала.

Настоящая послушница, она отдавала себя без остатка. Ничего не искала, только чтобы я ей позволил служить нам. «Хочу» никогда не слетало с ее уст, но, что гораздо важнее, у нее не было и женской философии: «я слышала», «мне сказали», «видела», «подумала», «передаю»...

Ей можно было доверить свою боль и свои жалобы. Не защищая ни одну из сторон, она лишь советовала избрать терпение — первейшую обязанность в общении и добродетель, столь угодную Христу.

В те годы одна смиренная монахиня, ухаживавшая за неким старцем тяжелого и неуживчивого нрава, каждый раз, когда он выгонял ее из маленькой церковки Живоносного Источника, находила прибежище у моей тети, которая, не защищая ее и не осуждая старца, помогала несчастной нести крест терпения и предоставляла ей временное жилье. Она утешала ее словами Евангелия, пока старец не позовет ее обратно в Церковь.

— Не говори ничего о старце. Он предстоит Престолу Божию и имеет ключи от рая и для тебя, и для меня.

Три тяжелых креста выпало мне понести в начале моей монашеской жизни. Они могли бы перевернуть мою

жизнь и жизнь братии. Но тетя встала рядом с нами, как непоколебимая стена, чтобы мы не уклонились от стези монашества.

Первым большим искушением, не имеющим конца, была ужасная болезнь, сахарный диабет, который и до нынешнего часа мучает и меня, и окружающих. Тетя стала для меня мамой, и больше, чем мамой. Мама перед смертью просила тетю заботиться обо мне, как будто предвидела все мои трудности. И тетя не только морально меня поддерживала, говоря то, во что, может быть, и сама не верила (что, дескать, и диабетик может оказаться полезным для окружающих), но и материально помогала мне, больному монаху. Она всегда меня кормила. Конечно же, как хорошая хозяйка, она всё готовила очень старательно, чтобы сделать мне приятное. Она была такой хозяйкой, что буквально из ничего наполняла стол различными вкусными блюдами. Всё ее служение было преисполнено бесконечной любви и деликатности, что делало ее для всех одновременно и мамой и госпожой. Она была человеком жертвенным. Когда жила в монастыре Миртъя, то, дождавшись полудня, то есть времени нашего отдыха, выходила в поле, чтобы собрать диких съедобных трав для меня. Делала это тайно, чтобы я не ругал ее, поскольку ей нельзя было наклоняться.

Вторым моим искушением было удаление с о. Патмос, с места моего покаяния и от земли отцов. Жестокость и грубость монахов, моих братьев во Христе,

беспощадное гонение со стороны лиц, которые были для меня примером в начале монашеского пути, — всё это ужасно мучило мою душу. Где приклонить голову мне, бедному монаху, с моими братьями? Везде презрение. Все оборачивались ко мне спиной, ни одного лица. За несколько часов я оказался никому не знаком, кроме дьявола, воевавшего против меня. Игумен Феодорит, якобы для того чтобы помочь нам остаться на острове, вынес тему на обсуждение совета старцев монастыря. Настоятель поднялся со стула в знак протеста и сказал, что если он повторит это еще раз, то будет исключен из монастырского совета.

Изгнанные отовсюду, мы нашли прибежище у тети Мины. Ее дом стал нашим домом, чтобы мы не бродили по улицам. На ее деньги мы жили долгое время. Она держала нас, чтобы нами не овладело отчаяние и смертельные крайности.

Третьим искушением было гонение, поднятое на нас митрополитом Этологаликарнаским Феоклитом. Тетя — непоколебимая стена. Утешение в гонениях. Ее благое слово — бальзам для наших душ. Никого не осуждала, ни на кого не возлагала ответственность, лишь советовала нам терпеть и прощать по примеру святых. Она последовала за нами в Прусос. Провела с нами самые лютые зимы. В летние месяцы, пожертвовав своим любимым Паросом, помогала принимать многочисленных паломников. Она вдохновила многих монахов. Давала прибежище ребятам, у которых возникали сложности с родителями

из-за стремления к монашеству. Она никогда не была праздной. Ее руки постоянно что-то мастерили, чтобы помочь несчастному монастырю.

В конце концов в монастыре у нее случился последний серьезный инсульт, и постепенно угас столп огненный. Перед отшествием исповедовалась за всю жизнь, причастилась и через несколько дней отошла в вечность. Да блаженствует она в селениях святых!

Пандазис из Фессалии, врач от Бога

Я всегда стараюсь идти по стопам моего старца, и мысленно и чувственно. Поскольку его личным врачом был Пандазис, то и я, и мои послушники обычно обращались к нему по поводу своих болезней. Он первый объяснил мне, чем отличается исцеление от лечения.

— Исцеление подает только Бог. Мы, врачи, лечим Его силой, да и то не всегда правильно.

Пандазис родился в 1900 году среди лугов Фессалии и очень гордился своим происхождением. Окончил гимназию в Волосе. Его духовником в отроческие годы был о. Иосиф, о котором он вспоминал с благодарностью:

— Я многим обязан этому человеку. Он мне помог, и юношеский возраст я прошел *невлажными стопами*⁹.

9 Из ирмоса 1-й песни канона 4-го гласа: «Моря черную пучину невлажными стопами древле пешешествовал Израиль».

Еще в годы учения на факультете Афинского университета Пандазис вступил в единственную в то время религиозную организацию — братство «Жизнь». По этому поводу он говорил:

— Я одновременно окончил два университета: медицинский факультет и школу братства «Жизнь».

Никогда не раскаивался в своем выборе, я им горжусь. Высоко держу голову. Я встретил людей выдающихся и своими знаниями, и своей нравственностью. Я общался с теми, чьи сердца были полны самоотверженности и любви ко Христу. Пустыня имеет своих героев, но и эти места не лишены мужей мудрых и разумных. Я помню в точности их слова и до сего дня пользуюсь ими как спасительными изречениями.

До глубокой старости Пандазис имел прекрасную память, справедливо считая ее плодом чистоты жизни. Непорочность сохраняет ум ясным, как хрустальная чаша.

Навсегда осталась в его памяти и личность отца Евсевия, председателя братства «Жизнь». Вот что он рассказывал о нем:

— Его кротость была бальзамом для души. Его литургия — это общение со святыми. В конце своей жизни он совершил показательную, как сказали бы сейчас, литургию для молодых батюшек Братства. Эта долгая литургия в храме кончилась слишком быстро... Но ей никогда не кончатся в душе моей. Его слово было мягким, вид оставался невозмутимым, о каких бы трагедиях он ни слышал. А когда советовал что-либо, ты чувствовал, что распоряжается не отец Евсевий, но Бог.

Когда он ушел с поста председателя Братства и ему наследовал отец Серафим, то, сидя за столом на втором месте, отец Евсевий предложил отцу Серафиму

благословить трапезу. Отец Серафим отказался, но старец не уступал ни в какую:

— Это мы делаем не из уважения или вежливости, но чтобы сохранить порядок.

Сильная личность отца Серафима, с его выдающимися организаторскими способностями, глубоко запечатлелась в сердце врача, хотя он и много пострадал от его авторитарного решения.

Несмотря на то, что Пандазис тесно общался с выдающимися подвижниками духовной жизни, он не считал себя всезнающим, но до конца дней сохранил дух ученичества. Даже меня, мальчишку, он слушал так внимательно, что я смущался. Однажды дома, за обедом, он вспоминал о прошлом, и мы много говорили о любви Божией, которая пользуется всеми средствами, чтобы спасти нас от греха. Я сказал, что есть страсти, о которых человек не подозревает, не может их уловить в себе. Это, например, жестокость, скрытая гордость, эгоизм, самоуверенность, бахвальство, близкое фарисейскому «я не такой, как другие». В таких случаях Господь попускает испытания, чтобы привести нас в чувство и очищенных взять в Свое Царство. Но он не принимал мою мысль ни за что. Говорил снова и снова:

— Мы все видим наши страсти, если, конечно, сами их не скрываем.

Окончился обед на этой ноте несогласия. Я ушел к себе домой, а он в больницу, посмотреть какого-то больного. Выходя из палаты (коридоры в этой

маленькой больнице были узкими, к тому же все заставлены каталками) и пробираясь с трудом от одних перил к другим, он нечаянно задел цветочный горшок, и тот упал прямо на санитаря, который перевозил каталку с нижнего этажа. Санитар рухнул без сознания.

Врач в смятении вышел на улицу и сел на ступеньки. Начал размышлять: «Сегодня я хвалился, что не позволил себе ни разу сделать или предложить аборт. Я хвалился, что до конца поддерживаю больного. Вот разрешение сегодняшнего спора. Батюшка, миленький, как же ты был прав». И сказал себе: «Нет, я пойду и объявлю о своей вине, о своей невнимательности».

— Я врач. Это я уронил цветочный горшок. Что с парнем? Пришел в себя?

— Конечно.

Он отправился к санитару:

— Прости меня, сынок. Это я нечаянно уронил горшок.

Позже Пандазис признавался мне: «Ох, этот горшок, батюшка мой милый, меня смирил до земли. Он дорого мне обошелся и морально, и материально».

Его специальность — гинекология — была для человека, посвятившего себя Богу, как хождение по канату. К сожалению, по какому-то недоразумению его исключили из Братства. Суровый отец Серафим не захотел даже выслушать объяснения и без разбирательств поддержал его изгнание. По прошествии года

ошибка открылась. Отец Серафим просил прощения, предлагал вернуться, но было уже поздно.

Вот как рассказывал сам врач:

— Я оказался на улице с пустыми руками. Открыл кабинет на улице Веразери, но никто даже не приближался к осужденному врачу. Первое, о чем я подумал, было монашество. Но я понимал, что у меня недостаёт на это сил. Кроме того, я в монастырях никого не знал. Бог указал мне путь через сватовство, и я избрал брачную жизнь. По милости Божией родились трое детей. Я всеми силами старался обеспечить им не только материальное благополучие, но и духовное воспитание, старался дать им Христа. Бог знает, удалось ли мне это. Когда дети перестали рождаться, я позвал столяра, он разрезал кровать пополам, и мы с женой разошлись по своим углам.

— Блуд, дети мои, не требование плоти, это похотение. Для требования плоти Создатель дал выход, брак.

И замолчал. Сложил руки, глядя на небо.

Как семейный врач, Пандазис приобрел известность в афинском обществе. Всегда радушно принимал больных у себя в кабинете. Спрашивал о семье или говорил о Боге. И слово его было прекрасно, потому что исходило из опыта. На книжных полках у него за спиной было больше отеческих книг, чем по медицине. Если ему было непонятно что-то из прочитанного, не стеснялся спросить. Всегда говорил о том, как плохо влияет грех на тело человека.

Как врач он был скорее исследователем. Сидел около больного, исполненный ответственности и любви. Если надо было сообщить что-либо неприятное, он делал это столь предусмотрительно, что и тяжелая болезнь не приводила в отчаяние. Любил повторять: «Божие посещение». Не уставал подбадривать больного и всегда кончал словами: *«Се, здрав еси: ктому не согрешай»* (Ин. 5:14). Рецепты он писал таким красивым почерком, что аптекари вывешивали их в рамках. Больного провожал до выхода, вызывал лифт, дожидался пока тот в него войдет, желал доброго пути, — как если бы то было его собственное дитя. Добрые переживания пациентов в кабинете Пандазиза — это неповторимые страницы в истории медицины.

Как-то его позвали к одной старице. Она была при смерти. Он прикоснулся к ее холодным как лед ногам.

— Мария, немного потерпи и пойдешь на небо, в селения первородных.

Мария, которая была монахиней после брачной жизни, радостно открыла глаза, посмотрела на врача и отошла...

Он любил больного. Внимательно выслушивал, никогда не торопил его. Если сомневался в диагнозе, то часами не отлучался от больного, пока не удостоверится во всём окончательно. Как-то просидел около меня три часа.

Я спросил его, советовал ли он когда-нибудь, как гинеколог, сделать аборт.

— Никогда! Никогда! В случаях трудной беременности мы с беременной много молились, и всё разрешалось благополучно.

Пандазис до восьмидесяти лет был практикующим врачом, а может быть и до восьмидесяти пяти. Всегда бодрый и с добрым расположением к больному. Когда сообщал родственникам о предстоящей кончине больного, это было настоящим тайновождением в загробную жизнь. Вид его был литургическим, и ты, родственник, под его влиянием принимал с радостью весть о переселении от земли на небо дорогого тебе человека.

Он был среднего телосложения. Питался очень воздержанно, и тем самым сохранил тело бодрым, свежим и полным сил. А голос его до самой кончины устрашал ад, который отдавал назад мертвых. Когда он закончил свою карьеру врача, я спросил его:

— Что будешь делать теперь?

— Теперь, когда у меня в руках бензопила для моего участка, спрашиваешь, что буду делать?

Каждое воскресенье старичок Пандазис вместе с другим старичком, кардиологом Перидисом, ходили в хоспис, где медленно умирали больные раком, и помогали батюшке, служившему литургию. Пандазис алтарничал, а второй врач пел. Шли впереди священника с горящей свечой в палаты, чтобы преподать Христа умирающим.

У Пандазиса была глубокая вера и огромная любовь ко Христу. А его благочестие, которое я

наблюдал в определенные моменты его жизни, врезалось мне в душу. Когда приступал к Чаше, он становился весь — свет, весь — огонь, полный желания. Уста открывал — как будто хотел, чтобы туда положили всё: и Христа, и лжицу, и святую Чашу, и даже руку священника! Он прикоснулся к плату так, что в твоём сердце возникало ощущение своего недостойнства и греховности: «Прикасаюсь к Богу, Бога приемлю, Христос в моём сердце, как бы мне не сгореть. Обожь меня, яко же веси, Господи».

Другой случай. Когда он приехал в монастырь в 1978 году, чтобы отпраздновать Пасху, мы поселили его в архиерейскую келью.

— Геронда¹⁰, кого вы принимаете в этом помещении?

— Епископа, когда он приезжает.

— Невозможно, чтобы я спал на кровати епископа. Я недостойн неба и земли. Я приехал в монастырь за благословением, а не за проклятием.

В конце концов поменяли матрац. Чтобы на него лег врач, до основания сокрушивший в себе рационализм, которым отягощает наука человеческое сердце.

Мы наслаждались его присутствием в Великую Субботу, когда он читал Деяния Апостолов. Благодаря ему мы поняли, как должно читать, а точнее — провозглашать эту священную книгу. Он наполнял наше сердце. Мы как бы разговелись до Пасхи. Было такое чувство, что мы знаем, когда начали читать Евангелие, а когда

¹⁰ Греч. старец.

кончим — не знаем. Так же и Божественная Литургия: знаю, когда начинается, а когда кончается — нет. Так и во всех делах спасения. Так же не знаем, и когда кончится покаяние. А совершенство, согласно святому Иоанну Лествичнику, бесконечно. Мусульмане боялись печатать Коран, хотели, чтобы он был только в рукописи. Поэтому в Турцию сравнительно поздно пришло книгопечатание. Так же и я, с тех пор как услышал, как читает врач, боюсь услышать Святое Писание из уст неуча с теплохладным сердцем.

Он никогда не брал денег с тех, кто носит рясу, так как считал кощунством взимать плату с делателя Евангелия.

— Для меня великое благословение, что такие люди приходят ко мне и я прикасаюсь к их телу. *«И аще прикоснуся одежды Его, исцелюся»* (Мк. 5:28).

Пандазис провел весь век, громко возглашая: «Христос есть жизнь и свет миру». Вначале возглашая из кабинета врача, а теперь из гроба.

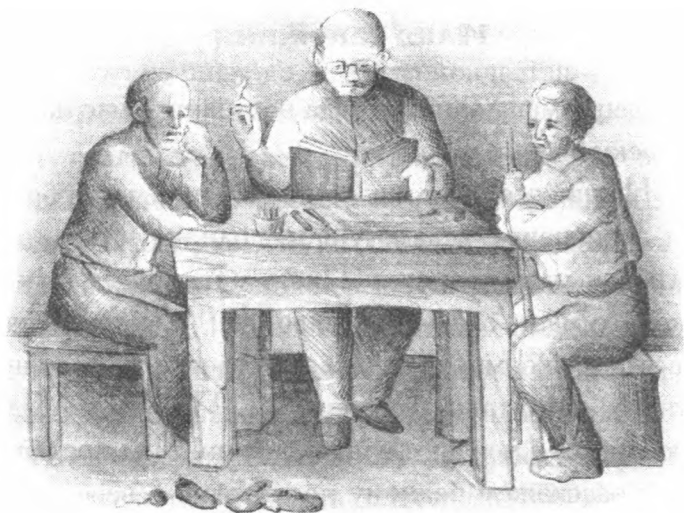
Илия сапожник

Старец Амфилохий¹¹ всегда настраивал нас на миссионерскую деятельность:

— Наши соседи-турки — по большей части братья наши, принявшие ислам. Мы не должны оставлять их в погибели магометанства. Пусть у нас будет и монашеская схима, и священнический сан, а вместе с этим научимся и скромным ремёслам: строителя, плотника, портного, сапожника, часовщика... Поедем в Малую Азию как бы в поисках лучшей жизни. Под предлогом работы расскажем бедному посетителю о вере его отцов. Может быть, это покажется вам трудным и даже неисполнимым, но если мы не приложим старания, то эти скромные специальности используют другие, чтобы разрушить веру в народе. Поверьте, за малым часто кроется великое, в то время как за тем, что нам представляется великим, часто нет ничего. Не забывайте, как немногим вином Одиссей ослепил Циклопа.

И действительно, женщина продает яйца на базаре и учит о своем боге, о Иегове. Служитель гостиницы подает кофе и завязывает разговор о вере баптистов. Но где я подлинно удостоверился, что мечта старца не утопия, а действительность, так это по соседству с Академией Платона в Афинах в мои студенческие

¹¹ Амфилохий (Макрис) (1888—1971) — знаменитый патмосский старец, много лет был пастырем и миссионером на Додеканисских островах и в материковой Греции. Основатель женского монастыря Евангелисмос на Патмосе.

годы. Каждое воскресенье и праздник кириос Илия был первым в церкви, всегда со светлым лицом.

Я спрашивал себя: «Кто он? Пономарь? Староста? Или просто благочестивый прихожанин?»

На праздник перенесения мощей святого великомученика Георгия, 3 ноября, о. Георгий, поучившийся немного в школе Ризариу¹², обратился к прихожанам с кратким словом. В заключение необдуманно сказал, что кровь святого великомученика Георгия очищает нас от грехов. Восстал кириос Илия: «Даже его самого не спасла его кровь. Только кровь Иисуса Христа очищает нас от грехов».

Тогда я удивился: «Кириос Илия — простой прихожанин, а не служащий в храме...» — и начал

¹² Ризариу — известная в Афинах духовная семинария, ректором которой некоторое время был святитель Нектарий Эгинский.

исследовать, что же происходит. В конце концов выяснил, что он сапожник и наш сосед. У него была маленькая мастерская, где он чинил обувь. В то время он приносил огромную пользу своим бедным соседям, которые не имели возможности купить новую обувь. Я заметил тогда, что беднота очень часто заглядывает в мастерскую кириоса Илии, примерно с такой частотой, как покупатели посещают супермаркет в наши дни.

А по вечерам у прилавка такая картина: внутри кириос Илия в белом фартуке починяет обувь, а снаружи 5—6 мужчин слушают чтение. Говорю себе: «Нет другого выхода. Надо как-то вечером прийти со старыми ботинками и послушать, что они читают». Так и поступил. Действительно, один престарелый богослов читал и объяснял «Добротолюбие» этим добротолюбивым людям. На следующий день, забирая отремонтированные ботинки, я поздравил сапожника с таким хорошим окружением.

— Поскольку у нас в церкви мы не слышим об этих духовных сокровищах, приходится самим брать их своими оскверненными руками.

Я спросил соседей:

— Что за человек кириос Илия?

И они мне ответили:

— Это наш духовник. Во всякой трудности к нему прибегаем.

Я не знаю его кончины, но уверен, что он празднует Пасху в Царствии Небесном, ибо таковых есть Царство Небесное, по слову Евангелия.

Илия — мастер по изготовлению кроватей

В Албании в 20-х годах XX века был закон. Дурацкий, по мнению свободного мира, но мудрый для тех, кто мог им воспользоваться: «Кто найдет фуражку и наденет ее, может сесть на корабль и беспрепятственно уехать». Так кириос Илия где-то промыслил себе фуражку, надел ее, сел на корабль и, независимый более от албанских властей, прибыл в Пирей.

Кириос Илия был хозяйственным и трудолюбивым человеком. Он не расточал свои скудные доходы, полагая, что свое дело лучше, чем поденная работа.

Был он и религиозным по природе. Первое, о чем он позаботился на новом месте, — прилепиться к Церкви, найти духовника, взять благословение на все свои начинания. Так после нескольких попыток он познакомился с о. Игнатием Колиопулосом, который всегда советовал ему что-либо полезное.

Кириос Илия был совсем необразованным, но читать умел. Отрадой для него были Новый Завет и «Назначение человека» отца Евсевия Матфополуса. Лучше понять Священное Писание ему помогли проповеди, которые он слушал в братстве «Жизнь». Очень способный от природы, он хорошо понимал их и, имея чистый ум, помнил до глубокой старости и свободно использовал. Он всё время хотел работать в винограднике Христовом. Гонялся за заблудшими, чтобы привести их, соединить с Церковью через исповедь, которую считал началом всех благ. Работал

как миссионер в Афинах, в Мазакі около Каридицы и в Трикале¹³. По благословению митрополита Дионисия, который высоко ценил этого мужа за его подход к молодежи, он очень помог местной Церкви. Его скромное жилище каждый день было центром духовной жизни для многих людей.

Желание познакомиться с кириосом Илией из Северного Эпира, после всего, что я слышал о нем от митрополита Илии, заставило меня при первом же посещении Трикалы в 1965 году встретиться прежде всего с ним. Там я увидел множество деревенских парней. Одни приходили, другие уходили. А кириос Илия, в очках, с книгой «Назначение человека» в руках, читал и объяснял учение отца Евсевия. Я думаю, сам отец Евсевий не понимал так глубоко свою книгу, как кириос Илия. Он брал некоторые понятия и растолковывал их:

— Одно дело «поучаться», и другое — «читать», одно — «иерей», а другое — «поп». Нам нужны иереи. Одно «проповедник», и другое — «духовный отец».

Благодаря его духовной работе многие приняли священный сан. Если он видел в ком-то призвание к священству, то никогда не оставлял его без внимания. Разбивался в лепешку, чтобы взрастить этот дар, разжечь пламень любви к Престолу Божию. Величественным учением он внушал юным, что священство — это не профессия, а величайший дар Божий

13 Мазакі, Каридица, Трикала — города в Фессалии.

человеку — совершение спасения посредством Таинств Церкви от рождения до смерти и после нее.

Правила Братства повлияли на его жизнь больше, чем на жизнь остальных его членов. Он узнал об этих правилах от основателей Братства и следовал им как основам духовной жизни посвященного мирянина. Так, он всегда следил за телесной чистотой, но не пользовался кремами и одеколонами. Одевался скромно, но с достоинством. На голове — аккуратный пробор. Образцовые усы и каждодневное бритье. Это были основы внешнего благочестия, и они всегда соблюдались. Одна милая старушка, которая жила по соседству с домом братства «Жизнь», как-то сказала мне: «Я никогда не видела их небритыми. Наверное, бреются всю ночь». Комната скромная, но всегда чистая, убранная.

Он соблюдал и другие правила, гораздо более важные, чем уже упомянутые: никогда не путешествовал по воскресеньям, чтобы не пропустить литургию. Не пользовался фотоаппаратом и вообще не любил объектив. Съедал всю порцию любого блюда, не оставлял на столе надкусанный хлеб. Не жевал ничего вне трапезы и особенно на улице. Ел с особенным достоинством и благолепием. Не чавкал и не хлебал. Молчание за столом было ненарушаемым правилом. На улице не разговаривал с женщинами и не глядел по сторонам.

Всё это потом вызвало недоумение у некоторых «свободолюбивых». Я же думаю, что для людей, хранящих девство, эти правила были спасением в

большом городе. Если даже вид мирянина, по слову преподобного Ефрема Сирина, приносит смущение монаху во время молитвы, то уж тем более — разглядывание женщины.

Он никогда не лгал и никогда не обсуждал никого. Обходился словами «знаю этого человека». Живя в ограде этих духовных правил, он никого не соблазнял и никто его не осуждал. Разумеется, в комнату его не входила женщина. Скорее всего, он совсем не занимался катехизацией среди женщин. Много раз говорил: «Если не носишь епитрахиль, не учи женщин».

С Божией помощью исполнилась его мечта. На улице Эолу он открыл свою мастерскую по изготовлению железных кроватей. На первом этаже была мастерская, а наверху — жилое помещение.

Ходя по улицам, он заметил, что многие деревенские парни работают в афинских тавернах, а по ночам спят в кладовках с винными бочками. Он подумал, что если вырвать ребят из таверн, дать им работу у себя в мастерской, а наверху устроить маленькое общежитие, то это будет гораздо лучше для них. За эти его старания мы можем назвать его «Божьим ловцом».

Он взял благословение у своего духовника и создал первый в Греции пансион. Это удачное начинание подвигло братство «Жизнь», а позднее и «Апостольское служение», создать так называемые студенческие пансионы. Мастер по изготовлению кроватей проложил дорогу молодым, чтобы они могли учиться и избежать скверной среды в трудные годы бедности

и лишений, когда туберкулез сотнями выкашивал людей. Илия, очень любивший учение, которого сам был лишен в молодости, не хотел, чтобы ребята потеряли возможность учиться. В годы оккупации он нагрузил будущего епископа Коницы Севастиана мешком кукурузы и отправил из Кардицы в Афины, учиться богословию.

Таким образом, Илия тоже был учителем благочестия, но не на кафедре, а в повседневной житейской борьбе. Он вдохновил многих на монашество и священство, потому что в нем горел истинный дух Церкви.

Я уверен, что Сам Господь воздаст ему за труды, потому что Церковь никогда этого не делала. Он всегда оставался бедным, незаметным и неизвестным.

В последние годы жизни он стал монахом на Афоне в монастыре Симонопетра. Его постриг старец Емилиан, и он сподобился посвятить себя Христу через монашеский постриг.

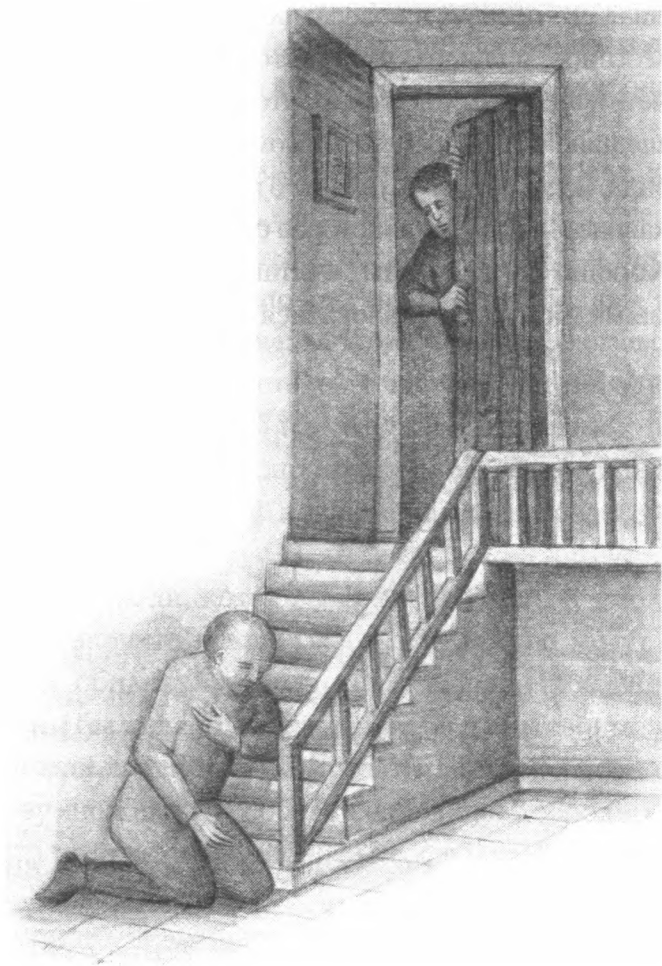
У него были два дарования, которые вызывали во мне восхищение. Я их заметил еще в первые годы своего игуменства, когда он был послушником в монастыре Мирты. Это его предусмотрительность и способность найти подход к человеку, сбившемуся с пути, и, кроме того, правый суд лиц и событий.

Я спросил его:

— Почему ты так благоговеешь перед отцом Евсеием?

— Во-первых, потому что он ни с кого не брал платы. Нигде нет его подписи, что он получил деньги за

свои труды. Он жил на подаяния от своего брата. Вторых, безропотное терпение, которое он проявил, когда Синод Элладской Церкви отправил его в ссылку. Отец Евсевий не жил в монастыре, но, несмотря на это, был монахом. Он пришел в меру святых в своей жизни: и в еде, и в сне, и в службе, и в проповеди. Но он был один и не успел осуществить всё задуманное.

Единственным недостатком кириоса Илии были нервы, но, думаю, он будет прощен за это, ибо глубоко каялся в своих вспышках. Мне рассказал отец Арсений Кумбуйас, один из тех, кто жил в его пансионе:

— Как-то раз склеивали мы кровати. Я допустил какую-то ошибку. Он на меня так накричал, что мне стало обидно, я разгневался. Взволнованный, поднялся к себе в комнату. Однако, поразмыслив, быстро пришел в себя, признал его правым и возвратился на работу. Спускаясь по лестнице, я увидел, что он стоит на коленях и горько плачет. Мне стало так тяжело, что и теперь, спустя годы, прошедшие с того времени, вспоминаю об этом с болью. Геронда, когда есть сокрушение о грехах, тогда нет грехов. Покаяние — это губка, которая стирает с души пятна.

Хорошо бы всем нам, считающим себя высокодуховными людьми, пользоваться этой губкой.

Феофилакт, агнец посреди волков

Все любят добродетели и дарования. Даже разбойники и пираты хотели бы иметь в себе что-то благое. Но есть люди, которым, несмотря на многолетние подвиги, не удастся даже гвоздику продеть в петлю пиджака. Говорим, конечно, не о тех гвоздиках, что вянут с течением времени. Я слышал, как они вздыхали из глубины души: «Господи, доколе пребуду вне благодати Твоей? Доколе сухость и бесплодие в душе моей? Доколе голод и жажда? Призри на мое окаянство и помилуй мя».

И в самом деле, сильно страдает душа, когда, каждый день сея семена Священного Писания, отеческих поучений и житий святых, пожинает волчцы и терния. Один монах, умирая, просил принести побольше цветов на свое погребение: «Я был лишен, — говорил он, — цветов добродетелей в жизни. Так порадуясь хотя бы в смерти моей на чувственные цветы». Тогда я задумался о том, насколько ложно и глупо украшать мертвых розами, если нет духовных цветов, т.е. добродетелей.

Но есть люди, которые, подобно Давиду, умоляют Бога остановить волны благодати, ибо не могут вынести ее обилия. Они одарены от рождения. Может быть, им было дано десять талантов и они своими усилиями при содействии благодати Божией очень скоро преумножили их, собрав сокровище добродетелей. Одним из таких был кириос Феофилакт.

Родом он был из Утраченной Отчизны¹⁴. Жил с матерью и сестрами. По-настоящему дружная семья, где царили взаимная любовь и уважение к старушке-матери. Библейский матриархат. Их соединяла живая вера и традиция. Святое Евангелие и отеческое слово — на столе, на тумбочке и в правом кармане пиджака. Этим освещались их пути. Их слово было отголоском Евангельского поучения. Это слово услышишь от любого из них в любом месте.

Феофилакт был среднего роста, тонкий, стройный, как бамбук, если его очистить от листьев. Сухое смуглое лицо выдавало человека, ведущего подвижнический, упорядоченный образ жизни. Соблазнительные запахи печеного и жареного весь день лезли ему в нос. Но не в желудок. Его большие глаза глядели на тебя смиренно, так раб смотрит на господина. Очень умный и сообразительный, готовый с радостью послужить. Я никогда не видел его отягощенным скукой или ленью. Всегда бодрый, в полном распоряжении Афона («что хочет отец?..»).

Но самое главное — это его великое рассуждение и глубокое молчание. Он собирал поручения и заказы от каждой келлии, от каждого монастыря. Может быть, кто-то ему и досаждал, но он никогда об этом не говорил. Всё погребалось в могиле молчания. Когда надо было скрыть какой-то заказ (чтобы не случилось

14 Утраченная Отчизна — так греки называют Малую Азию, где на территориях бывшей Византийской империи ныне располагается Турция.

соблазна), он упаковывал его очень тщательно. На вопрос «что там?» отвечал: «Да я не помню». Это чтобы не помнил Феофилакт, у которого голова была как справочник?!

Ручная тележка беспрепятственно двигалась среди охальников, скандалистов, блудников, неверующих, глумливых... и — перевозила заказы Афона. Для Феофилакта все были добрыми друзьями и братьями. Звук его кроткого голоса упразднял все сложности торговли и умирал чудовищ рынка. Чудо из чудес: агнец среди волков не просто стоит, но пасется и работает на Святую Гору!

Он прекрасно умел заключать сделки с поработенными наживой людьми рынка. Не вызывая ни тени подозрительности, он скрупулезно оценивал качество и стоимость товара. Ангел среди бесов коммерции. Уста его говорили, а опущенными долу глазами он исследовал товар. И для чего всё это? Чтобы упокоить жизнь отцов, не выходящих за пределы Святой Горы.

Он говорил, что торгует рисом в своем маленьком магазинчике. Лично я риса там никогда не замечал, но всегда видел заказы святогорцев. Не знаю, обращали на него внимание тогда или нет, и помнят ли его сейчас, но он многожды ради нас претерпевал опасности в штормах, но не в океане, а в кипящих волнах моря житейского.

— И зачем это монахам? Что они с этим будут делать?

— Прошу тебя, братец, не любопытствуй.

А как доверительно он делал заказы по телефону:

— И привезешь это, золотце мое, да? Ну ладно, пока, дружок.

Его слово несло живительную прохладу выжженной от постоянной лжи и жестокой конкуренции душе коммерсанта. Некоторых людей он исключил из числа своих сотрудников, но не воздвигал между ними и собой глухой стены, оставлял дверь открытой.

— И дело наше будем делать, и Христа провозвещать. Сейчас этот человек трудный, но придет время и по необходимости станет более сговорчивым.

Никогда ни о ком не сказал горького слова, поэтому своими широко открытыми глазами смотрел прямо в лицо. Это не был взгляд лукавого дипломата, но человека умного, думающего, знающего свое дело.

Я никогда и представить себе не мог, что кто-то сумеет его заменить. Для этого надо было обладать как минимум его феноменальной выносливостью, и душевной и телесной. Весь мокрый от пота, он развозил заказы, но, крепкий духом, был готов, едва справившись с одним из них, тут же предпринять новый марш-бросок.

Мы часто обедали вместе в нашем подворье в Солониках, и этот человек с рынка был таким застенчивым, что я поражался его добропорядочности, которая не растлилась на базарах и торжищах. Какое благородство можно, оказывается, стяжать в житейских преткновениях, и сколько порой находишь мирского чванства в каливах!

Оставив суровую жизнь коммерсанта и свое любимое служение Афону, Феофилакт стал монахом в обители Панорама. Но прожил после этого не много. Упокоился о Господе и был погребен на Святой Горе. Всегда, думая о нем, я говорю: «Есть свои святые и в торговле». Его нрав и поведение многому меня научили. Да упокоит его Господь со святыми.

Я с детства привык общаться с монахами. От Феофилакта я научился с улыбкой приветствовать коммерсантов, завязывать с ними отношения и совершать сделки. В житейских бурях Феофилакта спасали глубокая вера, Таинства Церкви и несребролюбивый нрав. Если бы он деньгами измерял свой труд ради монахов, он был бы богачом, а он был беднее бедного. Очень важно в жизни сочетать работу и служение. Работа оплачивается здесь, служение имеет воздаяние на небе, и к тому же стократное, если оно от наших собственных трудов. Феофилакт, несомненно, наслаждается сейчас воздаяниями доброго и верного раба. Аминь.

Научившие меня самопринуждению

С детства слышу я слова преподобного Иоанна Лествичника: «*Монах есть непрестанное принуждение*». И блаженнопочившая бабушка моя любила повторять пословицу: «Выйти замуж — надо знать: поздно лечь и рано встать».

Если думаешь, что достаточно только дневных трудов, то ошибаешься. Я всегда восхищался этой добродетелью самопринуждения и полюбил ее прежде, чем осознал, что это такое. И до сих пор желаю стяжать ее, как наиболее соответствующую моему характеру.

Как-то спросил старца Амфилохия: «Что отличает монаха от мирянина?» Он ответил: «Постоянное самопринуждение». — И целый вечер рассказывал мне о монахах, подвизающихся этим подвигом.

Я получил такую пользу, что задумал посвятить отдельную главу тем немногим людям, которых знал или о которых слышал, — монахам и мирянам, принуждавшим себя.

На Рождество 1959 года я оказался в своей деревне, чтобы отпраздновать его вместе со своей семьей. Как-то под вечер вышел прогуляться в поля — посмотреть на остров в это время года. Не такой уж я и романтик, просто четыре года нога не ступала на родную землю. Хотелось увидеть обработанные поля, будто расписанные разными красками. Вскосы только что начали появляться. Виноградники ухожены и

подрезаны, очищены от старых листьев, обнаженные толстые короткие стволы змеями извиваются по земле. Мне не терпелось почувствовать крепкий запах вспаханной земли и полюбоваться небом с белыми облаками, предвещающими дождь.

В местечке Селлабия я увидел нечто, сильно меня удивившее. Девяностолетний старец, сидя на скамеечке, рыхлит тяпкой виноградник. Он передвигается от одного корня к другому вместе со скамеечкой. Поднимая тяпку, восклицает: «Божия Матерь, помоги мне!»

Я приблизился к нему. Старец, весь в поту, задыхался от усталости.

— Дедушка, что ты делаешь?

Он поднялся и с почтением и любовью поприветствовал меня. Старость и усталость не помешали ему выказать благородство. Я его помнил с детства: он работал у моего отца.

— Вспапываю виноградник, других доходов кроме этого у меня нет.

Всё это происходило до того, как вышел закон о пенсиях для аграриев. Дедушка с острова в Эгейском море боролся за свое существование. Чувство собственного достоинства не позволяло ему стучаться в чужие двери.

Я прервал свою прогулку, взял у него мотыгу и, хотя был непривычным, до сумерек успел взрыхлить изрядное количество корней.

Бог его не забыл, не оставил без помощи. Благочестивая чета из Афин взяла его к себе в дом и ухаживала за ним, а он в свою очередь отписал им свой скромный дом с участком.

С детства я удостоверился, что в иных случаях женская природа оказывается сильнее мужской. Одна бедная девица очень желала устроить обитель на наследственных владениях. По ночам в своей хижине, которая мало чем отличалась от сарая, она ткала полотна, из которых крестьяне шили штаны и рубашки. А днем на ослике объезжала деревни и продавала, меряя локтями,

полотна, чтобы собрать деньги на строительство монастыря. Тогда не знали спонсорства. Хочешь быть благочестивым? Трудись. Разломаешь на коленях лук в тени новопостроенной стены и будешь есть его на обед с хлебом и горькими маслинами. Хлебнешь немного винца из фляги, чтобы проглотить сухой хлеб, а руки творят великое: строят церкви и колокольни, которые ныне украшают острова Эгейского моря.

Однажды студеной ночью мы с отцом увидели ее за деревней, с двумя осликами, дрожащую от холода. Она ожидала кого-то, кто обещал принести ей цемент. Жалея ее, отец сказал:

— Иди, милая, к себе в монастырь, в такое время нечего стоять на улице.

...И она построила монастырь, и поселилась там со своей сестрой, а ныне почивает в небесных обителях.

В бытность свою наместником в Лонговарде, пошел я однажды на монастырский участок, где постоянно жил один старчик, ответственный за монастырский скот. Подходя вижу, как старец Гавриил, девяноста двух лет, тащит корм для поросят. В одной руке — палочка, в другой жестянка с кормом — мука и отруби с водой. Еле переставляет ноги.

— Что ты делаешь, отец Гавриил? Вот упадешь, и тебя самого съедят свиньи.

— Отче, наш монастырь сельскохозяйственный. В этом году на ячмене ничего не заработаем. А если у нас не будет и поросеночка на продажу, как будем жить?

А многострадальный эконо́м монастыря отец Дамиан... Еще в девяносто лет он сам мыл ступеньки, причем, из экономии, той же водой, в которой ополаскивал ноги. И мыл не какой-нибудь шваброй на палке, а на коленях, от ступеньки к ступеньке, чистил лестницу, ведущую в кельи.

И старушка Лукия, монахиня из Будруми из Малой Азии... До глубокой старости сама вскапывала огород и каждый год говорила: «Последний раз». И так до ста лет.

И бабушка моя, всегда себя принуждавшая, говорила мне:

— Никогда не хватает дня, чтобы кончить дело. Много ночных часов надо украсть у сна, если хочешь почувствовать радость, что сделал что-то.

Самопринуждение — характерная черта святых и вообще в чем-либо преуспевших людей. Те, кто понуждают себя в духовном, понудят себя и в телесных трудах, и в повседневных нуждах.

— Старица Лукия, ты в поле весь день. Когда-нибудь ты опустила свое келейное правило?

— Ты что, смеешься, Манолис? Как же я тогда буду причащаться?

— Отец Иосиф, с тех пор, как ты стал монахом, и до сегодняшнего дня, ты когда-нибудь не выполнил

правило из-за того, что весь день работаешь на полях и подрезаешь деревья?

— Нет, не помню за собой такого греха.

— Отец Гавриил, успеваешь выполнить свое правило? Ведь ты весь день пашешь и ухаживаешь за скотом, чтобы в монастыре были яйца и молоко?

— Да, отче, и правило выполняю, и службы вычитываю.

Я видел многодетных матерей, которые, прежде чем порозовеет восток, возвращались с реки, неся на плечах корзину с бельем, а ледяная вода обливала их с головы до ног. Ходили ночью, чтобы сэкономить время, до того как проснутся дети, чтобы они не видели залатанное белье. Потому что верхняя одежда была всё-таки лучше. И бедная мама держалась с достоинством: хотела скрыть свою нищету. Древнее благородство! Наследство прадедов, которое, несмотря на четыреста лет рабства, сохранили наши матери. Они светили миру, как византийские аристократки.

Принуждение, и снова принуждение.

— Мама, когда же наконец мы посидим на зава-
линке, полюбуемся на море, на острова, на ближние
поля, виноградники и горы на нашем острове? Мы
живем в таком замечательном месте и не пользуемся
этим. Весь день ходим, опустив голову от трудов, и
видим только носки ботинок. Мама, наш дом построен

в исключительном месте. Здесь с высоты весь мир виден, как на ладони, докуда достигает взгляд. Но постоянные труды не дают нам сказать вместе с Давидом: «*Вся премудростию сотворил еси*» (Пс. 103:24). В сентябре собираем виноград и дрова на зиму. В октябре чистим сарай от навоза, вывозим навоз на поля и готовим стойла к зиме. С первыми дождями выходим на поле с плугом. В ноябре — сев, который продолжается до февраля. В марте работа на винограднике. В апреле окот, отел. Делаем сыры. В мае — жатва до Петра и Павла. В июле мучительная молотьба. Беготня от девяти утра до четырех-пяти вечера. В августе собираем горох, фасоль, чечевицу. И отдых 36 августа... Если месяц продлится до этой даты.

— Детка, не ропщи. Этого Бог не хочет. Проси Его, чтобы сохранил нас здоровыми и дал нам силы на труды. Бог любит тружеников и благословляет их.

Благословение Божией Матери

Простая необразованная женщина, которая учится в Церкви, становится мудрее мудрых. Она знает Евангелие, не умея читать. Прекрасно рассказывает жития святых. Отличает будний день от праздничного, постный от скоромного. О страданиях нации и испытаниях, выпавших на ее долю, говорит с болью в сердце: «В этот день, детки мои, турки захватили Город¹⁵. Кровь лилась по мостовой реками».

Ей присуще рассуждение, и она проходит по жизни путем добродетелей. Она не отчаивается в беде и не надмевается в радости. Манеры ее всегда аристократические и поведение высоконравственное, как подобает святым. Одним словом, хотя одежда ее нередко бывает старой и потертой, душа — бодра и молода.

Напротив, женщина, далекая от Церкви, а если к тому же случится ей разбогатеть и благоденствовать, становится одним из самых сумасбродных созданий на земле. Если жизнь ее уклонится от своего благополучного течения, то она быстро побеждается скорбью, и теряет свой блеск та, которая еще совсем недавно стояла так высоко.

Женщина в Церкви верит не от случая к случаю, она не выжидает удобного момента в вопросах веры. Так и кирия Мария Скараманка со своими многочисленными

¹⁵ Имеется в виду Константинополь, его падение 29 мая 1453 года.

детьми осталась непоколебимой в тот момент, когда подверглась испытанию ее любовь к Божией Матери.

Начало августа 1942 года. Голод рождает ссоры из-за одной маслины или луковицы даже между супругами. Но Успенский пост соблюдают во всех семьях, где боятся Бога. Как-то кирия Мария раздобыла немного муки. Повелела детям затопить печурку. Мама месила дома тесто, а дети носили хворост из сарая. В куче хвороста они нашли зайца. Дети схватили лопату, убили зверька и с радостью побежали к матери.

— Мама, сегодня будем есть зайчатину. Это Божия Матерь нам послала.

— Дети, что вы говорите? Я буду осквернять посуду мясом, сейчас, когда мы постимся ради Царицы Небесной? Если это от Божией Матери, Она его нам снова пошлет, в тот день, когда разрешается мясо. Уберите это отсюда.

— Мама, но мы умираем с голода, а ты не принимаешь подарок Пречистой для нас, лишенных пищи?

— Деточки мои милые, давайте мы вначале воздадим пост Царице Небесной, а Она в свою очередь пошлет изобильно Свою благодать. Что бы мы ни съели, если на то нет Ее воли, всё равно померем.

Зайца взял сосед и устроил себе небольшой праздник со сладким винцом.

Пост провели на овощах, которые скудно вырастили засушливым летом.

Канун Успения. Люди обходят виноградники в поисках упавших на землю виноградин, чтобы положить хоть что-то в рот и немного подкрепиться.

— Дмитрий, нашел виноградины?

— Да, мама, нашел, но проклятые осы высосали весь сок и оставили только шкурки.

— Видишь, за наши грехи, сынок, и бессловесная тварь скорбит и страдает.

Кирия Мария снова собрала немного муки.

— Дети, завтра праздник. Давайте затопим печку и испечем немного хлеба, единого насущного. На завтра не останется ни кусочка.

Дети с радостью пошли за хворостом в сарай, затопили печь и начали бросать в огонь сухие ветки. Огонь разгорался, и языки пламени лизали устье печи. Хвороста всё меньше и меньше в углу сарая. И вот, опять на том же месте, большой кролик спрятался от преследования голодных, а может быть и сытых, мечтающих отпраздновать Успение с тушеной крольчатиной и сладким вином.

— Дети, — воскликнула кирия Мария, — на сей раз это действительно от Божией Матери. Предыдущий зверь был от диавола. Бог попустил испытать нашу любовь к Божией Матери, которая охраняет и защищает наш остров. Я вам приготовлю кролика, как можно вкуснее, чтобы вы порадовались и спели: *«Во Успении мира не оставила еси, Богородице»*¹⁶.

16 Тропарь Успению Пресвятой Богородицы.

Святое терпение сестры милосердия

В 70-х годах я находился на лечении в больнице Евангелизмос. В этом месте скорби и боли служили женщины, которых на улице дразнили «святошами», а народ Божий звал посвященными Господу и служению страждущему человеку. Эти труженицы воздвигли оружие веры, любви и самопожертвования среди рационалистически мыслящего мира. Ни одна не склонилась на атеистическое пустословие безумных. Предавшие себя благодати Божией и в послушание духовнику, они, эти немощные сосуды, были светильниками миру. Больницы действовали, как монастыри, со своим чином, дисциплиной и нравами. У нынешних медсестер есть знания, которые они приобретают в училищах, а нравственности где они научатся?

Эти благословенные объединения были училищами высокой нравственности. Здесь воспитывался дух самопожертвования, милосердия и благодати. Никто не смотрел на расписание, не следил за внешностью. Блаженнопочивший врач Диамондополус, вернувшись домой после двухнедельного отсутствия, в ответ на законные упреки жены ответил:

— Как я могу уйти из больницы, если сестры больше месяца работают без отдыха?

Эти ученицы Назарянина каждый день распинались, служа душам и телам больных.

За каждым хорошо организованным общим делом стоят люди недремлющие, болеющие душою за это

дело, небрегающие о собственном благополучии. Но, к сожалению, в наше время самопожертвование не числится среди добродетелей. Труженика, который весь день таскает тачки, гребет веслами или ловит рыбу, считают человеком отсталым.

Итак, начальствующие и нечестивые удалили мирнослиц Христовых из больниц. И больницы остались в руках людей, у которых нет ни веры в Бога, ни уважения к человеку. Министр, сотворивший это нечестие, признавался позднее:

— Действительно, без «святош» больницы работают плохо.

Эти посвященные Богу души толкали человека ко Христу и к евангельским добродетелям. Исповедь и причастие помогали больному радоваться и надеяться.

В больнице Евангелизмос я был очевидцем терпения сестры и ее любви к одному строптивому больному. Ему сделали операцию на желудке. По прошествии нескольких дней он должен был начать питаться через рот, но от своей несчастной жены не принимал ничего. Только курил всё время и восклицал:

— Жизнь меня не интересует!

Одна сестра принесла ему йогурт.

— Не хочу.

— Возьми.

— Давай. — Выхватил йогурт и швырнул ей в лицо. Она буквально умылась йогуртом.

Но через час она снова перед ним с йогуртом, как ни в чем не бывало:

— Вы должны съесть.

В этот раз умывание сопровождалось бранью и проклятиями. Его жена, забившись в угол, прошептала:

— Девушка, оставьте его.

Через некоторое время в руках той же сестры вновь поднос с йогуртами.

— Ладно, давай, ты меня довела.

Каменное сердце смягчилось святым терпением. В душе заговорил Бог. Через несколько дней больной исповедался и причастился, обнял свою исстрадавшуюся жену и возвратился к жизни. Свидетельствовал позже: «Терпение сестер милосердия спасает жизни и души».

Клирики-подвижники

Отец Илия из больницы Евангелизмос

У отца Илии в больнице Евангелизмос был уютный уголок для человека отчаявшегося, уставшего от жизни. Каждый день с четырех до десяти вечера батюшка с великим терпением подавал изобильные врачевания *впадшим в разбойники*, прижигая и помазуя бальзамом души. Каким бы усталым он ни был, никогда не отказывался выслушать человека. Сидя в епитрахили на своем «электрическом стуле» (как он его называл), с таким видом внимал кающемуся, будто именно его он ожидал на исповедь.

Чего только ни слышал этот «киоск», который он устроил в углу церкви Благовещения! Чтобы приходящим было легче исповедоваться, он написал небольшую брошюрку. На обложке ее был изображен Господь, стучащийся в дверь, у которой нет ручки снаружи: «Почему не открываешь Ему?» В утренние часы он каждый день обходил палаты больных — утешал, исповедовал, помогал оставленным. Много раз можно было видеть его, с бумажками в руках переходящего из кабинета в кабинет, чтобы получить для брошенных заключение об инвалидности, даже и для святогорских келлиотов и скитян. Он подвигал больных к исповеди без напора и давления, хорошо зная «искусство из искусств» — духовное пастырство. Если видел, особенно у тех, кто носит рясу, упорное пребывание в грехе, то становился непреклонным. Его ценил и уважал персонал больницы.

Позже отца Илию «добровольно-принудительно» сделали епископом. И угас очаг в больнице Евангелисмос. Очень многим не хватало его литургий, простых и кратких проповедей, а особенно — благодати исповеди. Тогда я услышал, как говорил один христианин: «Потеряли мы нашу опору».

Как епископа его потом отстранили, ибо не могли вынести истинного монаха при своем высочайшем

дворе. Украшениями его митры были простота, доступность, приветливость, любовь к богослужению и, что самое важное, отцовство. Он не оставлял тебя в пасти волка, но действовал, поднимал тревогу, чтобы тебя вызволить. Его называли грубым и суровым, потому что он ни в чем не отступил от своих правил. Отец Илия останется в списке архиереев известным бедностью своих облачений, которые были сшиты из самых дешевых на церковном рынке тканей.

Были у него и другие духовные украшения, о которых нельзя умолчать. Он предпочитал всему милосердие. Много раз выплачивал чужие долги по найму, чтобы люди не потеряли жилище. Вместе с отцом Матфеем содержал пансион для бедных студентов.

Еще одно украшение — дух ученичества, который он сохранил до глубокой старости. Чтобы его монастырь жил в соответствии с основами монашества, а не по его собственным понятиям, он спрашивал совета, как малое дитя.

После своего изгнания он не остался без дела. Вернулся в исповедальню и великим трудом основал женский монастырь, где собрал своих духовных дочерей, которые до сего дня непритворно и без лукавства свидетельствуют о Христе. Они не приняли новшеств, но пребыли верными традициям отца Илии, как он в точности перенял их от старца Амфилохия Макриса.

После продолжительной болезни отец Илия упокоился в своей обители. Ему посвящена целая книга воспоминаний.

Отец Георгий из больницы преподобного Саввы

Господь в Своей молитве просит, чтобы мы пребывали в Его любви. Некоторым людям благой Бог не позволяет вырасти, Он оставляет их детьми, чтобы они пребывали в любви Его. Они действительно возлюблены Христом во всё время своей жизни.

Одним из таких любимцев Господних был отец Георгий. Лицо его светилось невинностью, а глаза сияли, как у младенца, который только что проснулся в своей колыбели. Его вопросы были даже не детскими, он как будто только сейчас появился на свет и не знал ничего из того, что происходит в эти дни.

Во время исповеди у него осознаёшь, что значит снисхождение. Сначала думаешь: «И этому дитяти я буду исповедаться?» Но потом всё-таки умягчается твое сердце и ты предаешь себя невинности старца: «Что могу скрыть в этой встрече? Я нашел друга, чтобы поговорить, и буду перед ним умничать?»

Он слегка ослаблял веревку, чтобы ты, рванувшись внезапно, не порвал ее своей тяжестью. А в конце натягивал ее, чтобы ты не уклонился во грех. И вот, уже привязанный к старцу, как лодка к кораблю в стародавние времена, ты пересекаешь мысленное море.

Его быстро взял Господь, — *«да не злоба изменит помышление его»* (Прем. Солом. 4:11), — ведь он достиг цели: видеть лице Бога Иаковля.

Отец Анастасий «шумный» из храма при народной больнице

Он был полной противоположностью тем, о которых говорилось ранее. Суровый от природы, он не вмещал обращение «батюшка». Когда шагал этот мускулистый выходец из Гидры¹⁷, земля содрогалась под его ногами. Отец десяти или даже более детей, он умел держать вожжи в руках. Юнга на кораблях Саронического залива в годы святителя Нектария, он хорошо усвоил портовый язык и в случае необходимости пускал его в дело, как жнец серп.

Его направили на приход в храм Святой Троицы на улице Кифисии. Но когда он увидел, что другой священник совершает свое служение без благоговения и страха Божия, то попросил перевода в больничный храм, чтобы служить одному. Ему говорили:

— В больнице не бывает ни крестин, ни венчаний. У тебя много детей, голодать будешь.

— А вы что предлагаете? Чтобы я его заклал, как Илия студных жрецов?

Персонал больницы был из «шуих», безбожники от первого до последнего. Гражданская война еще не кончилась.

— Слава Богу, давшему мне крепость. И я не боялся, а иначе бы меня вышибли оттуда, — говорил он, посмеиваясь. — Приходилось быть очень внимательным, чтобы не уволили.

¹⁷ Гидра — остров в Эгейском море.

И продолжал свой рассказ: «Самым большим испытанием было достать хлеб насущный. Осень 1948 года. За целую неделю никто даже не приблизился, чтобы поставить свечку или принести масло для лампад. Вот и погасли лампы у святых бессребреников. В субботу вечером допоздна ожидал в исповедальне. С улицы доносился шелест листьев, гонимых по тротуару сухим северным ветром, а шагов слышно не было. Время от времени я поглядывал в окно. Никто не проходил. Говорил сам себе: «Как пойду домой? Какими глазами буду смотреть на матушку? Всю неделю ничего не приносил». Я встал на колени, обнял ноги распятого Христа; мне нечего было сказать Ему. Было уже поздно, и надо было уходить. В тот момент, когда я поворачивал ключ в двери, какая-то женщина крикнула из темноты:

— Отец Анастасий! Отец Анастасий! Подожди, не закрывай. Умерла моя мать, и я тебе оставляю три тысячи на сорокоуст¹⁸.

Я вернулся. Стал на колени перед Распятием и так благодарил, как никогда. Даже за жену и детей так не благодарил. Пошел, накупил всего. Стол ломился. Отдавая свертки, говорил матушке:

— Вот тебе, ворчунья, за твои слезы.

Эта трудная неделя принесла в дом великую милость Божию».

18 В Греческой Церкви все сорок литургий за душу усопшего христианина обычно совершаются одним священником, что требует от него определенной подготовки. Вознаграждение за сорокоуст бывает очень значительным. Готовясь к смерти, христианин собирает деньги с этой целью.

Перед этим же Распятием, где постоянно молился отец Анастасий, преклонял колени и исповедающийся. Внешность и манеры о. Анастасия говорили ясно, что здесь не до шуток. Это была настоящая операция, только без скальпеля. Ничего нельзя было скрыть — ветхое и новое, всё выходило наружу само собой.

Был знойный август, и я говорю ему:

— Больше не могу. Плоть перешла грань моего терпения.

Он схватил меня за руку, сжал ее крепко, так что выступили вены, и спросил со слезами:

— Сынок, что здесь течет?

— Кровь, — говорю.

— Неверно. Грех, сынок. Приходи завтра утром причащаться. Буду служить для тебя.

Эти духовники благодатным образом охлаждали печь огненную, не разжигая утихших страстей.

Иеромонах Тимофей с Афинского рынка

В самом неблагополучном районе Афин, на улице Менандра, есть храм святителя Афанасия, подворье монастыря Божией Матери Хрисолеондиссы на Эгине. Там служил иеромонах Тимофей. Когда Бог раздавал простоту, она как будто ему одному вся досталась.

Для человека с рынка, шагающего по гнилым доскам, он был надежной опорой. Каждый день служил вечерню и литургию. Певчими были простые люди, которым нравилось петь, потому как они этого не умели. Молодые, которые им подпевали, стали впоследствии монахами.

Как-то я был на Литургии Преждеосвященных Даров. В смиренном свете лампад звучал один сильный пророческий глас: «Приготовьтесь, христиане, идет Царь Славы».

Многие *труждающиеся и обремененные* полюбили службы в этой церковке. Сам образ отца Тимофея с афинского базара — неуловимый, трудно описуемый — удерживал грешников и радовал благочестивых. В его лице люди видели Ангела. Складной стульчик отца Тимофея, сидя на котором он исповедовал, был ближе бедным и неученым. Сделав покупки на неделю на оптовом рынке, они проходили и через простенькую епитрахиль отца Тимофея.

Сколько раз в субботу вечером я заставлял исповедующихся в церковке, полной сумок с покупками. Огонь в очаге отца Тимофея поддерживали посты,

ночные литургии, молитвы, а не академическое богословие с его мнениями и сомнениями. Поэтому и труба этого очага была невысокой и незаметно дымила на глазах многих.

От своих трудов он построил с помощью верующих знаменитый старческий дом. После операции на сердце служил еще несколько лет, пока не переселился в обитель, уготованную Господом на небесах для любящих Его.

Отец Афанасий Хамакиотис

И еще один авва свидетельствовал в те дни о Страстях и Воскресении Христовом — отец Афанасий Хамакиотис в храме Божией Матери Нерандзиотиссы в Маруси¹⁹. Он поддерживал благочестие афинян, особенно высших слоев, в середине прошлого века. Это был крепкий ствол, который, омываемый потоками благодати, непрестанно пускал ветви святоотеческого богословия.

Эти отцы не дали из себя ни прозорливцев, ни чудотворцев. Они спустились на попрание и, сражаясь вместе с народом, водрузили оружие победы над кознями бесов. Они сохранили традиции прежних батюшек. Нестриженные, ненадушенные, смиренномудрые, они жили в скудности. В делах церковных у них

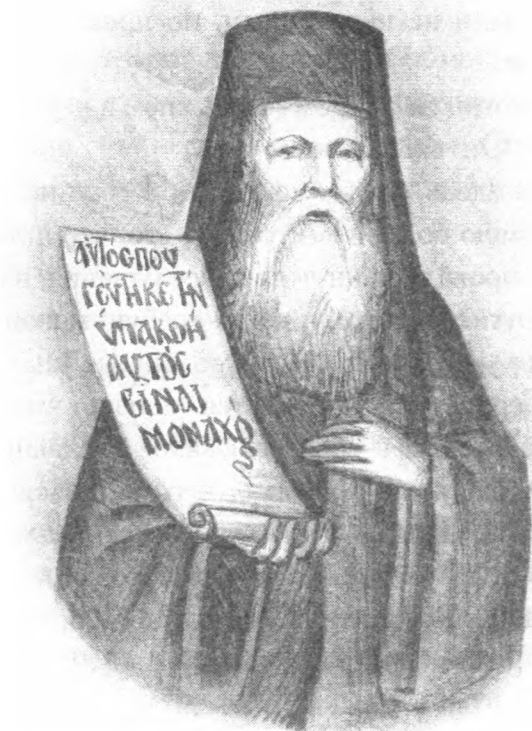
¹⁹ Пригород Афин.

не было оговорок «я думаю», «я полагаю», «по моему мнению», «я бы сделал так». Это было доброе продолжение традиций отца Николая Планаса²⁰. Они не перекраивали и не перешивали, но продолжали так, как приняли.

Я познакомился с отцом Афанасием в церкви Успения в Бале. Он сказал мне:

— Сядь здесь, рядом со мной. Я тебе исповедаю мой грех и мою боль. Мой грех — то, что я, никогда в жизни не проходивший подвиг послушания, взываю этого от других. Поэтому, когда требую монашеского послушания, сам стыжусь, поскольку не знаю этого подвига. Сердце мое ущемляется. Теперь, читая подвижнические книги и сознавая, какое воздаяние приносит послушание, я понимаю, чего лишился, и глубоко скорблю. Теперь, в старости, я как малое дитя: только что проснулся и вижу, что потерял я в начале своего монашеского жития. Поэтому и говорю себе постоянно: «Тоже мне монах, молчи уже». Особенно сокрушаюсь, читая отеческие комментарии к Посланию филиппийцам: Христос нас спас не потому, что учил, творил чудеса, распялся и воскрес, а потому, что *«был послушлив даже до смерти»* (Флп. 2:8). Куда мне до этого величия?.. Где сладость отсечения воли?..

20 О. Николай Планас (1851–1932) прославлен в 1992 г. Вселенской Патриархией в лике преподобных. Много лет был служащим священником в Афинах. В течение 52 лет каждый день служил утреню и литургию. Начинал службу в восемь часов утра и кончал в три пополудни. Деньги, которые ему давали, никогда не оставлял у себя на ночь, но раздавал в тот же день. Обновил храм, в котором служил, давал приданое, помогал студентам.

Упокоился и похоронен отец Афанасий в соборе монастыря, им основанного. И те, кто его знал, и те, кто о нем слышал, поклоняются его могиле и чтут его память. О нем составлен целый том воспоминаний.

Севастиан, епископ Коницкий, могучий дуб новейшей истории эллинов, епископ Креста

Не возведению владычных хором, с креслами и мягкими сиденьями, с роскошными умывальниками и зеркалами, на которые с изумлением показывают пальцами, а служению поработанному народу предал себя всецело епископ Севастиан. Всё до последней драхмы истощал он, чтобы помочь несчастным людям. Их он воспевал, на них глядел, они были в мыслях его, и когда он засыпал, и когда просыпался. Чем чаще повторяли ему: «Забудьте черный Северный Эпир²¹», тем жарче горело сердце его, чтобы осветить людям путь к свободе.

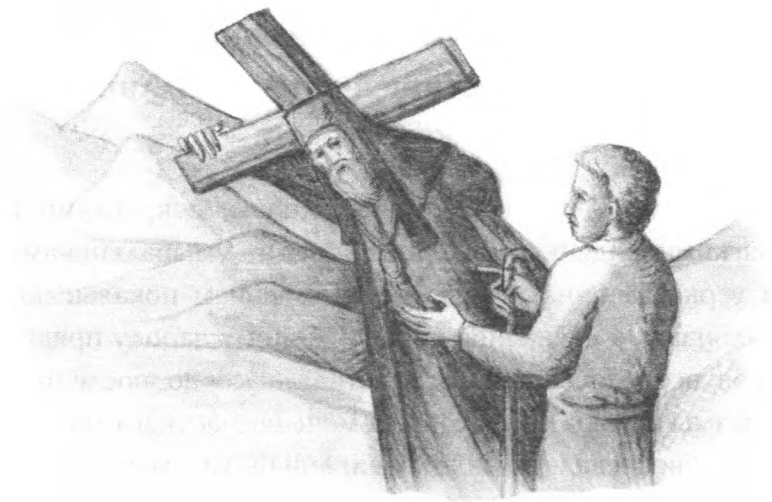
Один знакомый епископ говорил мне:

— Зачем благословенный Севастиан изводит себя, когда всё уже умерло?

Когда я передал эти слова владыке Севастиану, он ответил:

— Отец игумен, на умерших является сила Христова. А мы именно эту силу хотим показать миру — силу, воскрешающую мертвых. В этом месте никто не умер, все живут и ожидают воскресения. Пусть даже и голые кости Северного Эпира. Найдут на них плоть

²¹ Земли, исторически принадлежавшие Греции, с компактным греческим населением. В 1944 г. были незаконно переданы Албании, где установился жесточайший коммунистический режим гонения на религию и любое проявление свободомыслия. Грекам, кроме того, запрещалось изучать родной язык и культуру.

и жилы и скоро запоют: «Христос воскрес и Северный Эпир воскрес».

С владыкой Севастианом я познакомился в годы своего игуменства в Прусу. Он попросил у нас частицу мощей святого Иоанна Коницкого, мощи которого хранятся в этом монастыре. Его посещение, наша встреча с ним — самые приятные воспоминания в моей жизни. Если бы я узнал его раньше, не ведаю, куда бы я поехал: на Патмос или на высокие горы Северного Эпира вслед за ним.

У этого владыки был пасхальный вид. Его взгляд возбуждал в душе моей такие чувства, что я сразу же видел перед собой Христа, Который уловляет меня в Свои сети и приносит мир и тишину. И это не было пристрастием, я совсем немного виделся с ним. Владыка Севастиан, как никто другой, способствовал очищению моего сердца. Бедный, непритязательный,

уважительный, искренний, спокойный, кроткий, подвижник, смиренный, мужественный, дерзновенный, пламенный, неустанный труженик на ниве Божией — в Церкви.

Трижды приезжал он в бедный Дохиарский монастырь, несколько раз мы праздновали вместе Успение в обители Моливдоскепастос, разделяли трапезу в уютном детском интернате при Митрополии, обменивались духовным опытом в тени кипарисов в обители, радовались встрече друг с другом. Незадолго до его смерти я оказался рядом с ним, лежащим на одре болезни. На его погребение мне выпала честь стать проповедником его величия. Теперь это слово я предаю бумаге.

«Высокопреосвященные епископы, честные пресвитеры, начальствующие и верный народ Божий, вот уже два дня, как сообщают по всем каналам, церковным и мирским, и уста всех повторяют вполголоса: «Упокоился владыка Коницкий, Севастиан». И благие со слезами в сердце говорят: «Не дожил, чтобы увидеть исполнение своей мечты». А другие добавляют: «Это удел великих. Разве дожил Ригас Фереос²² до освобождения Греции? Или Моисей вошел в Землю обетованную?» Но, как говорил один монах: «Всё-таки семя упало, и кто знает, что будет делать Бог».

Неусыпное око Северного Эпира, с мольбою и прошением взиравшее на Бога и на людей, уже закрылось, чтобы открыться в светлейшем, не вечернем,

²² Ригас Фереос — выдающийся деятель освободительного движения в Греции.

блистательном свете Царствия Небесного. Уста Иеремии больше не оплакивают многострадальный Северный Эпир и не возвещают его мучения миру, но ходатайствуют перед Богом лицом к лицу — Начальнику мира о мире и освобождении многострадальной земли.

Хранитель этого отраднейшего края погребается сегодня, в разгар зимы, и Бог праведно возда-

ет Своему верному труженику, претворяя в светлую весну этот день, потому что празднует Пасху всякий приходящий к нему. Много страниц можно исписать не о том, каким он должен был быть, но о легендарной, героической, святоотеческой личности покойного старца Севастиана. Я же как монах-святогорец в своем приветственном слове сосредоточусь на опыте своего личного общения с ним.

Владыка Севастиан был богато одарен от Бога и в личностном и в духовном плане. И, слава Богу,

преумножил десять талантов и сделал из них сто. Жил бедно, скромно, непритязательно. Став архиереем, не надмевался. Поэтому у меня было такое чувство, что он являет в миру монашество. Его присутствие воодушевляло и улаждало не только нас, монахов и клириков, но и мирских. У него были типичные черты святых — бедность и смирение, которые являются самым надежным путем в Царство Небесное.

Помимо дара учительства, которым изобилует наша эпоха благодаря широкому распространению образования, у него был и редкий дар отцовства. Очевидно, что прежде чем стать отцом, он был послушным сыном. Как отец, он сумел в этой трудной и забытой многими влиятельными лицами области собрать выдающихся делателей и настоящих героев в винограднике Божием и держать их около себя без ропота и помыслов, в хорошем состоянии и духовном плодоношении. Около него каждый чувствовал тепло и близость, не нарушая границ почтения. В нем было истинное благородство, и ты рядом с ним, сам того не желая, становился маленьким отпрыском рода аристократов духа. Он не подавлял никого ни своим чином, ни своими дарованиями. Отходил в сторону, чтобы проявились способности меньшего.

Он родился, чтобы страдать за народ, врученный ему Церковью. С рождения и до смерти он видел знаки страдания. Радовался в страданиях и становился человеком странного, иного жития.

Каждый, отходя от него, уносил в душе своей тишину и желание вскоре снова увидеть его. Мы все,

расставаясь с ним, благодарили Господа, всё ещё хранящего в Церкви источающие прохладу источники.

Сильный правитель, особенно с большой властью, — это обычно человек жесткий, непреклонный, неуступчивый. Во владыке Севастиане неожиданным образом соединились лидер и любящий отец, мягкий и кроткий. Но об этом лучше могут сказать его сотрудники и народ, который жил рядом с ним.

Для нас, так называемых низших клириков и монахов, особенно для молодых, нуждающихся в примере для подражания, ищущих поддержку и плечо, на которое мы могли бы опереться, смерть митрополита Севастиана — это великая потеря. Действительно, хотим мы того или нет, определенные лица, где бы они ни находились, являются как бы призывом для нас, клириков и монахов. Клирики-подвижники, слыша о епископе, что он аскет, исполненный апостольской ревности, что он сжимает кулаки против миродержца века сего, черпают из этого примера силу и дерзновение и для своего подвига. Если святитель Иоанн Златоуст, сетуя, писал о своем времени: «Где слезы Ефрема Сирина? Где великие подвижники и учителя Церкви?» — то мы разве не имеем права сказать: «Где Амфилохии и Филофеи²³? Где Порфирии²⁴ и Иаковы²⁵? Где Паисии²⁶ и Севастианы, к которым стекались люди, как жаждущие олени, и только их

23 Амфилохий (Макрис) см. сноску 11. Филофей (Зервакос) см. сноску 7.

24 Порфирий (Баирактарис, 1906–1991) — старец, духовник, чудотворец при жизни и после смерти.

светлый взгляд утишал боль и помазывал бальзамом души?» Как не восплачем, и не восскорбим, и не возрыдаем о нашем духовном лишении и сиротстве, и особенно в то время, когда Закон обессилел и Евангелие упразднилось.

Коница, у тебя будут владыки, но такого, как Севастиан, уже не будет. Он — один из пророков и мучеников, которых нам Бог посылает раз в триста лет. Не потому, что Он скуп, а потому, что их трудно найти. Народ Божий, проси Господа, чтобы просветил иерархов и чтобы они послали делателя трудолюбивого и самоотверженного на это царское поле, который стал бы не надменным властелином, но рачительным хозяином, собирающим тебя в ограду Церкви. Чтобы страдал за всех и за каждого в отдельности. Радуйся, старче Севастиане, в недрах святых Патриархов. Радуйся, добрый пастырю, со святыми пастырями Церкви. Радуйся, смиренный и скромный монаше, в лике от века преподобных отцев. Радуйся, служителю таинства безпорочный, иже до последнего часа глаголивый: «Горячо желаю совершить Литургию, очень мне ее не хватает». (И действительно, Причастие — не что иное, как горячее стремление к Богу, по

25 Игумен монастыря Преподобного Давида на греческом острове Эвбея Блаженный Старец Иаков Цаликис (1920—1991) был одним из первых преподобных и богоносных старцев в плееде греческих подвижников благочестия XX века.

26 Паисий Святогорец (Эзнепидис, 1924—1994) — блаженный старец схимонах, один из самых уважаемых старцев и духовных светил греческого народа XX века, старец и монах Афонской горы, известный своими духовными наставлениями и подвижнической жизнью.

евангельскому учению.) Радуйся, учителю и делателю воздержания и правды. Радуйся, любви крестная и волею мучениче Христов. Радуйся, вождю и наставниче эллинов.

Благодарим тебя за всё, чему ты нас научил, за благой твой пример, за мир и любовь, которые ты нам оставил, уходя из этого мира.

В последний раз, когда я видел тебя в больнице в Яннине, я спросил тебя:

— Хочешь жить?

И ты мне ответил:

— Для вас и для сотрудников моих возлюбленных хотел бы, но для меня самого лучше небеса.

И еще благодарим тебя за последний твой урок: умирая, ты попросил прощения, как если бы ты был величайшим грешником.

— Дети мои, что вы за мной ухаживаете? Я недостойный и грешный паче всех человек.

Это кончина преподобных — уверенность в своем недостойнстве. Дай Бог и нам такую кончину. Аминь».

Мученики

Боль открывает сердце убийцы

В 1966 году я праздновал Пасху в Мегалохори, около Трикалы, в семье Димитриса Юври. Мне представился удобный случай узнать жизнь Фессалии, а особенно, как они празднуют Пасху.

Я чувствовал себя совершенно чужим, хотя Василис, мой любимый друг, был всегда рядом. У жителей Фессалии на Пасху — немного службы в церкви, много печеного мяса, вина, народных танцев и песен. Одно из пастбищ милых свинок стало танцевальной площадкой. Я радовался, глядя, как все от мала до велика настроены пировать. Мне подумалось: «Эти люди более чем мы на островах задавлены трудами. Летний зной, зимнее ненастье. Сейчас они расслабляются». Моя юношеская фантазия в тот пасхальный вечер не имела границ. Она обратилась ко временам турецкого ига, когда эти пасхальные дни особенно ждали, так как надеялись, что может измениться к лучшему их мучительная жизнь.

Вечером при свете керосиновых ламп дядя Димитрис спросил меня о моих впечатлениях. Я, легкомысленный как эгейская пемза, начал рассказывать ему о Пасхе на островах, не задумываясь над тем, что, может быть, это сравнение утомляет его.

— Мы, кириос Димитрис, празднуем Пасху с колоколами, длинными службами. Мы, ребятишки, на Пасху бросали качели и весь день висели на веревках колоколов. На вертелах не печем мясо, всё

устраивает глиняный горшок. Пасхальные цуреки с четырьмя красными яйцами, как это делают бабушки, символизируют четыре стороны света, омытые Кровью Христовой. И густое пасхальное приветствие «*Христос воскресе — воистину воскресе*», перекрывающее все шумы и звуки, даже морской прибой, заполняет день.

Дядя Димитрис, который вначале слушал внимательно, не показал признаков умиления, а потом даже начал и похрапывать, чем выдал, что его принял в свои объятия Морфей. Итак, я прервал свой воодушевленный рассказ.

Благодарю Бога, что я узнал этот мир в то время, когда еще не было телевидения и мы хоть накоротке говорили друг с другом. Тогда не было ночных клубов, где пропадает нынче молодежь, все радовались человеческому присутствию, не спрашивая вполголоса один другого, где такой-то или такая-то. Мы все без исключения праздновали Пасху Господню и нашу собственную.

На следующий день, который называется Новым Понедельником, прибыли родственники Василиса поздравить племянника и его гостя, по пословице: «Вместе с базиликом поливают и горшок». Тетя Константо и тетя Кирацо приветливо поздоровались с нами кивком головы. Они были рады нас видеть. Шутки и присказки тети Константо не были колкими. Я их не очень хорошо понимал, но живо чувствовал взыграние сердца. Я так хорошо провел с ними время, что потом

мне часто не хватало их общества. Прекрасные люди среди весенних цветов на лугах Фессалии.

Одной из этих мироносиц, пришедших к племяннику Василису, была тетя Ариадна. Она редко смеялась и всё вздыхала тайком. Ее лицо выражало боль и скорбь.

— Константо, что с этой старушкой, почему она сидит такая печальная?

— У нее, Манолис, большое горе на сердце.

Я пошел и сел рядом с ней.

— Тетя, что с тобой? Почему ты невеселая? Почему с тяжелым сердцем сидишь среди таких радостных людей?

— Не всегда они радостные, люди-то. Есть у них и слезы, и горечь. Много лет я скорблю, и если есть у тебя мужество послушать о мученичестве, я тебе расскажу.

— Я для того, тетушка, и пришел в ваши края, чтобы не только разделить вашу радость, но и услышать о вашей боли.

Итак, тетя Ариадна начала свой рассказ.

«Мы все здесь возделываем огороды. Каждую субботу возим на базар в Трикалы лук, морковь, сельдерей и вообще всё, что дает нам огород. Там покупаем необходимое для дома.

Однажды суббота выдалась очень холодной. Я вся дрожала. Руки окоченели так, что не могла ничего держать. Как только кончила торговать, решила

пойти в таверну поест горячего бульона, чтобы согреться. Не жалко и денег. Официант мне говорит:

— Бабуля, ешь над столом, чтобы не падали крошки на пол.

— Сынок, я бедная. Не привыкла опираться на стол, я близко к груди подношу тарелку и так ем свой хлеб.

Принесли дымящийся бульон. Я еще не успела и ложку поднести ко рту, как за столик напротив сел один мужчина, внешне очень неприятный и грубый. Хотя я видела его впервые в жизни, что-то в нем мне показалось знакомым. Дрожащими руками я положила ложку обратно в тарелку и стала внимательно его разглядывать. Я встала и обошла его сбоку и сзади. Прошлась до двери и снова вернулась. Я забыла и про холод, и про горячий бульон. Как только я увидела этого человека, загорелось сердце мое, как лучина в камине.

У меня, детка, был брат-священник, звали его Хризостом Папахристос. Он был хорошим батюшкой, не потому что это мой брат, а так все говорили. Он был очень активный и противник коммунистов. Однажды по пути в храм ранним утром он пропал. Мы везде спрашивали, искали его. Но его и след простыл. Успели ли он хотя бы позвать на помощь, когда его схватили эти псы? Я ходила по лугам, по кустам, по косогорам, кричала: «Хризостом! Отец Хризостом!» Нет ответа. Но у меня была тайная надежда, что он жив. Может быть, его увезли из Греции, как и других патриотов. Я всё повторяла: «Кто осмелится убить святого

человека?» Но пока я разглядывала этого знакомого незнакомца, я потеряла надежду, что брат мой жив.

Села за стол напротив того человека. Официант кричит: «Бабуля, это не твое место!» Я притворилась глухой. Собрала всё свое мужество и говорю:

— Слушай, одежда на тебе моей работы. Я хорошо рассмотрела ее и видела все свои швы. Скажи мне, откуда ты ее взял. Ничего не скрывай. И я обещаю перед Богом, что не выдам тебя. Иначе я сейчас же закричу и позову народ.

— Я тебе скажу всю правду, но не выдавай меня. Я выполнял приказ. Итак, слушай. Туда, где мы были, привели одного, должно быть попа. Но на нем не было ни скуфьи, ни рясы, руки связаны за спиной. И над ним так издевались, что не передать. Страшные ругательства, пинали его, как мяч, и перебрасывали из стороны в сторону. Били чем попало, по голове, по лицу, по животу. У меня болела душа, и я хотел его прикончить. Мне и еще четверым поручили его казнить. Мы потащили его на край ямы, полной вонючей воды. Мы его раздели, привязали к четырем вбитым в землю кольям, и мне приказали содрать с него живого кожу. Когда я дошел до бедер, его крики и стоны стали невыносимыми. Я не выдержал, стукнул его топором по голове и столкнул в вонючую воду.

«Брат мой, отец Хризостом», — только успела я сказать и очнулась в больнице в Трикале. Вот почему тяжело у меня на сердце и я всегда ношу черное и никогда его не снимаю».

— Кирия Ариадна, может, это был не человек, а диавол тебя смущал?

— Это ты, сынок, говоришь, чтобы меня утешить. Но это был человек, одержимый бесом.

— В таком случае, брат твой мученик, настоящий святой. Пусть, наконец, заговорит об этом и Церковь, чтобы узнал весь мир.

Его святыми молитвами, Господи, помилуй мя.

Церковь с красными дверными косяками

В начале 70-х годов мы служили в обители Мир-
тъя, которая находится в Трихонидской области. В
этом живописном месте мы были совершенно чужи-
ми. Ни один из нас не имел там ни родственников,
ни знакомых. Мы подвизались в странничестве с
большим усердием при содействии благодати Божией,
несмотря на то, что были очень молодыми и немощ-
ными для суровых подвигов. В утешение я постоянно
напевал из чина Погребения Плащаницы: *«даждь ми
Сего Странного»*. Странничество — суровая добро-
детель, связывающая подвижника с Богом. В трудно-
стях у него нет иного прибежища, кроме Бога, Кото-
рый становится вечным Другом и истинным Братом.

Некоторые из живущих по соседству с нами поняли
наши чувства и вызвались устраивать нам прогулки на
машине по прекрасным уголкам области. В одно из та-
ких путешествий мы оказались во дворике маленькой
загородной церкви св. великомученика Димитрия.
Говорю водителю: *«Здесь остановимся отдохнуть»*.

Сидя на каменной приступке во дворе, я с удивлением
разглядывал дверные косяки церкви, выкрашенные в
красный цвет. Подошел поближе. Камень не может
быть такого цвета; без сомнения, они покрашены. Но
чем? Почему получился такой оттенок? Между тем
один пастух, завидев нас, пришел открыть храм. Его
быстрый орлиный взор выхватил, с каким вниманием я
разглядываю маленькую церковную дверь. Согбенный

старик выпрямился и изучающе посмотрел мне прямо в лицо, словно ожидая вопроса.

— Дедушка, — говорю, — чем покрашены косяки?

— Это целая история. Садись, я тебе расскажу, что я подглядел и что пережил.

— Почему подглядел?

— Мог ли я открыто предстать перед ними? И со мной случилось бы то же самое, если не хуже. Меня приняли бы за шпиона и тогда...

«Однажды ближе к вечеру прибыла сюда, где мы сейчас сидим, группа повстанцев. С ними был и один священник. Как над ним издевались, этого я даже не могу передать. Изнывает душа моя. Я хотел было поджечь это место, но испугался. Самое ужасное, что мучения изобретали женщины, которых мы считаем нежными созданиями. В конце концов его раздели, надругались над ним и привязали здесь, во дворе святого Димитрия. Звероподобные мужчины глумились над ним. Одна сука отрезала ему детородные органы и покрасила кровью дверные косяки храма. Это, сынок, не краска. Это кровь мученическая, да к тому же — священническая. Я прочитал все жития святых здесь, где пасу овец. Такого мученичества я не встретил нигде. С тех пор никто не белит и не скоблит эту окраску.

Старик расплакался в конце.

— Почему плачешь?

— Я не плачу о мученике, но о людях, которые без Бога становятся хуже диких зверей. Но почему, отче,

Церковь не чтит этих мучеников как святых? Говорят: «Чтобы не разжигать ненависть». Они разжигали и жгли, а теперь, когда они задевают Церковь, мы забудем свидетельства и мученичества и займемся шутками и сказками? Горе нам, отче, кто бы ты ни был.

Как-то я спустился в город. Зашел в большой храм поклониться иконам. Вокруг одного парня собрались дети, и он их учил. Я спросил, что это. Мне сказали, что воскресная школа. Я сел в сторонке послушать, всегда любил слово Божие. Прислушался. Подошел поближе и услышал шутки, песни и небылицы. В конце я подошел к учителю.

— Сынок, у нас вера живая, с подлинными событиями, а ты сказки рассказываешь, если не сказать хуже.

Я сел и рассказал ему эту историю. А его, батюшка мой, это не тронуло, не задело. В глазах ни слезинки. Скорее всего, ему было неприятно со мной, потому что я был плохо одет, и неграмотный. Если не сказать хуже. Со временем всё видишь по-другому...»

У старика было искреннее расположение поучиться, да день уже клонился к вечеру, и нам надо было уходить. Конечно, сейчас, когда я пишу это, он уже упокоился. Вечная ему память, ибо он говорил истинно.

Батюшка-законоучитель

Август был уже в разгаре, и все верующие материковой Греции, почитающие Божию Матерь Прусиотиссу, готовились к ежегодному паломничеству в Ее монастырь. Как-то вечером, когда тени от гор покрыли монастырский двор, я увидел батюшку. Средних лет, невысокий, он тяжело, но с достоинством шагал по каменным плитам, устилавшим двор. «Смотри-ка, этот батюшка не пьян, но какая-то скорбь гложет его сердце». Он подошел ко мне, поздоровался, и я принял его сердечное приветствие, как Елисавета приняла Мариино в горней Иудее. Поклонившись иконе Божией Матери, он попросился переночевать в монастырской гостинице.

— Отцы, поместите меня куда хотите, хоть на чердак или в темный подвал, но не в келью, что в дальнем крыле с окнами на реку.

— Почему, батюшка? Это лучшая келья в монастыре. Многие хотели бы переночевать там, где шум воды сладко убаюкивает даже страдающих бессонницей. А весной шум текущей воды соревнуется с пением соловьев, кто кого пересилит.

— Правду говоришь, отец. Но послушайте и меня, пожалуйста. В 1944 году я вместе с другими несчастными — жандармами, священниками, учителями — был заключен в эту святую обитель. Нашим ежедневным питанием была тыква без соли и масла. Игумен, мой старый знакомый, пытался хоть чем-то услужить

мне. Каждый раз, когда они об этом узнавали, приходили в камеру и прикладом выбивали мне зубы. Сколько раз угостил меня игумен, столько зубов мне

выбили, и так изранили мои губы, что они до сих пор не зажили. Может быть, эти раны перережут нить моей жизни.

(Так и случилось. Эти раны переродились в рак, и батюшка-мученик очень быстро преставился.)

Я спросил, служит ли он.

— Да, отче, потому что после меня закроют все приходы в горах. Сейчас могу не могу, обслуживаю деревни.

— На Пасху что делаешь?

— Начинаю Пасхальную заутреню днем в Великую Субботу и в последней деревне служу литургию на рассвете в воскресенье. Не думаю, что в этом году буду служить, в моем изувеченном повстанцами теле с возрастом всё больше сказываются те раны и побои.

Так батюшка с израненными губами очень быстро оставил этот мир, а деревни потеряли *Христос рождается* и *Христос воскрес*. Больные уста больше не отверзаются для проповеди слова Божия.

Господь наш да воздаст ему за его терпение, да вспомнит его мученичество в день Божественного воздаяния.

Нельзя не рассказать о том, как покинули заключенные обитель Прусу.

Когда «товарищи» слышали, что немецкие части движутся от Карпениси, чтобы сжечь монастырь, который по причине удаленности и уединенности стал пристанищем повстанцев, они нагроулили на каждого

заклученного по неподъемному мешку и приказали идти на восток от монастыря в деревню Кастанья. Тропинка вела круто вверх. По ней и налегке человек поднимался с большим трудом, не то что нагруженный огромным мешком, к тому же из ослиного волоса, который немилосердно колол тело. Достигнув деревни почти в обморочном состоянии от усталости, они открыли мешки посмотреть, что же несли. Думаете, это были припасы на дорогу? — Старые доски, кирпичи... Чтобы причинить людям больше страданий в пути.

— Слава Богу, мы всё забыли и сейчас живем, и радуемся, и говорим: *«Господи, не постави им греха сего. Не ведали, что творили»* (см. Деян. 7:20), — завершал свой рассказ батюшка-законоучитель.

Благочестивый дядя Костис

Эвбея — это остров в Эгейском море, хотя его и соединяет с материком небольшой мост. Его длина, от Кикладских островов почти до Северных Спорадов, и высокая гора Дирфис посередине, если принять ее за мачту, делают его похожим на корабль старых времен, плывущий под парусами в голубых водах Эгейского моря, не черных, не белых, но голубых, потому что Бог спустил небосвод на этом архипелаге.

На Афонском полуострове тоже есть вершина, но с краю, поэтому он больше напоминает современные корабли, перевозящие автомобили. И Афон везет автомобили, то есть монастыри, каждый из которых управляется самостоятельно.

Этот благословенный остров был местом церковных традиций, где многие поколения воспитывались в православной вере на примере житий святых. До сих пор в маленьких деревушках пахнет чистым ладаном и воском. Там найдешь людей старых времен, которые вычитывают службы, постятся как монахи или даже больше монахов, вглядываются в жития святых и обращены на восток, когда молятся, а не на запад, как современный человек, радующийся исходу дня, потому что кончается работа и начинаются встречи в местах развлечения и греха.

Тяжелый труд и жизнь в Церкви, где возвещается слово значительное, прекрасное, животворное, делают неграмотного человека философом. Эти люди

держат равновесие в мире и рассеивают праведный гнев Божий. Их жительство — наше утешение; это радуга, напоминающая, что Бог еще нас терпит, хотя грех достиг невообразимых размеров.

Сзади, на северных склонах горы Дирфис, на обрывистых берегах острова, расположены несколько хуторов. В одном из них жил благочестивый дядя Костис. Жил со своей семьей, занимаясь на небольшом клочке земли скотоводством и земледелием. Тяжелая крестьянская жизнь, беспощадно треплющие сухие северные ветры, пост и молитва направили его мысли к подвигам высочайшим. Кто знает, сколько раз, обратив к морю восковое лицо, он смотрел на плывущие в бескрайних водах корабли и молился о них, чтобы они благополучно достигли пристани, чтобы вернулись удалыцы домой к семьям... То, что говорю, это не преувеличение и не вымысел. Много раз видел я, как благочестивые люди горящим взором смотрели на пенящееся море и молились о *в море плавающих*. Особенно матери, чьи дети были в плавании. Изумляешься, слыша, как сливаются тихие вздохи с шумом морских волн: «Божия Матерь, потщись, поспеши на помощь и на земле и на море».

Дядя Костис был молитвенником. Если собирался причаститься, всю ночь, подобно *неясыти пустынной*, проводил в лесу на молитве. С рассветом предстával хорошо одетый, чтобы идти в церковь к Причастию. И другие в наше время пропадают целые ночи. Но с рассветом являются, как чудовища...

Старик был гостеприимным; его дом был открыт для всех. Даже многострадальные цыгане находили пристанище на ночь в его доме. Он совершенно не боялся, что они его обворуют или что-то ему «сделают» своим колдовством и заклинаниями. Совершенная любовь Костиса к Богу и ближнему *изгоняла страх*. Соседи спрашивали его:

— Неужели ты не боишься цыган? У них руки длинные, и они знают с бесами.

А он отвечал спокойно и приветливо:

— Если с нами Бог, то никто не может нам навредить. «Без Бога — ни до порога, с Богом — хоть за море». Разве не так?

Костис жил в трагическое время гражданской войны, когда брат убивал брата ради партии и идеи народовластия. Несмотря на то, что он не был завсегдатаем в магазинах и тавернах и не принимал участия в разговорах, разжигающих страсти, кому-то в деревне «не понравилось», что его сын был в армии, и от него решили избавиться.

Однажды, когда Костис пас скотину, на него напал бандит и мучил его всячески. (Мне на исповеди кто-то сказал, что когда мучаешь другого и тебя никто не видит, то без удержу изобретаешь невиданные зверства и жестокости. Сердце становится камнем.) Под конец, связав его по рукам и ногам, повесил ему на шею большой камень и бросил в море. Так море, день и ночь бывшее его спутником, приняло его мученическое тело, а голубое небо — очищенную душу.

Море почтило его тело и не позволило бездне поглотить его, ни морским зверям — пожрать. Оно вынесло на берег мощи мученика, но предстали они не лежащими, по естественным законам, а прямостоящими

от поясницы и выше, как мощи св. Космы Этолийского в реке. Родственники и селяне сочли это за чудо и похоронили его с почестями, как мученика.

А убийца и разбойник, под давлением различных обстоятельств и обличаемый совестью, бросился в море с того же обрыва и, как другой Иуда, оборвал свою жизнь.

«Все приемшие меч, от меча погибнут» (Мф. 26:52). Как-то в моей деревне один парень убил кого-то и ограбил. Когда же и ему самому другой убийца всадил нож в сердце и поворачивал, чтобы помучить, жертва говорит: «Не поворачивай нож, чтобы и тебе так же не пострадать. Потому что и я так убил человека, но не повернул ножа».

Так праведный Костис принял венец праведника и мученика. Пусть помянет и нас там, где пребывает, и помолится, чтобы брат не убивал брата, потому что я слышал, как говорил один посвященный в тайны: «Тот раз мы попробовали. В другой раз будет окончательное осуществление наших мечтаний».

Дай Бог, чтобы это осталось плодом воображения и было забыто. Аминь.

Мученичество неизвестного священника

Осень 2006 года. Ореховое дерево и виноградная лоза покрыли желтыми листьями площадку в монастыре. Холодный северный ветер целыми охапками бросает на землю красу и гордость деревьев. Они выглядят теперь обнаженными и беззащитными перед зимними бурями. Из монастырского киоска я рассматриваю эту осеннюю картину и меланхолично запечатлеваю ее в своем сердце. И в это время слышу шаги. Оставляю свои созерцания и вижу четырех крепких старичков, поднимающихся к монастырю.

— Дедушки, — кричу, — осторожно, не поскользнитесь на листьях!

— Не бойся, отец, мы тертые калачи.

Был уже вечер, и я решил принять их в малом архондарике. Дедушки с радостью согласились, как будто только и ждали случая поговорить со мной. Сидели на диванах с достоинством, без вялости и небрежности; спины прямые, несмотря на возраст.

— Геронда, мы пастухи из Мецово, братья родные и двоюродные, пастухи из рода в род. Сейчас, к сожалению, прерывается династия и некому передать тук и свирель. Города сожрали наших овец и наших детей. Нет никого, кто продолжил бы жизнь Авраама, Исаака и Иакова, которые были пастухами овец.

— Благословенны ваши ноги, шагавшие по вершинам Пинда, и глаза ваши, видевшие свет солнца

прежде всякого глаза в городе, и гортани ваши, пившие воду из источников и не знавшие вкус мирских напитков.

— Хорошо говоришь, геронда, и хорошо нас ублажаешь, но глаза наши видели и то, что потрясло разум и сердце.

— Когда вы видели эти ужасы? Может, это были фантазии?

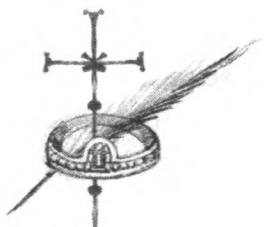
— Нет, геронда, это было на самом деле. В гражданскую войну, — тут взял слово старейший и начал горькое повествование, — в 1947 году, мы с младшими братьями на склоне погоняли овец. И что же видим? Как это сейчас рассказать? К ели был привязан какой-то батюшка. Его ряса и камилавка были брошены в стороне, растоптанные, как будто они загорелись и их топтали, чтобы потушить. Из дерева сделали копыя и воткнули ему в глаза, в уши, в рот, в тайные уды, в сердце. Всё его тело почернело, как печень. Я недавно видел у своего внука икону св. мученика Севастиана с истыканным стрелами телом и вспомнил неизвестного батюшку на горах Пиндаса. Поэтому рассказываю так, как будто перед собой вижу.

Он склонил белую, заснеженную сединой голову и плакал безудержно.

— Я плакал и тогда, когда его увидел, и сейчас плачу, вспоминая об этом. Какая мама его искала? Какая жена? И какие дети смотрели на дорогу в ожидании отца? Прошли годы, и наши деревни остались без священников и без службы. Искали батюшку, чтобы

благословил наших детей и овец. А сейчас еще труднее. Некоторые говорят: «В наши дни телевидение приносит литургию в дом». Но не Христа. Поди, причастись из телевизора.

Наше общение в тот долгий вечер стало тайновождением, приоткрыло некую тайну. Островитянин и пастухи натянули основу и выткали прекрасные цветы нитями любви и почтения.

Последние подвижники

Свои решения я принимал всегда после многих раздумий, молитв и молений и по прошествии долгого времени. Седовласый директор школы из моей деревни часто повторял: «То, что думаешь утром, исполни вечером. А то, что задумаешь вечером, исполни утром». Я всегда помнил эти слова учителя и следовал им. Но тем не менее мне пришлось раскаиваться во многих своих решениях, и я плакал горше, чем апостол Петр. В то время как Бог говорил мне знамениями и один, и два раза, я упорно поступал по-своему и в результате вкушал горечь и скорбь. За все мои неудачи ответственность лежит только на мне. Я видел плачевные результаты и продолжал настаивать на своем решении. Воистину, это ли не добровольная слепота?

Но были и решения, в которых я не раскаивался никогда, и верю, что они были от Бога. Одно из таких — мое детское решение уехать из дома в возрасте двенадцати лет и отправиться на учебу на Патмос, несмотря на деликатное несогласие моего отца.

Тогда, в 1955 году, святой остров еще не стал туристическим. У монахов не было радиоприемников, магнитофонов, видео, автомобилей, мобильных телефонов. Они были бедны и далеко отстояли от так называемого «западного прогресса». Им был ближе Восток — родина всех цивилизаций. Раз в неделю приплывал на остров корабль и привозил афинские газеты, почту и товары для магазинов. Жития святых и

церковные книги всегда были в руках у монахов. Книги и четки являлись их украшением.

Меня лично очень рано подвиг пример монахини Киприаны, которая при каждой нашей встрече рассказывала житие святого, память которого была в этот день. Я прочитал полностью жития святых, что впоследствии очень мне помогло на занятиях по патрологии в Университете, а также в понимании церковных служб. Я много раз говорил о старице Киприане: «Царство ей Небесное», а особенно когда оказался на экзамене вместе с одним батюшкой. Преподаватель спросил его:

— Как тебя зовут, отче?

— Афанасий.

— Что ты знаешь о своем святом?

Подумав немного, он ответил:

— Я ничего не знаю, но если уж он святой, то, конечно же, был хороший человек.

У профессора на глаза навернулись слезы.

— Разве ты не говоришь каждый день: «Афанасия и Кирилла, патриархов Александрийских»?

— Я, господин профессор, пришел не для того, чтобы изучать патрологию, а чтобы мне увеличили зарплату.

В монастыре, когда на службах бывали миряне, что случалось обычно на праздники Иоанна Богослова, преподобного Христодула и на вечерне в первый день Пасхи, женщины стояли в притворе.

Впоследствии продвинулись поближе и очень скоро, всегда благодаря уступкам монахов, — достигли иконостаса в соборе. При жизни духовника о. Николая ни одна женщина не появлялась в монастыре. Каждый вечер он прогуливался по монастырскому двору с четками в руках, и было достаточно одного его присутствия, чтобы исчез женский пол. Таким образом, патмосский монах, будучи в миру, был вне мира. Свободолюбие потопило многие корабли в порту. Мы сами сломали волнорез, и пришел шторм из мира. Милость Божия да подаст игуменов, которые, как волнорезы, могли бы сохранить молодых монахов от бешеных волн.

Однажды, выйдя в мир, я встретил в Уранополисе старца Гавриила из келлии Карцонеев с молодым послушником.

— Отче, Бог тебя послал, чтобы проводить монаха до Салоников. Он едет проверить зрение. А на станции его встретит отец Хризостом.

По дороге мы разговорились с парнем. Он отслужил в армии, хорошо ориентировался в миру (а я-то думал, что он домашний ребенок). Меня восхитили чрезвычайная забота, неусыпное ограждение и отцовская любовь старца Гавриила. Я не знаю, что чувствовал парень. Я лично был тронут тем, что и в наши холодные времена еще сохранилось в изобилии отцовское чувство. Но вернусь к известным мне подвижникам.

Пятидесятые годы были еще хорошими. В летние месяцы на иссохшей земле расцветал вереск, осенью —

пахучие кусты скиноса, а весной фрезии, сирень, чтобы украсить к Пасхе храмы и своим сильным ароматом создать праздничное настроение. На острове еще были непроходимые мысы — места монашеских подвигов. Кто слышал раньше о побережье Мелкий Песок или Ламби? А теперь и в Европе, когда говорят о Патмосе, тут же вспоминают эти сказочные места.

В те былинные для современной молодежи времена жили два подвижника: один в северо-восточной части острова, а другой — на юге. Аполлова пустынь была обращена к востоку. Солнце восходило над горами Микали. Каждый раз, когда я любовался нежными красками восхода в этом месте, непроизвольно приходил на память светилен Рождества Христова: *«Посетил еси нас с высоты, Спасе, восточе востоком...»*

Пустынник Аполло

Подвижник Аполло был цветком пустыни. Он чтит место своего отречения от мира, остался верным своим обетам и клятвам и прожил на том месте, где его насадил Господь, сорок пять лет. У этого скита есть особая таинственная благодать, которую чувствует каждый, кто побудет здесь хоть недолго. Такое же упокоение найдешь и в скиту Бесплотных Сил, основанном преподобным Леонтием, Патриархом Иерусалимским. Но и Аполлова пустынь была основана преподобным мужем, колливады²⁷ Аполло, и жили здесь святые, по общему признанию, люди.

В наше время и другие жили в пустыне, но позже предпочли уют большого монастыря скитской жизни, полной лишений. Пустынная келлия, построенная на самом берегу моря, была легкодоступной для пиратов, совсем незащищенной, в то время как монастырь, окруженный высокими стенами, надежно оберегал

27 Колливады — духовное движение в Греции, начавшееся со столкновения в скиту Агия Анна в 1754 году. Причина — служение некоторыми иеромонахами, для удобства, заупокойных служб (следовательно, и поминовение с коливом — отсюда название колливады) в воскресные дни, то есть в дни радости и еженедельной Пасхи, которая исключает траур и плач. Другие монахи противостояли, опираясь на церковные традиции. Спор разгорелся и достиг Константинополя, где принял форму противостояния православной традиции и духа просвещения. В результате со Святой Горы были изгнаны вожди традиционного движения: Афанасий Паросский, Иаков Пелопонесский, Неофит Кавсокалит, Христофор Продромит, которые вместе со св. Никодимом Святогорцем (+1774) явились начинателями движения духовного возрождения греческого народа, основанного на частом причащении, исихастической традиции и чтении отеческих текстов. Плоды их деятельности оказались столь благотворны для Греции, что последствия ощущаются до сих пор.

монаха в те трудные годы порабощения. Живописное малоазиатское побережье напротив пустыни, при всей своей красоте, вызывало серьезное беспокойство у соседа-островитянина. Тому, кто собирался остаться в этом совершенно безлюдном месте, между сушей и морем, требовалось немалое мужество.

Высокий, плотный, с длинной бородой и прекрасной осанкой, старец Аполло внушал доверие. Несмотря на пустынную местность и вынужденное одиночество (его старец умер в ноябре 1935 года), несмотря на бушующее, как зверь, день и ночь море, сам старец был спокойной и очень приятной наружности. Я подчеркиваю дикость и пустынную местность этого места, потому что одно дело жить на мысу среди бурных волн, другое — на кроне дерева, и совсем иное — среди людей. Если и на растения влияет место, где они развиваются, то почему же не на человека?

Старца Аполло мы найдем в пустыни уже около 1911 года, когда там жил и будущий старец Амфилохий, изгнанный из монастыря Иоанна Богослова за непослушание и отказ принять диаконский сан. Он, должно быть, очень скоро получил великую схиму от старца Макария с Самоса, который придерживался святогорской традиции: схима — не награда за добродетели, а повод к умножению монашеских подвигов.

«Старая, обветшавшая от времени схима на шее монаха предпочтительнее новой, незапачканной», — говаривал старец Паисий Святогорец. Таким образом, отец Амфилохий принял постриг в великую схиму от самого старца в возрасте двадцати пяти лет.

Отец Макарий некоторое время служил на приходе в храме Благовещения в деревне, которая по странному недоразумению называется Камбос (луг), хотя стоит на совершенно голом, иссохшем склоне горы. Отец Макарий своим примером духовной жизни и учением оказал сильное влияние на жителей деревни. Они очень отличались от городских жителей Хоры и Скалы, были, по большей части, простые и искренние. По всей видимости, Михаил Пантельос (это имя получил в крещении будущий монах Аполло) именно под влиянием старца Макария оставил свою родную деревню Камбос и стал пришельцем в Аполловой пустыни на Горячих Водах, как это место называется по традиции.

Макарий, суровый монах, плыл в Царствие Небесное, загребая веслами молитвы и трудов послушания, никогда не впадая в расслабление. До глубокой старости он сохранял в пустыни монастырский порядок. Мне говорил один старик:

— Никогда старец не забывал, что он был игуменом в монастыре Святой Троицы на Самосе, и служил службы с двумя-тремя послушниками со всей точностью и великолепием, со всеми уставными указаниями и тонкостями. По воскресеньям и праздникам кончал в одиннадцать дня, а начинал с *«Благословен Бог»* в три часа ночи.

Отец Аполло остался один с 1935 года, но неусыпно сохранял суточный круг богослужений, так же как и при жизни старца. В определенные часы служил в церкви утрению и вечерню. Каждый раз, когда мы

посещали его в пустыни (а это случалось не часто), службы совершались в свое время. Он был не очень грамотным, но у него было церковное воспитание, и его чтение и пение не выдавало его необразованности. Слово его было кратким и зрелым. Шутки и осуждения не выходили из его уст. Несмотря на одиночество, он не стремился рассказами о чудесах пустынножительства и хвастовством привлечь к себе послушников. Он как бы говорил своим видом: «Я здесь живу. Приходи и ты, посмотри».

Бог всадил в сердце одной благоговейной души желание поддержать жизнь в пустыни, но ненавистник всякого добра воздвиг волны до небес. Яростно дул, чтобы погасить лампаду в святом месте. Был задет авторитет игумена, и монах-пустынный уехал на Самос, чтобы избежать гнева. С благословения игумена продал отчий дом, чтобы построить храм в пустыни, но люциферов грех не дал закончить ничего. Так Аполло всегда пел: *«Един есмь аз, дондеже преїду»* (Пс. 140:10). И до нынешнего дня не звонят колокола и не совершается служба в Аполловой пустыни.

Горько это, но пусть будет сказано, ради истины, о нашей игуменской мелочности. Сами вожди церковные нередко, вместо того чтобы возжечь лампаду, гасят ее, а то и хуже... Бог, по слову преподобного Исидора, поставил нас светильниками, а мы засохли и угасли, не успев посветить.

Послушанием Аполло было поддерживать в порядке строения и обрабатывать небольшой огородик.

Сад был возделан руками подвижника, полит водой, которой всегда не хватало. Всё было очень аккуратно, как во всех уголках эгейских островов. И это было райское место. Под раскидистым инжировым деревом, посаженным трудолюбивыми отцами перед входом в каливу, около мраморного стола, на котором несколько десятков паломников, греков и иностранцев, вырезали свои имена, гостеприимно встречал нас старец Аполло. (В пустыни была и книга посетителей, но поскольку думали, что книга может потеряться, предпочитали мрамор, который никто не утащит. И благоговейные паломники не просчитались.) Мы сидели на каменной приступке, а он угощал нас плодами смоковницы, которую Священное Писание то воспекает, то проклинает, — свежими в летние месяцы и сушеными зимой, с раки собственного изготовления. Меня удивляло, что хотя на острове было множество экспортных вин, которые ввозились без пошлины и потому были дешевы, он не изменил традиции и преподносил раки — плод своих трудов и усердия. Я как-то спросил его:

— Вы никогда не берете вин с рынка?

— Так угощают на Святой Горе.

Теперь я могу его поправить: угощали.

Слово о старце Макарии было любимой темой разговора, как и история пустыни, которая восходит к старцу Аполло-колливаду с Пелопоннеса. Он показывал даже чернильницу и перья своего старца, которыми он переписывал рукописи монастыря Иоанна Богослова, чтобы заработать на жизнь. Любящий

старец позаботился обо всем необходимом для своего послушника. И это тоже традиция монашества. Он, по словам отца Аполло, оставил в монастыре деньги, чтобы ему каждый год выдавали по одному сосуду масла. В разговоре он посетовал на свое одиночество: «И другие постригались в монашество перед этими Царскими вратами, но предпочли монастырское великолепие».

В связи с этой пустыней очень уместно вспомнить рассказ о коте и рыбе, который я привожу без изменений.

Накануне Благовещения в пустыни шли приготовления: в церкви — ко всенощному бдению и на кухне — к праздничной трапезе с рыбой. В тот год не смогли позаботиться заранее о трапезе, так как море уже много дней бушевало, яростно ударяя волнами о скалы. Ни одной лодки не было видно, да и монахи не могли подойти близко к морю, чтобы половить рыбу. Монах Феоктист ходил взад-вперед недовольный и говорил сам с собой:

— Первый раз в жизни буду праздновать Благовещение без рыбы.

Старец его утешал:

— Есть Бог.

— Геронда, рыба есть у Бога в море, но не у нас на тарелках.

Началось всенощное бдение. Старец служил, а Аполло и Феоктист пели. Феоктист всю ночь не переставая брюзжал: «Что за праздник без рыбы?» Когда

пели на литургии «Благовествуй, земля, радость велию», в окно около аналоя настойчиво начал стучать кот. Феоктист, потеряв терпение, прервал пение и вышел, чтобы прогнать кота. Кот держал в зубах большую рыбу. Но не отдал ее Феоктисту. Старец, раздавая антидор, сказал: «Это он мне принес».

За дверями церкви он позвал кота: «Иди сюда, дай мне. Это ты нам принес?»»

И кот оставил рыбу в руках старца.

Старец Аполло жил на природе, и к тому же на каменистой земле Патмоса, где змеи, скорпионы, пауки размножаются с особым благословением. Кажется, они ему никогда не досаждали, как и он им. Какое-то время жил с ним один православный француз, изучавший церковные богослужебные книги. Но в пустыни были блохи, которые не давали спать нежному посетителю. Это злключение заставило его купить так называемый спрей и обрызгать келью. Однажды геронда почувствовал странный запах. Спрашивает:

— Чем это пахнет, Иаков?

— Это яд против блох.

— Ты создал блох?

— Нет, Бог.

— Тогда проси Бога, чтобы Он их убрал, но не убивай.

И правда, блохи не приближались к старцу, а несчастного европейца мучили день и ночь. Потом Иаков говорил старцу Амфилохию:

— Странно и дико: у меня пьют кровь, а к старцу даже не приближаются. Но самое ужасное, что он не давал мне их уничтожать, а заставлял умолять Бога, чтобы Он меня помиловал.

На большие праздники — Пасха, Рождество — он приходил в Пещеру Апокалипсиса на службы. Там

я любовался старцем. Чрезвычайно опрятный батюшка. На меня, помню, производили неизгладимое впечатление его большие, чистейшие, блестящие тапки из грубой кожи на резиновой подошве. Этот человек не шел по земле — он летал. Белые носки подчеркивали черный цвет. Он ступал величественно, как властитель пустыни, никому при этом не досаждая.

Мы много говорили об искушениях в пустыне. О тяжелых искушениях он рассказывал спокойно и без надрыва:

— Подвиг полного одиночества труден, но чувствуешь Бога гораздо ближе.

Постоянно повторял:

— Люди далеко от меня, но Бог во мне и вокруг меня. Мне нечего бояться. Плоть возмущается от малейшего помысла, как огонь на ветру, но благодать Божия, несмотря на мою старость, дает мне силы на телесные труды и посты. Искушением является и нищета, то есть когда неоткуда взять, но и это побеждается. Бог, когда доходишь до «аминь», посылает откуда не ждешь, и ты даже не протягиваешь руку, чтобы попросить.

Мы говорили и о службах. Тут он, конечно, как всякий человек, вспоминал дни великих праздников, то счастливое время, которое он провел с дорогими ему людьми, и прежде всего со старцем Макарием.

— Он служил великолепно, как архиерей. Голос у него был густой и приятный, все службы служил, как будто были тысячи народу в церкви, а нас было двое, самое большее пять человек. Никогда не спешил.

Он мне говорил откровенно, что уставал от о. Феофана, сокращавшего службы.

— Службы это наша школа, это наша пища и питье, это наше развлечение, наш отдых, наша радость. На службах мы легко обретаем желаемое, то есть Христа.

Пустынник Аполло упокоился о Господе в январе 1966 года, но не на месте своих подвигов, потому что, совершенно ослепнув, был вынужден переселиться в дом своей благочестивой сестры в Камбос. Так закрылась дверь за старцем, и больше монашеская рука не открывала засов.

Преподобне отче Аполло, со всем дерзновением, которое имеешь перед Богом, моли, чтобы снова заселилось место, сорок пять лет хранимое тобою. Аминь.

Монахи Артемий и Феоктист

Не могу обойти молчанием еще двух отцов. Это были люди истинно монашеского уклада, от них веяло духом старого доброго времени: смиренные рясы, изрезанные глубокими морщинами руки, туго затянутые пояса без серебряных украшений... Внешность — чуждая миру и его правилам. Образы почти неуловимые, с трудом можешь запечатлеть их в памяти.

Ищешь их общества как чего-то полезного, а они всем своим видом будто говорят: «Идите от нас подальше, нам нечего вам дать». Они не скажут, как один великий святогорец (в 1967 году это было): «Вы изучаете богословие, а меня не спрашиваете?» Но именно этого «нечего» я искал в монахах Артемии и Феоктисте, и нашел — глубокое смирение.

Оба имели написанным на скрижалях сердца имя «иеромонах Амфилохий, любящий и заботливый отец».

Артемий

Старик Артемий был из семейных, человек, перенесший множество бед. Он потерял спутницу жизни, и не раз, а может и не два. Ему приходилось вступать в брак, чтобы кто-то присматривал за его многочисленными детьми. Люди почитали его как старца, хотя он и пытался скрыться от лица Божия. Но каждый раз Бог взрывал мосты, которые он строил, чтобы

приблизиться к миру. Так было до тех пор, пока он окончательно не пришел работать Богу.

Он стал монахом в преклонном возрасте, но очень быстро усвоил монашеский нрав и поведение. Тяжелые испытания приземлили его, привязав к повседневности жизни. Он никогда не рассматривал эту повседневность как развлечение, но всегда как путь, полный ответственности и обязанностей. Жизнь, лишенная покоя и комфорта, сделала из него монаха воздержанного, чьи дела и слова были зрелыми и вескими.

В середине 50-х годов я видел его на праздниках в монастыре Иоанна Богослова, куда он приходил с корзинкой в руках. По-видимому, он жил на монастырском участке и обрабатывал землю, приобрел немалый опыт, который сделал его замечательным земледельцем. Обычно он стоял где-то с краю и, сложив руки на груди, слушал праздничную службу как неизвестный никому пришелец. Позже он жил при Пещере Апокалипсиса, где я с ним и познакомился и имел возможность вдоволь насладиться его обществом как монаха.

Он никогда не шутил и не пустословил. Единственным вопросом его было, спасется ли он, и достигнет ли спасение и до его ничтожества. Он считал себя ниже всякой твари, настолько негодным, что Бог, он был уверен, никогда не станет искать его среди Своих созданий.

Как-то вечером, когда он сидел около Пещеры Апокалипсиса, я спросил его о его жизни в миру. Он

долго мне рассказывал, но до меня дошли только, во-первых, его всхлипывания и, во-вторых, постоянное «Слава Тебе, Боже».

В Пещере Апокалипсиса по воскресеньям, прежде чем придут учащиеся семинарии, он пел на службе: тропари Троичные на полунощнице, «Господи, помилуй» и кое-что еще. Я стоял в дверях и, склонив голову, наслаждался детским голосом 80-летнего старца, не охрипшего от старости и суровой крестьянской жизни.

Он горячо желал и дал обет Богу поклониться Святым местам, привезти Благодатный огонь, а потом уже умереть. Чтобы накопить денег на это паломничество, он два года плел прекрасные корзины из бамбука и продавал их, собирая таким образом необходимую сумму. Достойный человек, он не просил ничего. Я наслаждался этим зрелищем: седовласый, длиннобородый, истощенный как тень старец, сидящий на скамейке и плетущий корзины, он напоминал египетских монахов, занимавшихся рукоделием. У меня не было фотоаппарата, чтобы запечатлеть на

века этот образ, но его бережно хранит мое сердце. Кто не захочет испить воды из этих святых пригоршней, как из хрустальной чаши? Тайновозведение без слов, только через воззрение на лик старца.

Старец сподобился получить желаемое, то есть побывать на Пасху у Гроба Господня и принести Благодатный огонь и в своем сердце, и в фонаре на остров св. Иоанна Богослова. И в тот же год летом после недолгой болезни упокоился в живом чаянии общего воскресения, которое исповедовал каждый воскресный день в Пещере Апокалипсиса, где в день Господень Христос говорил Иоанну Богослову о триумфе Церкви.

Феоктист

Давайте возьмем благословение и этого старца. Он был рослым и сильным и говорил мне, что 25-килограммовым молотом разбивал камни. Гимназия на Калимносе²⁸ построена из отесанных им камней. На участке в Кувари²⁹ он воздвиг стены и приступки из огромных камней, которые никогда не пришлось потом поправлять. В 1940 году во время сильного голода у него были хорошие урожаи, которые многих спасли.

28 Калимнос — один из Додеканисских островов.

29 Кувари — один из уединенных и труднодоступных мысов на Патмосе. Там по благословию старца Амфилохия был создан скит, где первоначально подвизалось небольшое братство пустынножителей. Среди них был и автор этой книги — отец Григорий. Впоследствии скит стал как бы дачей монастыря Евангелисмос, где живет духовник этой обители.

В молодости он был неутомимым, добрался аж до Америки в поисках работы. Но американский образ жизни совсем ему не понравился, он отверг его сразу же.

— Американцы, — говорил он, — как турки, начинают с того, что навязывают свою одежду, а потом доходят до сердца.

Поэтому, когда видел американские куртки на жителях Патмоса, присланные родственниками из Америки, то очень волновался, — так, что даже порвал однажды такую куртку на одном юноше. Он опасался:

— Американский образ жизни очень скоро придавит всю землю. Люди забудут свои традиции, свой образ жизни, свои местные обычаи и будут вести себя, как космополиты, даже на маленьком острове.

Сегодня, по прошествии пятидесяти лет, это уже не опасения, а действительность.

— Америка получает свою силу не от своего большого континента, а от евреев, которые ею руководят, — говорил старик, и конца не было его предсказаниям, которые он излагал так просто и естественно, словно говорил о завтрашнем дне.

Видимо, Феоктиста постриг в великую схиму старец Макарий, и он монашествовал вместе с отцом Аполло. Он был человеком благоговейным, монахом, неукоснительно исполняющим келейное правило и любящим богослужение. Если он встречал монаха или монахиню, всегда спрашивал:

— Исполнишь келейное правило? Оно нас ограждает, как стена неодолимая.

На службе прикладывался ко всем изображениям святых, где бы они ни были: на стене, на дереве, на клеенке. Я его спросил:

— Надо кланяться всем иконам?

— Церковь, деточка, это собрание святых в Духе Святом. Нам нужны все святые. Мы им приносим благоговейный поцелуй, а они во всём нам помогают.

Я спросил его, как он молится в келье.

— Вначале делаю поклоны, пока устану. Потом делаю три сотницы с молитвой мытаря, три — с исповеданием разбойника, потом по одной сотнице: Иисусову молитву, молитву Божией Матери, Иоанну Богослову и преподобному Христодулу, а потом опять Иисусову молитву, сколько могу. Я слышал от старца Макария, что дальше, после молитвы, начинается другое состояние, где молитва прекращается и ум пребывает в другом

жительстве. Я этого никогда не достигал, но не сомневаюсь, что так и есть, потому что из-за непрестанной молитвы вижу, как внутри меня открывается что-то божественное, но не могу найти этому определение.

Его очень огорчало обмирщение монахов.

— С каждым днем всё хуже и хуже. Монахи живут материально лучше мирских. Они очень привязаны ко всему, что соединяет их с миром. Они предпочитают путешествия, а не пребывание в монастыре, встречи, а не богослужения, знакомства с великими людьми, а не общение с болью и бедностью. Раздают фотографии, чтобы стать известными в мире.

— Геронда, чему ты это приписываешь?

— Червяку гордости. Этот незаметный червячок разрушает и самые прочные стропила. Монах уже больше не живет в безвестности, им заняты так называемые «духовные люди». Они, погрузив в болото общество, приходят и к нам с теми же целями. Вначале они как бы восхищаются всем, что видят у нас, а потом насмехаются и издеваются. Даже архиереи сейчас насмехаются над повторением *«Господи, помилуй»* 40 раз и хотят, чтобы было три раза, да и то с трудом. А ведь в Православном богослужении повторение — обязательное требование. Да помилует нас Бог и молитвами от века святых Своих да сохранит обители, созданные такими трудами. Вспомнишь мои слова: из-за этого обмирщения, пришедшего в монастыри, насельники перегрызутся между собой.

Голова монаха Феоктиста не была обременена образованием, но ему нравилось чтение. Его излюбленным чтением было «Сокровище» монаха Студитского монастыря Дамаскина. Он был очень хорошим рассказчиком. Все неписанные истории и традиции Патмоса я узнал от этого старца. Он часто преувеличивал. Основное ядро повествования было истинным, а украшения и детали — Феоктистовы. Но всё это было так искусно сплетено, что затруднишься отделить событие от декоративных дополнений. Никакой уголок острова не был им забыт, обо всём я узнал от него.

Он был веселым человеком, но тому, кто его не знал, он внушал страх. Те же, кто общался с ним, наслаждались садом его добродетелей. Он шутил и делал замечания в стихотворной форме, чтобы смягчить их. Вокруг этого высокого старика всегда царила атмосфера радости, но при этом никакое гнилое или язвительное слово не сходило с его уст. Он общался со своими знакомыми без панибратства и фамильярности.

Отец Феоктист упокоился о Господе в 1963 году и был похоронен на монастырском кладбище. Оставил о себе память как о преподобном.

Я упомянул об этих двух монахах, Артемии и Феоктисте, потому что они своим смиренным поведением, огрубевшей от трудов внешностью, своей неприметностью, подвигом немытья уравнивали жизнь монастыря и придавали колорит месту, подчеркивая, что это именно монастырь, а не учреждение или ведомство.

Подвижницы монастыря «Живоносный Источник»

Монахиня Христодула-затворница

Я познакомился с матерью Христодулой, когда она уже приближалась к закату своих дней. Рукоделием ее было шитье. Швеей она, правда, была неважной, но бедноту очень выручала. Именно она шила ряски для всех учащихся Патмиады. Этим небольшим доходом она и содержала себя, так как монастырь был своекошный и не покрывал все нужды сестер.

Каждый раз, когда я приходил в женскую обитель, Христодула поджидала кого-нибудь у ворот, чтобы послать за хлебом или какими-то еще продуктами. Мысленно я осуждал ее: «Пекарня в двух шагах и магазин рядом, и поджидает, чтобы я пошел за покупками?» Каждый раз давала и чаевые. Я пытался не брать, но это удавалось редко. Она настаивала — «это благословение Божией Матери» — и таким образом вынуждала принять чаевые.

Христодула была подвижницей. Спала на полу, на кипе утопанных тряпок. В изголовье — камень. Всё это она накрывала старым одеялом. И ела очень не много.

Когда она умерла, разрешилось мое недоумение, почему она посылала меня с разными поручениями. Говорил отец Павел и сказал следующее: «Старица Христодула вошла в монастырь шестьдесят лет назад

и сегодня в первый и последний раз выходит из него, несомая четырьмя на монастырское кладбище».

Шестьдесят лет в монастыре рядом с домом, и ни разу не вышла за ворота! Слава Богу! И сегодня есть монахини, подобные древним подвижникам. Если мы берем на себя подвиг, пусть и очень трудный, и несем его втайне даже от Ангелов, тогда Сам Господь помогает нам совершить его до конца.

Когда принимала этот подвиг юная девушка, разве не думала, что могут заболеть ее родители или близкие родственники, которые живут рядом, и надо будет им помочь? Будет праздноваться память апостола Иоанна Богослова или преподобного Христодула, и не захочет ли и она пойти поклониться? Если заболит тяжело, не придется ли ей поехать куда-то за пределы острова на лечение? Всё это — и Божие, и человеческое, и просто необходимое — превозмогло подвижническое правило. И пребыла затворницей, *Богу поспешествующу*, шестьдесят лет!

Старица Евгения

Должно быть, она пришла в монастырь «Животный Источник» в начале прошлого века. Ведь это был единственный женский монастырь на Патмосе, и наверное на всех Додеканисских островах, с упорядоченным уставом и традицией, ведущей свое начало от 1600 года. Монастырь следовал традициям монашества на Патмосе: своекошный, но с игуменьей

и герондиссой, так же, как и монастырь святого апостола Иоанна Богослова.

Монахиня Евгения прожила в этом монастыре с молодости до девяноста двух лет, когда оставила земную обитель Божией Матери, чтобы праздновать вечную Пасху в обителях Отца Небесного. Для монахини Евгении другого монастыря, кроме первого, не существовало. Это место на земле было ареной ее подвигов.

— Монаху, — говорила она, — необходимо иметь большое терпение. Он не должен переходить с места на место. *«Облаком безводным, влачимым ветром»* называет неустроенного монаха апостол Иуда в своем послании (см. Иуд. 1:12). Монах перед игуменом держит язык за зубами. Даже если прав, всё равно молчит. Мы в распоряжении монастыря. Нас посылают туда, где есть необходимость. Мы должны сохранить послушание, как самую важную добродетель. Если ты носишь монашескую рясу и исполняешь свою волю — считай, что ты сошел с ума.

Она была пренебрегаемой и незаметной, так как ее простота не способствовала возникновению вокруг нее атмосферы восхищения. Ей нравилось жить с краюшку, не вмешиваясь в монастырские проблемы. Однажды я рассказал ей что-то в шутку. Она выслушала это с таким вниманием, будто собиралась что-то предпринять. Как только я кончил, она сказала:

— Всё хорошо, но лучше бы ты это выложил где-нибудь в деревне, а не перед монашкой.

Я восхитился ее выводом и промолчал.

Она всегда стремилась сохранить мир. Никогда ей не нравилось выставляться или отстаивать свои права. Вела себя, как робкая, вчера пришедшая в монастырь послушница.

— Отец Григорий, пусть Бог, а не мы, считает годы нашего служения в монастыре.

Шестьдесят лет каждую субботу убирала игуменскую, как скромная прислуга. А когда наступало время приема высоких гостей, появлялись другие Марфы и Марии. Стояла в монастыре на нижней ступеньке, чтобы не упасть и не разбиться.

Больше тридцати лет ухаживала за одной странной юродивой, припадки и крики которой беспокоили всех сестер и вызывали единодушный протест. Но Евгения делала всё, чтобы их умирить. Она жила в постоянном страхе, что больную могут выгнать. И что тогда с ней будет? Каждое утро она должна была мыть и переодевать ее. У этой девицы было большое искушение — весь день она рвала на ленты свою одежду. Одежда превращалась в лохмотья, и было совершенно невозможно залатать или починить ее. А в те-то годы, где найдешь другую? Сестра Евгения говорила ей тихо:

— Доченька, не рви одежду, у меня другой нет.

— Это не мое дело, а твое.

И слышался звук разрываемой одежды — словно кто-то наступает на сухие листья инжира.

После утреннего переодевания старица должна была подать больной кофе в изящной фарфоровой

чашечке, и блаженная требовала, чтобы Евгения стояла перед ней, пока она пьет кофе. А допив, выплескивала в лицо Евгении кофейный осадок и заливалась смехом. Если же Евгения, подав кофе, уходила, то мир чуть не переворачивался. Больная визжала так, будто ее режут. И так, чтобы избежать шума, Евгения ждала «умывания» кофе.

Искуситель, чем большие видел жертвы монахини ради блаженной, которую все считали никчёмной, тем более коварные сети расставлял. От постоянных стирок и мытья больной, руки сестры Евгении от ладоней до локтей покрылись экземой, очень похожей на проказу. Родственники, видя такое, потребовали, чтобы добрая старица Евгения выгнала блаженную из монастыря, пообещав, что иначе они это сделают сами. Оказавшись в безвыходном положении, сестра Евгения начала просить Божию Матерь об исцелении своих рук и об умирении родственников. Она слышала, что раньше христиане служили литургию Божией Матери и во время пения *«Достойно есть»* воздевали руки, взывая: «Пресвятая Богородица, прогони это зло!» Так и наша добрая монахиня отслужила ночную литургию в церковке Богородицы Ангелов и во время пения *«Достойно есть»*, протянув руки, просила освободить ее от зла. Когда рассвело и родственники Евгении попытались удалить блаженную, старица показала им свои руки: «Смотрите, ничего нет. Да не будет того, чтобы выгнать больную на улицу. Бессердечие это, грех».

Прошло много лет. Она несла свой крест: терпела блаженную и укоры сестер.

— Когда ночью она бывала беспокойна, утром ни одна сестра со мной не здоровалась. Нелегко, монашечек мой, после службы видеть сорок нахмуренных лиц. Как весь день провести в таком холоде?

И при всём этом Евгения никогда не имела худых помыслов ни об одной сестре. Она прилагала все усилия, чтобы смягчились их сердца и развеялся их праведный гнев.

Когда блаженная приблизилась к кончине, она позвала измученную монахиню и провещала слова утешения:

— Евгения, я тебя благодарю за всё, что ты для меня делала, и ты меня прости за всё, что я делала тебе. Позови батюшку, чтобы пособоровал и причастил меня, потому что через сорок дней я умру.

Старица ей не поверила «сумасшедшая, пусть говорит», но с каждым днем та всё больше ограничивала себя в еде и в ненормальных выходках.

— Я позвала нашего батюшку, и он всё сделал, — продолжала свой рассказ старица. — Она меня еще просила позвать на ее похороны всех священников и положить ей в гроб много-много цветов. А была зима, где найти цветы? Да и если священников много, надо им заплатить. А я сколько могу дать? И всё-таки на вынос ее тела и игумен пришел, и батюшки без приглашения. Григорий, стремись к благу, и Господь не лишит тебя блага, даже если ты огорчил Его своими выходками.

Другой раз, когда их служащий священник впал в немилость в своем монастыре и все восстали против него, Евгения заняла иную позицию. Видела, что его хотят устранить и потому ищут обвинений, доходя до клеветы.

Игумен монастыря св. апостола Иоанна Богослова спустился в женскую обитель с первенствующими иеромонахами, чтобы устроить расследование и допросы. Сестер по одной вызывали в игуменскую, а потом держали на территории игуменского корпуса, чтоб они не могли договориться между собой, — «итальянский» способ допроса.

Дошла очередь до Евгении.

— Что ты знаешь о вашем священнике?

— Наш батюшка святой, а мы, грешные, клеветаем на него.

Вечером был отдан приказ забить извне дверь ее кельи, чтобы она не могла выйти. (А надо сказать, что ни туалета, ни воды в келье не было.) Она перенесла всё это, не протестуя, пока ее брат не открыл ей выход. Так и все искушения она переносила без ропота.

Я спросил ее, ленилась ли она когда-нибудь за все годы пребывания в монастыре пойти к службе или оставляла ли келейное правило на другой день.

— Я никогда этого не делала, так как думала, что на следующий день может быть еще труднее. Шестидесять лет читаю в храме полунощницу, но сейчас без зубов трудно, и глаза мои плохо видят.

Именно такие люди, которые годами пребывают на одном месте, создают традицию. Они передают эстафету традиции от одного поколения к другому. От такой души, сохранившей свечу горящей, как не принять ее в руки, как не продолжить путь, исповедуя святоотеческое: *так приняли*.

Она была строгой монахиней, без слащавости. Однажды какой-то монах прислал ей фотографию с кошкой на руках. Несмотря на всю свою любовь, она ответила строго: «Отец, монахи держат крест, а не кошек».

Ее келья была бедной, но такой ухоженной, что не хотелось уходить. Живое место, как мамин уголок. Всё у нее было: кухонные принадлежности, ткацкий станок, кровать. Самая настоящая деревенская горница, всё со вкусом и на своем месте.

Говорила она не много, но по-евангельски. Как-то на мотовиле готовила фитили для больших пасхальных свечей для монастыря св. Иоанна Богослова. Она вся дрожала от глубокой старости и труда постных дней Великой Четырехдесятницы. Я к ней обращаюсь:

— Старица, в монастыре столько молодых парней, и ждут, чтобы ты приготовила фитили для свечей?

— Благословенный, так говорят мирские, и ты так говоришь? Я им служу больше семидесяти лет. Теперь, когда приближаюсь к концу, — может быть, это уже в последний раз, — скажу, что не могу? Молчи, молчи... И Богослов дает силы. Молитвами преподобного Христодула шествовали мы путем монашества. Что же, сейчас он оставит нас без утешения и поддержки?

Много-много раз повторяла она мне спокойно и просветленно:

— Григорий, вначале позаботимся стяжать добродетели мирян, а потом уже монахов. Миряне умножают свои таланты. А мы что же, по лености и нерадению будем их закапывать и терять?

Каждый год Великим Постом готовила она большую кастрюлю поджаренного и толченого кунжутного семени и жестянку тахини для пустынников Кувари. Она считала пустынножительство очень важным. Я своими глазами видел, как сестры «Живоносного Источника» целуют у куваритов края ряс, которые тащатся по камням и булыжникам, когда они, спускаясь по лестнице монастыря, возвращаются в пустынь. Сестры верили, что пустынники сохраняют в мире равновесие и удерживают гнев Божий.

— Мы, дитя мое Григорий, на вас держимся, пусть даже я уже много лет в монастыре. У нас-то всё есть. А вы от сухих скал что возьмете? У вас и хлеб всегда черствый, а мы из пекарни берем теплый, пышет, когда режешь.

Месила тесто добрая старушка и выпекала сухарики для «деток-пустынников». Вязала носки и другие шерстяные вещи для бедных монахов.

— Это ничего не стоит в сравнении с тем, что значит пустынножительство для Патмоса. И особенно для нас, старых монахинь, очень утешительно сознавать, что за высокой горой пророка Илии есть монахи, да к тому же молодые.

На ткацком станке ткала разные вещи, чтобы зарабатывать на жизнь. Она была очень хорошей ткачихой. От своего рукоделия она и ее брат монах Феокист, который тоже знал тысячу ремесел (тесал камни, строил каменные ограды, ткал одеяла из козьей шерсти), помогали своей овдовевшей многодетной племяннице, чтобы детишки не сбились с пути.

Когда прошли благословенные годы расцвета и крепости и она увидела, что силы ее оставляют, то выткала для всех монахов и иеромонахов Патмоса по белому шерстяному одеялу на благословение. Я застал ее, трясущуюся, за ткацким станком.

— Это ты для кого готовишь?

— Для такого-то иеромонаха.

— Ему не надо.

— Дитя мое, не думай так. Царство Небесное не постигается умом, но сердцем. Если бы я опиралась на свой ум, то ни дня не удержалась бы в монастыре. Дай свободу своему сердцу, не связывай его сухой логикой. Если оставить сердце в веянии Святого Духа, оно совершает великие дела. Монах не живет умом, но он и не безумный. Поэтому он может взлететь в небо вместе с орлом св. Иоанна Богослова. Свободное сердце поднимается на небо и стучится каждый час во врата Божии. Не Христос стучится к нам, как говорит Апокалипсис, а мы стучимся. Мы всегда за дверью Христовой, а не Христос — за нашей.

Отличалась она и гостеприимством. Лицо ее становилось радостным, как лицо матери, которая видит своих детей. Собирала на стол и приговаривала: «Деточки мои, деточки, Христовы деточки мои».

Как-то после ночной литургии в монастыре Иоанна Богослова мы зашли к ней в келью. Она нас ждала. У нее были жареные рыбки.

— Простите меня, монашечки мои, я плохо себя чувствовала и пожарила только по две рыбки.

В ее келье я понимал, что значит благословение. Она подавала нам макароны с сыром и даже без соуса, и это было так вкусно! Сколько лет прошло, а для меня эти макароны — неповторимое, желанное блюдо. Стола не было. На колени стелили чистую салфетку и пировали!

Она никогда не давала нам почувствовать, что устала от нас. Может быть, и сейчас на небе поджидает нас, чтобы порадоваться на монашеские рясы... И даже когда мы уже уехали с Патмоса, собирала маслины и ожидала оказию, чтобы передать нам...

Для древних монахов было великой радостью появление других монахов. Они глядели на них, как на земных ангелов. По этому радостному взгляду безошибочно понимаешь, насколько преуспел старый монах в своей духовной брани. Духовно несостоятельный смотрит неприязненно: «И этот может достигнуть того же, что и я?»

Евгения была ревностной монахиней и, несмотря на телесную крепость, оставалась человеком мирным и спокойным. Суровое подвижничество не лишило ее человеческих чувств. В своей келье она оставила в стене гвоздь, на который вешал рясу во время своих посещений ее блаженнопочивший брат. Она хотела, чтобы и мы, в воспоминание о брате, вешали там свои рясы.

Очень огорчалась, если ничего не знала о нас долгое время. У нее было мягкое сердце, которое болело за все тяготы мира. Такие раньше были люди: любящие, терпеливые, спокойные. Рядом с ней, как в тени ели, чувствовалась прохлада и отдохновение. Свежий ручеек в монастыре «Живоносный Источник». Я не преувеличиваю. Одна грешная душа мне исповедовалась: «Я вижу себя недостойной. В церковь внутрь не вхожу, но в ее тени прошу Бога».

Она предвидела, что отец Иосиф умрет раньше ее, хотя и был гораздо моложе. Милая бабушка Евгения. Из черной рясы на всех смотрело и всех согревало ее светящееся лицо. Ее глубокая вера придавала мне мужества в часы малодушия.

— Монашечек мой, в скорбях и искушениях станешь зрелым, а иначе останешься пустоцветом, как пшеница от суховея. Да укрепит тебя Богослов. — И крестила меня своей ручкой, положив в кадильницу сухих цветов от Плащаницы, чтобы сохранить меня от вражьего навета...

Когда перед моим мысленным взором предстают эти лица, с которыми меня связывает любовь во Христе, я как бы вхожу в райский оазис, забывая о себе, и чувствую радость жизни, истинное предвкушение рая.

У старицы было еще одно дарование. Она врачевала переломы. Полезнейшее служение на уединенном Патмосе. Она развила этот дар и стала хорошим врачом. Конечно народным, но с глубоким пониманием боли и немощи человеческой. Она исцеляла прежде, чем страждущий успевал понять, что произойдет.

На моих глазах пришел молодой офицер с вывихом руки. Она внимательно его осмотрела, потом велела опереться ладонью о землю. Тот, совершенно не подозревая, что будет делать старица, подчинился приказу. И вдруг она наступает на ладонь. Парень вскрикнул от боли и исцелился в мгновение ока.

Когда Евгения в глубокой старости сама сломала ногу, ее отправили к ортопеду на Калимнос. Она

просила врача приподнять ее, чтобы показать, что надо делать. Но он отказался.

— От того, как ты это делаешь, пальцы у меня искривятся, и я не смогу ходить.

Так и случилось. По ее просьбе ей потом отрезали пальцы, иначе не могла ходить.

Как-то я пошутил:

— Сколько берешь за лечение?

— Деточка, бегай этого духа. Он не Христов. Христос даром исцеляет, а мы за как бы «наши» исцеления хотим плату?

Тогда я понял, что такое исцеление и Кто его совершает, и что такое помощь больному. Неграмотная Евгения, но рядом с ней я предпочел бы, как Антоний Великий, ум — учености.

Упокоилась Евгения. Непорочная телом и душою. Неискусомужная и неискусозлобная — как научилась от Пресвятой Богородицы, Покровительницы монастыря. Через три года открыли ее гроб. Благоухала. А руки от локтей и ниже были нетленными и белыми, как в день погребения. Одна рука хранится теперь у нас, другая — в Сербии. А ее благословенная глава с крестом на лбу покоится на полке в костнице.

Так воздал ей щедрый Господь за ее служение. Она жизнью исполнила Христов завет: *«Я не пришел, чтобы мне служили, но послужить»* (см. Мк. 10:45). Этот урок она восприняла на Умовении ног, которое совершается на Патмосе каждый год в Великий Четверг, и пронесла через всю жизнь.

Святое послушание — прогонитель злых помыслов, расточитель лютого нерадения, осуществление самой большой добродетели — любви, ненасильное предпочтение смерти и креста.

Хорошо было бы, если бы и ближние прославили ее в пениях духовных вместе с преподобными матерями. Моли Бога о нас, преподобная мати. Не остави нас без твоего утешения. Аминь.

Преподобные матери святой обители Евангелисмос

От монастыря «Живоносный Источник» каменный спуск ведет в святое Общежитие Евангелисмос, как его привыкли называть здесь. По дороге туда единственными вашими спутниками будут дикие грушевые деревья. Осенью их плоды порадуют своим приятным вкусом тех, кто сможет их достать.

Современной обители предшествовал скит монастыря Иоанна Богослова. Своим нынешним видом и обликом она полностью обязана приснопамятному старцу Амфилохию, который в 1935—1936 годах поселил сюда монахинь. Так постепенно в черные годы порабощения (итальянской оккупации) он создал новый монастырь, получивший название «общежитие», чтобы успокоить оккупантов, которых раздражало слово монастырь. В этом общежитии с самого начала поселились женщины-подвижницы, которые

уже несколько лет до этого по благословению старца вели монашескую жизнь дома и таким образом были отчасти подготовлены к монашеству. Но и души страждущие и уставшие от мучительного ига оккупации и беженства находили отдохновение в этой благословенной обители.

Давайте войдем в это духовное училище и, глядя на пример подвизавшихся в нем сестер, получим пользу, поддержку и мужество, насколько нам позволят замутированные очи души.

Монахиня Лукия-огородница

В этой монахине невольно замечаешь, как достоинство и силу, которых лишены многие мужчины, Бог дарует смиренным женам. У нее было мужество, какое превосходит женскую природу. Бесстрашная женщина. Ее ничто не пугало: ни человеческое, ни женское. Если в сердце человека, работающего Богу, есть простота, то он становится непобедимым. Лукия была простодушной и нелукавой, как дитя, которое только начинает ходить. Когда она стала монахиней, старец дал ей правило, в котором были и молитвы к апостолу Луке, чье имя она носила в постриге. Через некоторое время он ее спрашивает:

— Как молишься?

Отвечает:

— Господи Иисусе Христе, помилуй раба Твоего Апостола и Евангелиста Луку.

Изобильно возвращалась милость Божия на ту, которая нуждалась в этой милости, и возвеличивал Господь ее посвящение.

Она была из беженцев, вероятно, из области Галикарнасса. Бедность заставила ее выйти замуж, может быть и более двух раз, я не знаю. Это может понять только тот, кто сам ходил по пустынным дорогам, не имея своего клочка земли для возделывания. Но Бог всё-таки оставлял ее одну, так как хотел, чтобы она работала Ему. Что это за предназначение! Необъяснимая тайна. Как только открылось Общежитие Евангелисмос, она вступила в число сестер, как и другие беженки.

Она не была особенно красивой, но старец смотрел не на внешность, а на сердце. Он считал монастырь местом отдохновения страждущих, где исполняется слово Господне: *«Придите ко Мне страждущие, труждающиеся и обременные, и Я успокою вас»* (см. Мф. 11:28).

Она хороша знала, что значит «за мужем, как за каменной стеной», поэтому часто повторяла народную поговорку: «Был бы муж, хоть и деревянный». В отсутствие старца мы не ходили в женский монастырь. Как только старец возвращался из своих поездок по островам, где он исповедовал, на следующий же день мы направлялись в Евангелисмос. Лукия около монастыря вскапывала сухое поле. Завидев нас, говорила сама себе:

— Когда старчик здесь, приходят, но когда его нет, даже не показываются. Мы одни, заброшенные, боремся без всякого утешения.

Бабушка Лукия видела, что женский монастырь не может существовать без духовника, поэтому лелеяла мечту старца, чтобы при женском монастыре был исихастий в Кувари для монахов, которые помогали бы женщинам. Оттуда и духовник, откуда и служащий священник, откуда и всякая помощь. Для этого места она трудилась самоотверженно. Уже в старости стала сторожем на участке, чтобы помочь старцу, оказавшемуся в безвыходном положении. Привела участок в порядок. Возделывала виноградник, маслины, засадила огород. Поливала грядки,нося воду из источника жестянкой. Следила, чтобы ни одна капля воды не упала на землю, которая не обрабатывается, потому что, как говорила, от этого болеет земля. Она вообще очень хорошо знала земледелие.

Чтобы провести ночь на этом совершенно уединенном мысе, нужно было большое мужество, особенно для пожилой женщины. А она тем не менее три года не давала угаснуть лампаде у праведного Иосифа.

От этой женщины я принял эстафету подвижничества в Кувари в июне 1962 года. Я много раз ходил в Кувари и помогал там на послушаниях, но когда пришел, чтобы остаться, в первую же ночь меня охватил страх. Она часто рассказывала мне об искушениях, мысленных и чувственных, которые испытала на участке.

— Сынок, каждый вечер бесы таскали камни и захламляли двор. А иногда во время правила сундучок, где лежала моя одежда, прыгал и танцевал, как майский ягненок. Но Господь даровал мне силы и хладнокровие,

так что я сидела на сундучке и говорила: «Танцууй, искуситель, покажи свою силу». Иногда при полном безветрии вдруг резкий порыв ветра чуть не бросал меня на землю. Другой раз, когда я шла в церковь, задул мой фонарь, чтобы я не видела дороги. В такие часы не бойся. Они только пугают, а сделать ничего не могут.

В этой монахине найдешь то, о чем пишет апостол Иоанн Богослов: *«Совершенная любовь изгоняет страх»* (1 Ин. 4:18). У нее была такая любовь, что каждое лето она очищала от камней и гальки тропинку, ведущую в Кувари, буквально подметала, чтобы наш путь был легким, чтобы не преткнулись о камень стопы наши.

От этой женщины я научился многим полезным в монашеской жизни вещам: я научился любить земледелие, очищать от камней грядки перед посевом, делать угольную пыль для кадила, затепливать лампадки смиренным огнем. Она от всего сердца выдала мне «диплом по подметанию и уборке», которым я горжусь и по сей день. Я научился от нее, как взяться за работу и как ее окончить. Она, как не многие, всегда знала самый верный способ выполнения работы. Даже состарившись, она никогда не портила работу, так как была уверена: если найдем как начать, то найдем и как кончить.

Ее любовь была великой и бесстрашной. После нашего отъезда с берегов Патмоса она продолжала по четкам молиться о нас, духовных чадах старца. Наш отъезд не охладил ее сердца. Однажды она позвала молодую сестру и говорит:

— Сестра, я за Григория делаю тридцать узелков каждый день, но он игумен, несет на своих плечах и других, у него скорби и горечи, которые нам, послушникам, неведомы. Я должна за него делать полностью четки. Что ему тридцать узелков?

А если бы у нее было мало любви, она бы подумала: «С глаз долой, из сердца вон». Так говорила игуменья Евстохия.

Когда мне поставили диагноз, — сахарный диабет, — с плачем поднялась она на башню к старцу, громко взывая:

— Геронда, пропало Кувари!

Старец в ужасе вышел из кельи.

— Что случилось, сестра?

— Заболел Григорий, пропал хозяин Кувари.

От этой неграмотной монахини я научился не только житейскому, но и духовному.

— Общежитие, братец мой Григорий, это не только общая трапеза, это еще и любовь ко всем вещам общежития.

Если не участвуешь в трудах общежития

и не заботишься о вещах, как о своих, какой же ты член общежития? И если не смиряешься и не имеешь общения со всеми еще здесь, как будешь иметь на небесах общение с ними? — Как будто научилась от преподобного Пахомия, который говорил: «Общежитие — это общение лиц».

«Ну ладно, сестра, благослови», — так всегда кончались недоразумения.

Она до старости сохранила трудолюбие. Каждый день рядом с рабочими, или с мотыгой в руках, или с рукоделием, — следила, чтобы работа выполнялась правильно и без «перекуров». В полдень в ее маленькой корзинке была легкая закуска. Вечером отчитывалась старцу, как прошел день на хозяйстве. Участок около Враста был ее любимым местом, где стояла и келлия подвижника Феоктиста, каменные стены и немного воды. Возделывая этот участок, она приносила много овощей в общежитие. Каждый год, закладывая огород весной, она говорила мне:

— В последний раз. Состарилась, больше не могу.

И так до ста лет...

Однажды на пути в Кувари она упала и ударилась так сильно, что я испугался, как бы не померла. Однако она встала и с земным поклоном просила меня не говорить никому, иначе ей не разрешат в другой раз пойти в Кувари.

Благородная душа... Когда уже не могла сажать огород, готовила ленты из старой одежды для домашних половиков...

Вся ее жизнь была служением всему творению. Ничего не делала кое-как, с привычной для нерадивого человека скукой. Ее служение было таким, как этого требовал Христос от Своих Апостолов. Оно исходило из горящего сердца, наполненного благоуханием Святого Духа. Такому расположению она научилась не в монастыре, это было ее собственное достояние. Учит и мир, когда, например, мама, укачивая ребенка, поет ему церковные песнопения, а не бесовские напевы бузуки.

Еще живя в миру, с благоговением служила она таинству жизни. Одна прокаженная, удаленная от людей, забеременела от какого-то негодяя. Когда пришло время родить, никто не приближался к ней. Лукия, отбросив всякий страх заразиться, помогла прокаженной в родах. Младенец вырос в детском доме. Возмужал, выучился, стал капитаном первого ранга. После многих лет пожелал увидеть свою родину. И там единственным человеком, с которым он хотел встретиться, оказался не кто-нибудь из родни, а монашка, которая поддержала его мать в трудную минуту.

Трогательная встреча! Разрывались и самые суровые сердца: молодой парень так горячо обнимает старуху, будто она самое большое сокровище в его жизни. А старуха кричит:

— Кто ты, детка?

— Я сын прокаженной, которого ты приняла на свои руки. И вот — я жив.

Когда она стала монахиней, на ее долю выпал тяжкий жребий — ухаживать за двумя туберкулезными сестрами, да еще в тех очень стесненных условиях. Одна из них была монахиня Магдалина, а другую, если не ошибаюсь, звали Пульхерия. В конце 50-х ухаживала за сестрой, больной раком. Я часто бывал очевидцем ее безупречного служения. Даже мать так не ухаживает за любимым ребенком. Никогда на ее лице не отразилось отвращение, не промелькнула брезгливость, когда она очищала раны или убирала нечистоты голыми руками. Она полностью предалась служению страждущим и никогда при этом не казалась усталой.

— Что скажем? Оставим людей и вещи без присмотра? Это предательство нашего призвания и безумие. Слава Богу, — говаривала она, — дает силы и выдержку Христос.

Ее совершенная любовь проявлялась и еще в одном. Каждую субботу вечером она брала у экономки две большие корзины с милостыней, чтобы раздавать ее в деревне. Она, как никто другой, подходила для этого дела. Знала, как подать милостыню человеку, не задев его гордость и не подчеркнув бедность.

Как-то в минуту усталости экономка сказала:

— Хватит, Лукия. Сейчас нет нужды.

— Что ты говоришь, сестра?! Ты понимаешь, что говоришь? Или это у тебя вырвалось случайно? Без милостыни мы не можем оставаться монастырем ни перед Богом, ни перед людьми. Что? Перестанем

давать милостыню?! Я в ту же минуту уйду из монастыря. Рай — для милостивых.

Во время работы рядом с ней монахи всегда ощущали уверенность. Какой бы тяжелой и большой ни была работа, мы справлялись, потому что старица давала поддержку и понуждала. Настоящая ученица православного монашества, в соответствии с изречением: «Монах — это непрестанное понуждение естества».

Она была человеком порядка, первая хозяйка в монастыре. Старец говорил:

— Внешний беспорядок — это выражение внутреннего.

Кладовка старой Лукии, хотя там и были развешены плетенки лука и пучки чеснока, на полу стояли жестянки для полива, а в углу, как трости скорописца, были сложены мотыги, — кладовочка эта походила на красивый, уютный салон. Порядок и самое невзрачное помещение делает красивым. Порядок успокаивает человека, приносит мир в душу, как тихое Эгейское море. Бабушка во всех своих вещах соблюдала порядок, которому можно было позавидовать. Ни одной минуты ничто не находилось не на месте. Она хорошо знала пословицу: «Невыметенный дом гостей поджидает».

— Если каждый раз не класть вещь на место, то келья превратится в Вавилонскую башню. Так-то, братец.

У этой аристократки были и человеческие немощи: в церкви она хотела стоять только на своем квадратном метре, чтобы никто к ней не прикасался,

на своей территории не терпела беспорядка. Как-то одна молодая сестра пошла к ней в кладовку и потянула луковицу из плетенки. Вся плетенка упала на землю, и лук рассыпался. Молодая не потрудилась нагнуться и собрать лук. Едва это обнаружив, старуха сотворила плач праведного Авеля и пророка Иеримии: рухнуло общежитие, попоран устав, все разбредись... Плач начался от Врасты (пятьсот метров от монастыря), дошел до монастыря и продолжался всю ночь.

Потом я ее спросил:

— К чему такое рыдание?

— Сейчас люди, Григорий, если не видят знамений и чудес, то не верят, что согрешают, и не замечают своих ошибок. Конечно, в этом возмущении были замешаны и мои страсти, и нервишки.

Человек хозяйственный — человек творческий. Может быть, ему не хватит сил построить крепости и башни, но то, к чему прикасается его рука, он бережет, преображает и умножает. Лукия получала пенсию аграриев. Прежде чем получала на руки деньги, договаривалась со старцем, как их употребить. Всегда предпочитала землю. Там нужна опора для лозы, там забор для огорода... Украшение огорода, полей и виноградников было для старушки большой радостью. Болеть за свое место, любить его свойственно добродетельным людям, безразличие — отличительная черта развращенных. Так приходит исполнение: *«Проклята земля в трудах твоих»* (Быт. 3:17).

Нагруженная шхуна, называемая Лукия, прибыла в пристань Царства Небесного. Путешествовала в этом мире примерно 110 лет. Где бы ни прошла, что бы хорошее ни встретила, всё подобрала на свой корабль. Не оставила незамеченным ничего доброго, всё принесла в свою кладовку.

Мы, ее чада, приобрели лишь что успели, и схватили что смогли, из того, что она нам припасла. Потому что быстро ушла. Я мог бы назвать ее принцессой великого Царя, но ее брачная жизнь закрывает мне уста. Поэтому я ее считаю верной рабой и достойной труженицей на царском поле.

Антония-скотница

Эти две монахини, Лукия и Антония, носившие имена святых, которым посвящены храмы в монастыре Евангелизмос, были благословенной упряжкой, возделывавшей склоны монастырских угодий. Два благословенных животных, которые своим горячим дыханием согревали новорожденного Младенца, два животных, между которыми узнаешь Христа-Бога. Исполнились слова Пророка: *«Посреде двою животну познан будеши»* (см. Аввак. 3:2).

Как не помнить Антонию, которая чуть свет, по будням и по праздникам одетая в лохмотья, в галошах спешила к скотине? Так любила свое послушание, что приходила в загон всегда радостная. Бежала, как девочка. Казалось, что не ступает по земле, а летит.

От всей души выполняла свое «низкое» послушание, безропотно, без помыслов — дескать, другие в канцелярии, в швейной, в церкви, а она со скотиной. И это не несколько раз, а все дни ее послушания. И благословенные животные, инстинктивно чувствуя ее любовь и заботу, радовались ее смиренному присутствию.

Я всегда шептал при виде этого: «Вот Кукузель³⁰ со своими козлами на Афоне». Они, когда тот пел в расщелинах и обрывах, прекращали пастись и, как зачарованные, слушали его.

Заикающаяся, со слабым голосом, Антония напоминала Моисея, который пас овец своего тестя Иофора. Этих овец нашла и полюбила Антония. Я много спрашивал ее о ее послушании, и она мне отвечала:

— Низкие послушания помогают немощному человеку в покаянии, если, конечно, он их считает наиболее подходящими для себя и не допускает мысли «я достоин чего-то лучшего».

Антония осталась на нижней ступеньке в иерархии монастырских послушаний, но в наших сердцах, в сердцах тех, кто ее знал, — она стоит выше всякой лестницы. В этом мире она пахла навозом и пометом, чтобы благоухать на небесах.

И она была родом из потерянных и многоплачевных родных земель Малой Азии, где люди, подобно

30 Имеется в виду преподобный Иоанн Кукузель, песнотворец, XIII в.

Давиду, седмерицею днем славили Господа, а Он беспрестанно благословлял их, пока не умножился грех. И пришел гнев Божий, и отнял всё.

Напуганная и измученная, прибыла Антония на ближайший остров, на Кос. Там она не сидела сложа руки, оплакивая свою горькую участь. Недостаток образования не помешал ей организовать собственное дело.

Трудолюбие превозмогло всё, и она открыла бакалейный магазин. Своим доходом содержала не только себя, но и многих несчастных. Каждый день накрывала стол для многих.

Обычно на островах во время еды по многим причинам закрывают двери. Или для того чтобы не видели соседи скудную трапезу и не сплетничали. Или потому что царил настрой древних отцов: как мы, разумные люди, едим подобно бессловесным? (Поэтому никогда не жевали на улице, как жвачные животные, и не позволяли себе расслабляться за столом. «Сиди, — говорили тебе постоянно, — и ешь, как человек». Тогда, знаете ли, буфет не был известен, то есть когда держишь еду и ходишь по залу, беседуя с друзьями и знакомыми.) Или потому, что вид с набитым ртом — не лучшее, чем хочет похвастаться человек. Ни в коем случае не допускаю мысли, что двери закрывались, чтобы не угостить прохожего. Потому что неписаный закон хозяйки гласил: «Первая тарелка — Христу». И если не было странника, то угощение относили неимущему.

Двери дома Антонии были всегда распахнуты настежь, чтобы, если пройдет кто-то голодный, можно

было сказать ему: «Потрудись посидеть за моим столом». Она кормила от своих трудов множество людей, которые в те нелегкие времена бродили по улицам безутешные и лишенные всякого блага.

Однажды в полдень Антония, войдя к себе в дом, увидела трех юношей, которые прошли и сели за стол. А она в этот раз не успела ничего приготовить. Говорит им: «Садитесь, поедим, что есть под рукой. Я на сегодня ничего не приготовила. Сейчас быстро что-нибудь состряпаю».

— После молитвы, прежде чем притронуться к предложенному, они исчезли один за другим, и я осталась одна. Сразу вспомнила, как некоторые гостеприимные люди удостоились чести принять Ангелов... Так говорится об Аврааме, ветхозаветном патриархе. У меня внутри, конечно, есть извещение, что это не просто люди, но огненные Ангелы, — так она говорила.

Позже Антония монашествовала в новосозданном общежительном монастыре старца Амфилохия, которого знала как приезжающего духовника. Предалась обители всей душой и всем сердцем, взяла на себя уход за скотиной и до самой смерти выполняла эту работу.

Бедный монастырь нередко был вынужден посылать сестер на ближайшие острова для сбора необходимого, но не милостынею, а трудами. Естественно, что соседний с Патмосом Самос, как более плодородный, был вполне подходящим для таких предприятий, в особенности для сбора маслин. Так, сестра Марика работала на Самосе зубным врачом, а сестра Антония собирала маслины. Труд их оплачивался натурой, то есть маслинами и маслом.

Об этом путешествии повествует одна чудесная история. Я включаю ее без изменений, как рассказала одна боголюбивая душа, которая слышала ее от самой сестры Антонии.

«Наш уважаемый старец во время войны, когда люди умирали от голода, каждый год посылал сестру Антонию на Самос, как работницу по сбору маслин.

Плату давали не деньгами, а маслинами и маслом. Заработанное она приносила в монастырь, а старец почти всё распределял на нужды бедных, раздавая щедрую милостыню всем, кто каждодневно приходил в обитель за помощью. Однажды сестра Христодула сказала ему с обидой:

— Геронда, оставь и для нас немного масла и маслин, а то помрем с голоду.

Но старец ей ответил:

— Сестра, пусть мы умрем, лишь бы люди жили. Есть Бог и для нас.

Итак, один год, как обычно, перед отъездом на Самос за маслинами сестра Антония пошла к старцу попрощаться и взять благословение. Он с отеческой любовью говорит ей:

— Иди, дитя мое, с благословением Божией Матери, но хочу, чтобы ты вернулась в монастырь к Рождественскому сочельнику.

— Благословите, геронда, — говорит сестра и отправляется.

Уехала Антония на Самос и очень усердно собирала маслины. Каждый день ей давали корзину маслин и немного масла. Когда кончилась работа, собрала всё и приготовилась к отъезду в монастырь, потому что уже шли предпразднственные дни и, согласно заповеди старца, ей полагалось возвращаться. В те времена не было машин, и единственной возможностью добраться до причала было нанять извозчика, который на лошади с телегой перевозил вещи.

Идет Антония, находит единственного в деревне извозчика и говорит:

— Я вас очень прошу, отвезите меня к причалу. У меня есть и багаж. Мне надо уехать на Патмос, а что требуется, я заплачу.

Извозчик вместо ответа начал кричать и грязно ругаться. Как потом выяснилось, он был коммунистом.

— Прочь с глаз моих! Я тебя даже видеть не могу, не то что везти к причалу.

Сестра ему:

— Миленький, успокойся, ничего мне не надо.

Но он так разъярился — прямо горит от злости.

Что делать Антонии? Уже начинало вечереть, времени на дорогу совсем не оставалось. Вернулась она в свой бедный домишко, закрылась и сидит там в большой скорби. Утром Сочельник, а она не может выполнить заповедь старца...

— Мне-то было всё равно, — говорила она мне, — но я не хотела огорчать старца.

Там в домике стала она на колени и всю ночь со слезами молилась Архангелам, которые находятся вокруг нас. Она их очень почитала. Молилась она так: «Архангеле Михаиле, ты, у которого такие могучие крылья, имеешь дерзновение к Богу. Помоги мне уехать, чтобы не огорчать старца, и просвети извозчика, чтобы не сотворил мне зла».

Так со слезами молилась она всю ночь Архангелу Михаилу. И как всё устроил Бог? Когда извозчик

пришел вечером домой и лег спать, видит во сне светлого юношу, который говорит ему:

— Почему не хочешь отвезти монашку к причалу?

Извозчик разъярился:

— Кто ты такой, что осмелился явиться ко мне в дом в такое время и еще требуешь отчета?!

Юноша ему отвечает:

— Увидишь, кто я такой, если не сделаешь, что тебе говорю.

А извозчик в ответ:

— Ты что, мне угрожаешь?!. — И хотел подняться, чтобы его ударить.

— Остановись! — говорит юноша. — Я, который тебе повелеваю, называюсь Архангел Михаил, и если ты не встанешь и не отвезешь монашку к причалу, завтра же умрешь. Я сам возьму твою душу.

Услышав это, извозчик вскочил в ужасе, взял лошаадь с повозкой и отправился к домику, где жила сестра. Барабанит в дверь. А сестра еще стоит на коленях и молится. Как только услышала она стук, побежала и открыла дверь, но, увидев извозчика, страшно испугалась и хотела захлопнуть ее. Он, однако, успел крикнуть:

— Скорее неси свои вещи! Быстрее, быстрее!

— Но что с тобой? Как это ты пришел в такой час?

А он, перепуганный, знай повторяет:

— Я тебе говорю: скорее неси свои вещи. У меня нет ни малейшего желания связываться с «этим».

Наконец, погрузили всё.

— Садись и ты, — говорит извозчик.

Сестра села, душа в пятках от ужаса. По дороге он ее спрашивает:

— Монашка, не скажешь ли, какие у тебя связи с Архистратигом, что он сегодня вечером пришел ко мне во сне и пугал меня? «Если не отвезешь монашку в порт, — говорит мне, — завтра же будешь мертвый». Вот потому тебя и везу, что у меня нет ни малейшего желания связываться с Архистратигом.

Антония после этого, растроганная, поблагодарила Бога, Божию Матерь и Архистратига, который помог ей уехать и выполнить послушание, и объяснила извозчику, что молилась всю ночь Архангелу, чтобы он ей помог, потому и случилось чудо».

Так сестра Антония, благодаря своему послушанию и чудесному вмешательству Архангела Михаила, действительно сподобилась вернуться в монастырь в Рождественский сочельник.

Исполненная дней и добрых дел, Антония отошла в вечные обители и радуется сейчас вместе с Ангелами и от века преподобными матерями.

Были у нее, конечно, и человеческие слабости. Кажется, она любила рабочих больше, чем братию. Дошло до того, что она нас опорочила перед старцем. Впрочем, я и сам делал немало ляпсусов по неопытности и невниманию, и может быть, то, что в моих юношеских глазах выглядело ее недостатками, в очах Божиих было добродетелями...

Да будут с нами ее материнские молитвы, пример ее жизни, простота и смирение.

Христодула-сладкопевица

Старец Амфилохий всегда характеризовал монахов одной фразой: «Это человек самопожертвования». О других он говорил: этот терпеливый, благочестивый, этот стяжал самоукорение, смиренномудрие, поучение, любовь...

Христодула у старца Амфилохия была человеком *великого самопожертвования*, и он не ошибся, так ее почитая.

Она заменяла герондиссу в 50-х — начале 60-х годов. Не думаю, что ее распоряжения относились к сестрам, скорее к ее собственным рукам и ногам, к ее собственной готовности к послушанию и служению сестрам и гостям.

Глядя каждый день на ее беготню, я спрашивал сам себя: «Она вообще устает когда-нибудь? Сколько же у нее сил?» Удобств и достижений цивилизации в новосозданном монастыре не было. Даже питьевую воду носили ведрами на плечах из источника Ай-Петрос, на расстоянии сотен метров от обители.

Выдержку Христодулы нельзя измерить сегодняшними мерками. Как-то в период эпидемии гриппа, когда все сестры слегли в постель, с «*Молитвами святых отец*» началось всенощное бдение и продолжалось около четырех часов. В каком темпе началось, в таком и закончилось, совершенно без спешки или усталости и скуки. Заповедь старца должна быть исполнена, даже если это стоит напряжения и жертв. В этой женщине

я видел, что *«иго Христово благо и бремя Его легко есть»* (см. Мф. 11:30). Я ее спросил:

— Где предел монашеского послушания?

И она мне ответила:

— Смерть, Григорий.

Она была родом с белокурого побережья Малой Азии. Много перенесла. Беженство без всякой защиты и опоры — это тяжелое состояние. Может быть, была замужем не один раз. Но Бог, хотящий всем спастись, открыл ей двери милости в монастыре Евангелисмос. Там она была нужна, и там ее использовали как *честный сосуд*. Человек бесстрашный и находчивый, как не многие женщины, она пригодилась новосоздаваемому монастырю, у которого было мало друзей и много врагов, и прежде всего оккупанты, которые шпионили и пытали: что вы там делаете? зачем? где вы? куда идете? А когда оккупант предчувствует конец своего владычества, он становится еще более жестоким и подозрительным.

Пела, как ангел. Не зная нот, безупречно исполняла мелодии. Несмотря на то, что была родом из Малой Азии, она просто, без тени восточной помпезности, пела Господу. Ее приятный голос придавал благозвучие церковным песнопениям, и все преклоняли слух, наслаждаясь небесными мелодиями. «Нет ничего гармоничнее: отец Амфилохий служит, светлый и радостный, и поет коротышка Христодула с низким исоном, смиренно, — настоящая духовность», — говорила мне одна святая душа. «В Евангелисмосе верующий

молится, слушает литургию, не думая, когда же конец», — заметил мой скромный преподаватель.

Для монаха великая удача, если на службе создана атмосфера молитвы. Это как раз то, чего ищет современный человек и не может найти в миру. У монашки Христодулы это получалось благодаря ее скромности и непритворному нраву.

Эта монахиня была царицей порядка и хозяйственности. Остается загадкой, как удалось деревенской девочке развить такой тонкий вкус и чувство гармонии. Другие годами учатся дизайну и всё-таки не обретают вкуса и способности выразить то, что думают. А Христодула одним лишь внутренним усилием находила, как придать бездушному творению жизнь, голос, выражение, — вообще всё! Великим Постом церковное убранство располагало к покаянию, умилению, примирению. На Пасху и на каждый великий праздник она безошибочно определяла меру, которую ищет уравновешенный человек, чтобы переживать праздничный круг. Не было ничего лишнего и вычурного в ее трудах. Всё было угодно Богу и людям.

Нет ничего лучше литургической атмосферы, которая меняется в храме, как времена года.

Я спросил одного православного француза в 1957 году:
— Что тебя заставило перейти из Католичества в Православие?

Тот ответил:

— Я пошел на панихиду по моему православному другу в русскую церковь в Париже и, глядя на церковное

великолепие, сравнивал его с нашим убожеством. Тогда сердце мое без всякого насилия склонилось к Православию. И я каждый день представляю себе и свои собственные поминки — с вареной пшеницей, свечами и ладаном, с чудесными песнопениями. В Католичестве нет такой непосредственности, которая есть в Православии. Пшеница символизирует меня, который должен истлеть в недрах земли, чтобы воскреснуть; мягкий свет свечей — свет Христов; ладан — благоухание Духа Святого. Сухость Католичества направила меня к Православию.

Неграмотная монашка помогла мне понять значение многих праздников. Она заставила меня ждать их с нетерпением каждый год, чтобы выслушивать службу с горящим сердцем.

— Григорий, — говорила она мне, — что за праздник сегодня был — преподобных Отцов! Вся пустыня прошла парадом перед нами: Ливия, Фиваида, Египет, Сирия, Палестина, Капподокия. А алфавитное поминовение имен преподобных — это еще одна благодать!

Она была моей учительницей по церковному порядку, по украшению и уборке храма. Благолепному украшению жертвенника и Престола я научился у нее.

Сестра Христодула благоговейно готовила не только церковь, но и гостиницы, столы, как будто будут есть и спать не люди, а ангелы. Как-то она подала одному смиренному клирику рыбу, очищенную от костей. Я ее спрашиваю:

— Зачем такая забота?

— Чтоб ему было приятно.

— А это не слишком?

— В излишнем — многожеланная любовь Христа. Покажи свою любовь в делах, чтобы Христос всегда видел тебя Своим учеником. На Тайной Вечере умывание Учителем ног учеников не было ли излишним? Но Христос это сделал, чтобы научить нас излишнему.

Сестра моя Христодула. Она во всем была мне наставницей. Учила меня и духовному. Как-то утром, придя в Кувари с другими сестрами, она увидела, что я в плохом настроении, задумчив, меланхоличен, даже мрачен, не имею ни к чему охоты. Я стоял, прислонившись к ограде, которую закрывал куст розмарина. Она приблизилась ко мне с любовью, и я услышал ее тихий голос:

— Потерять доверие к старцу это болезнь монаха. Старец для послушника — выразитель воли Божией, это краеугольный камень, на котором он строит башню своей души. А также камень, который сокрушает его гордость, самость и злое желание. Пусть никогда не поколеблется твое доверие к старцу. Он несет светильник и освещает путь ко Христу. Он закрывает тебе всякий доступ к миру. Он мост ко Христу. Я тебе это говорю, потому что вижу тебя непривычно усталым. Я помолюсь за тебя.

...Мама, благодарю тебя. Твои слова я начертал в своем сердце и до сих пор их не забыл.

Но у этой милой и хорошей сестры были свои человеческие недостатки. Она подозревала худшее в людях, вещах и событиях. У нее была способность — или потому что внушала доверие, или потому что знала способ — влиять на старца. Это смертельно опасно для сестричества. Правда, потом просила прощения и даже на коленях, но зло уже совершилось. Я не знаю, сознавала ли она этот свой изъян, но окружающих она утомляла.

Можно надеяться, что в конце жизни, проведя многие годы на одре болезни, сестра Христодула отошла ко Господу очищенной, что ее труды по послушанию и в богослужении перевесили чашу весов Божиих в сторону спасенных.

Говорят, незаменимых нет. А я уверен, что в монастыре Евангелисмос не будет другой такой Христодулы: трудолюбивой, любящей богослужение, человеколюбивой. Человек очень предусмотрительный, у которого всё было вовремя. Я помню, как всё было доведено до совершенства во время погребения сестер. Каждая деталь продумана. Никогда не возникало никакой заминки или задержки. Носилки, благолепная могила, свечи на службе, епитрахили для священников, — всё было готово. Не нужно было ничего искать. Даже лопата, и земля, и молитва *«Земля еси и в землю отыдеши»* (Быт. 3:19) — всё было приготовлено на краю могилы. Все служили без проблем, отложив всякое житейское попечение благодаря предусмотрительности Христодулы. Ее молитвы да сохранят нас.

Монахиня Феоктиста из деревни Кравга на Паросе

Хотя она была родом из места, называемого Кравга (крик), но никогда не кричала и даже не повышала голоса. В монастыре она была «рыбой», так что только по движениям заметишь ее присутствие. Говорила: «Чтобы не иметь много неприятностей, имей только одну — притворись глуповатым, не слишком умным, пусть даже будешь казаться дураком в глазах других».

Она происходила из зажиточной и многодетной семьи. Родилась примерно в 1915 году в монастыре Богослова. Выросла Маруля под высокой колокольной монастыря. Это святое место было одним из тех, которые Церковь продала в частное владение, чтобы выплатить налоги оккупантам. Ее семья, как и всякая семья того времени, держала свои неписанные традиции благочестия. Они передавались из уст в уста, от поколения к поколению.

«Когда гаснет лампада у Богослова, раздается стук в дверь у хозяина». И действительно, лампада была потухшей. «Когда в стране должно произойти какое-то несчастье, икона Святого за несколько дней до этого стучит и предупреждает о неожиданной беде». В часы испытаний Богослов являлся живым и помогал. Спасал от верной гибели членов семьи или окрестных жителей, которые каждый год в день праздника Святого выражали свою благодарность традиционным преломлением хлеба (литией).

Так семья ощущала живое присутствие Богослова во всех жизненных ситуациях.

Маленькая Маруля под руководством старца Филофея начала сознательно становиться всё более и более преданной ученицей Христа. Она часто посещала тетушек — монахинь Парфению и Анастасию в монастыре преподобного Филофея, а также других своих родственниц, которые монашествовали в женских обителях «Христа в Лесу» и в Фапсанах. Она всегда общалась с богобоязненными людьми. Никогда не появлялась на мирских собраниях.

После смерти матери ей пришлось принять на себя множество трудных обязанностей. В течение многих лет я видел ее всегда грустной и задумчивой. Однажды на праздник Иоанна Богослова в сентябре 1958 года что-то толкнуло меня заговорить с ней. Она подошла на клирос поздороваться со мной.

— Тетя, хочешь стать монахиней?

— Да, — ответила она просто.

— Хочешь, возьму тебя на Патмос?

— Пойду куда поведешь.

Я получил разрешение старца, и в ноябре тетя была на Патмосе. Через десять дней старец объявил мне решение сестер: «Теснота и нехватка места не позволяет нам принимать других. Когда будет корабль на Пиреи, придешь возьмешь ее. Пусть возвращается обратно».

Похоже, высокая худощавая фигура моей тети и ее малограмотность не привели сестер в восторг. Вопрос,

на что годится в монастыре эта худая и слабая женщина, больно сдавил мое сердце, и оно сжато до сих пор. Как ей передать это: «тебя не хотят, потому что тебя слишком мало для их монастыря»? Я сказал: «Для тебя нет места, и в четверг мы уезжаем». Она побледнела, как полотно, и из глаз ее излилось больше слез, чем из моих.

В слезах вернулся я в семинарию. Я не знал, есть ли билеты на Пирей. Пять дней прошли в стенаниях. Тяжело ступая, шел я, чтобы взять рыбу и выбросить ее на сушу. Это было первое потрясение, которое я пережил в монастыре. Корабль, если его ударяют волны, ищет место, чтобы укрыться от бури. Я не искал. Почему?..

Я пришел в Евангелизмос во время угощения. Принесли и мне, но у меня сердце было так сжато, что я подумал: «Что эти женщины меня угощают ради моей боли? Что они, Иродиады, что ли?» В этот момент искушения и недоумения старец обратился ко мне в собрании сестер: «Манолис, угощение — в честь вступления в монастырь твоей тети. Ее слова пронзили мое сердце. Невозможно не причислить ее к стаду. Она входит в обитель, как никто не входил, через очень низкую дверь».

Тетя поняла, что если не забудет свое происхождение и не будет стелиться по земле и есть прах, монахиней ей не стать. Итак, она подошла к старцу: «Я вижу, что места нет и я усложняю ситуацию. Простите меня,

я скажу. У коз очень много места в загоне. Если там в уголке я поставлю кровать, то буду чувствовать себя царицей, хотя и вне дворца».

Так в монастыре *Благовещения* (Евангелизмос) она стала на всю свою жизнь *благовестницей* самой большой добродетели — смиренномудрия. Забыла свое аристократическое происхождение, что ее отец и деды были господами на острове, а мама — из богатого рода... Опустились поднятые брови. Всё стало прахом в душе Марули.

После шестимесячного испытания ее постригли в монашество с именем *Феоктиста*. Впервые старец сократил срок послушничества. Другие ходили в послушниках по четырнадцать лет. Сразу же послал ее на Калимнос к старице Нектарии. Но это было не лучшее. Нектария имела деспотичный, властный, «калимносский» нрав. Она навязывала свою помощь, и невозможно было отказаться, но потом так сжимала свою руку, что ты жалел, что не устоял и принял ее благодеяние. Так положение облагодетельствованного становилось еще труднее.

Попытка в Роцо не увенчалась успехом, и сестра *Феоктиста* возвратилась на Патмос. В монастыре приняла послушание привратницы, церковницы, вышивала золотом. И снова царица в сердцах сестер благодаря своему молчанию и милым шуткам.

Бог попустил тяжелейшее испытание, чтобы явить золото. Ум *Феоктисты* всегда был со святым *Дионисием*

Эгинским³¹, подвижником прощения. Когда мы оставили скит праведного Иосифа, поскольку нас официально известили, что он не предназначается для монастыря, долгое время еще велись пересуды о личности племянника Феоктисты. Слушала Феоктиста громогласные разговоры о скверном положении ее любимого племянника, болело сердце ее, омрачался ум, но уста свои она держала закрытыми. Лишь многие годы спустя, когда я посетил ее, сказала:

— Чудом не потеряла я тогда рассудок. Если бы не сестра Александра, я бы точно помешалась. Она единственная меня понимала и утешала. Даже каменный человек согнется, если будет постоянно слышать наветы на того, кто привел его в монашество.

Я спросил, были ли у нее помыслы уйти из монастыря.

— Нет, никогда я ничего такого не думала. Только вспоминала старца Филофея и принимала это искушение как наказание за свое непослушание, что не последовала его совету.

Она никогда не говорила о своем «плохом» племяннике, чтобы не быть в тягость. Только в день памяти святителя Григория, когда она как церковница кадила, приблизившись к одной душе, любившей «озорника», прошептала: «Сегодня день Ангела у Григория. Помянешь его в своих молитвах?» Но и это под большим секретом, «чтобы не чихнул диавол».

31 Святитель Дионисий Эгинский простил убийцу своего брата и помог ему скрыться от властей.

Самым страшным было то, что она должна была исповедоваться и причащаться у тех, кто поднял бурю. В сердце появились чердак и подвал. Крепость никогда не открывала дверей и окон. К сожалению, это часто происходит в закрытых сообществах. Любящие безмолвие составляют дугу, которая держит свод над братством.

Монахиня Феоктиста много лет без ропота и возмущения страдала раком. Ее ум никогда не прилеплялся к болезни. Тяжкий недуг и всё связанное с ним не обсуждалось в разговорах с Феоктистой. Я посетил ее незадолго до смерти. У нее был всё тот же строгий, задумчивый вид. Лицо совсем не изменилось. Оно выражало прощание и надежду на встречу в новой твари, как о том сказано в Евангелии.

Покойся, Феоктиста, не в засаженном соснами монастыре, но в огромном саду Божиим, который ты с детства возлюбила.

Монахиня Феодора, человек любви Божией

Легко писать о душе, освобожденной от страстей. Легче чем опытному художнику создать портрет мирского человека. Порабощенный страстями человек — это всегда закрытая книга без опознавательных знаков, в то время как подвижник — книга открытая, со специальной закладочкой на каждой странице жизни.

Так, когда я близко познакомился с монахиней Феодорой, которая лежала тогда на одре болезни в больнице св. Саввы, как только спросил ее, как она стала

монахиней, Феодора сразу же, не оглядываясь по сторонам, — как бы кто не услышал, — открыла мне, 25-летнему, страницу своей жизни в юности:

— Благодарю Бога, что у меня на родине были монастыри и монахини. Путь в Царствие Небесное пролегал не по одной дороге — «вырасту, заведу семью», но была еще возможность «когда вырасту, могу стать монахиней».

На монашескую рясу всегда смотрела с удовольствием и носила с радостью. Осенью после первого дождя, брат Григорий, все девчонки обычно выходили на поля собирать улиток. Как-то пошли и мы с сестричкой собирать улиток возле монастыря св. великомученицы Екатерины. Там мы увидели монахинь в фартуках из мешковины. Они собирали камни в поле, как это принято на Востоке перед посевом. При виде этих монахинь согрелась душа моя, и я сказала: «Ах, сестрица, когда и меня сподобит Бог надеть мешковину, как эти сестры?» — «Дурочка, чего жаждет душа твоя! Платье из мешковины. Вот так наряд!»

Что моей сестре казалось мусором, для меня было и есть — царская порфира.

Одень свое тело в бедные одежды, чтобы душа твоя обнажилась от ветхого человека и облеклась в нового, созданного по Богу, как говорит Священное Писание.

К сожалению, это мое желание никогда не исполнилось. Как только я стала монахиней, сразу же оказалась на Родосе, в детском интернате. Там мы должны были хорошо одеваться, чтобы подавать детям пример аккуратности и не создавать проблем. Я ходила по улицам и стеснялась своей хорошей одежды. Я променяла *царскую багряницу* — мешковину — на мирское рубище, чтобы не смущать детей. Но тоска по мешковине меня не покидала. Я ждала, что в какой-то момент вернусь в монастырь и исполню свое желание. К сожалению, теперь я пойду в монастырь только на свои похороны.

— Ты сокрушалась, что была далеко от своего монастыря?

— Нет, нисколько, отец Григорий. Я всегда была довольна. Никто из людей не нашел в жизни чего хотел.

— Ты себя видишь готовой для Царствия Небесного?

— Конечно нет, но я радуюсь, что сокращаются дни моей жизни и я избежала каких-то ошибок, которые могла бы сделать.

— Ропщешь на боль?

— Нет, совсем. Только прошу Богородицу сохранить мне разум до конца, потому что болезнь началась с головы. Все другие члены тела пусть будут как песок у морского прибоя. Мне всё равно.

Так точно и вышло. Болезнь стерла ее кости, как мельница пшеницу. Но ум остался господствующим до последнего мгновения.

В те часы, когда боль колебала разум и помышления, сестра, которая была рядом, говорила в утешение: «У меня тоже всё болит, сестра. Это от погоды». Но я распознал, что ее не успокаивала эта ложь. Именно тогда я научился, как должно поддерживать страждущего.

Не следует будоражить историю болезни, лучше попытаться с любовью перенести больного в лучшие дни его жизни. Надо стать клоуном, чтобы развлечь больного. Я часто бывал отличным шутником, таким, что мне говорили: «Дай тебе Бог здоровья, отец Григорий. У меня от смеха раскрылось легкое. Завтра придешь, сядешь с другой стороны».

Я понял, что даже строгого вида не выдерживает больной в такие часы. И к тому же я был слишком молод, чтобы учить 58-летнюю монахиню. Много раз она говорила мне: «Отец Григорий, благодарю тебя, что ты без слов дал мне понять мое состояние».

Старец Амфилохий на Патмосе много говорил с этой сестрой о *тамошнем*, о загробном. Это было похоже на так называемые «Макринеи» святителя Григория Нисского. Рассказы старца о мысленном рае были истинным наслаждением. Его описание было лучшим, более правдоподобным, чем описание Моисеем в Бытии чувственного рая. Мы можем назвать их «Ностальгическими оглашениями о рае».

Сестры по очереди дежурили около нее. Много раз она их просила прогнать четками черного, который приближался к ее кровати. Она упокоилась на второй день Рождества, когда празднуется Собор Пресвятой Богородицы, и была похоронена на память первомученика Стефана. Я бы смело написал на ее могиле: «Мученица и дева — монахиня Феодора с Калимноса».

Затворница Макария

Нам привычно думать, что в житиях святых описываются не совсем подлинные события, что составитель рассказывает «неточно», дает свободу своей фантазии, чувствам. Как при написании романа. Нет, жития святых — другое. Это текст, который читается в собрании святых и слушается с особым благоговением. Жития святых — это осуществление Евангелия на деле, а не история, выдуманная для того, чтобы умилить читателя или слушателя.

Повествование, конечно, носит на себе отпечаток личности составителя: иногда оно более сухое, иногда более изящное, но никогда не содержит вымышленных событий и лиц. Безусловно, присутствует элемент воодушевления, но без этого ничего великого не могло бы произойти. Так, я думаю, что звание затворницы для матери Макарии не преувеличение, а истина.

Макария была родом с Додеканисских островов, может быть с Самоса. Много лет монашествовала дома. У нее были все монашеские привычки кроме

послушания. Она много лет не ела мяса. Жила в скудости, как подвижница. В монастыре же лучшим блюдом было мясо. Она вскочила со стула, как только увидела мясо у себя на тарелке. «Ни за что не буду есть мясо. Дома не ела, а в монастыре стану есть? Этому не бывать». Я рассказал старцу о ее самоволии:

— Новая послушница отказывается есть мясо.

— Скажите ей, чтобы ушла без разговоров.

Послушница сразу же начала есть вначале мясо, а потом макароны.

— Она, — сказал старец, — будет монахиней. Оставьте ее в общежитии, она будет полезной.

Макария стала кухаркой. У нее был сильный характер, решительность и уверенность в том, что делает, — необходимые качества для этого послушания.

На кухонном послушании в те годы было три креста. Первый — это материал для топки. Дерево из моря какой даст огонь? Вначале оно страшно коптит и дымит, только потом появляется пламя.

Второй крест — диета больных. Старец смотрел на больных как на снискавших особое Божие покровительство, им монастырь помогает нести крест. То есть монах становится Симоном Киринейским, соучаствует в их боли.

И третий крест — широкое гостеприимство старца. Все, кто заходил, знакомые и незнакомые, должны были быть накормлены. Начиналось с двух тарелок, которые становились четырьмя, а затем превращались в десять. А откуда взять эти непредусмотренные

порции? Тогда не было ни холодильников, чтобы хранить еду, ни газовых плит, чтобы быстро что-то приготовить. Сестра Макария, почти всегда одна, много лет несла тяжесть кухонного послушания.

Круглосуточный труд и телесная немощь не позволяли ей быть в первых рядах на утреннем богослужении. Как-то на рассвете поленилась и не встала вовремя. Началась известная песенка: «Вставать или не вставать? Полежу еще немного». Тогда видит, входит в ее келью некий монах-старец в сопровождении какого-то юноши.

— Давай-ка, врач, посмотри, что с этой монашкой, почему она меня не уважает? Мы каждый день принимаем монахинь у нас дома, а она всё опаздывает.

Испуганная, она вскрикнула:

— Нет, нет никаких болезней. Я грешная. Сейчас же приду.

В монастыре есть две небольшие церкви: преподобного Антония Великого и святого апостола Луки, где часто служили в те годы. С тех пор Макария никогда не пропускала службы. Она чаще других приходила в церковь, несмотря на больную ногу. Я ее спросил:

— Если очень устал, что лучше — келейное правило или служба в церкви?

— Хорошо бы совершить и то и другое, брат мой. Это необходимо для нашего духовного развития. Для нас, загруженных ответственными послушаниями и не имеющих времени для чтения, служба — очень важное занятие. Мы без богослужения — как если бы взялись читать, не зная алфавита. Без службы как поймем значение праздников? Лишить службы монаха — всё равно, что выколоть человеку глаза и сказать: иди.

В 1969 году в монастырь пришли и другие сестры, кухонное рабство стало не таким тяжким. Как-то вечером в июле мы со старцем сидели в тени башни. Вот и Макария приковыляла.

— Геронда, если благословите, хотела бы пойти в монастырь апостола Иоанна Богослова, о котором много слышала.

— Сестра, с какого года ты на Патмосе?

— Должно быть, в 44-м пришла.

— И не поинтересовалась пойти поклониться Богослову и преподобному Христодулу? Это, сестра, считается нечувствием.

— Геронда, я на кухне от темна до темна, где у меня свободное время для паломничества?

— Ну, хотя бы в Пещере Апокалипсиса ты была?

— Нет, геронда.

Сестра Макария была затворницей не в пещере или в подвешенной бочке, как нам повествует «История боголюбцев» Феодорита, но в маленькой, тесной монастырской кухне. Ее подвигом было стояние, терпение и постоянная забота, чтобы угодить гостям, сестрам и больным. «Тяжела участь повара, — говорит монах Феоктист из Дохиара. — Труд повара исчезает, его никто не видит. Уже на следующий день не остается и следов от его ночных трудов. Еда становится отходами, которые выбрасывают, частенько вместе с самим поваром, в отхожее место».

Я не устану вспоминать ее помощь больным и как она старалась приготовить всё вкусно. Она и сама была больна и очень хорошо понимала, что значит быть на диете.

Упокоилась, достигнув почти 80-летнего возраста. Верю, что там наша добрая монахиня избавилась от огня мучений, раз уж так уставала от постоянно горящей печи, и что наслаждается прохладой, которой была лишена в этой жизни. Был у нее один недостаток: она

увлекалась лицами, которым доверялась на основе слухов, составляла мнение и очень считалась с ним. Ее малограмотность облегчает вину, и чувственный огонь, мучивший ее здесь, верю, всё устроил, и она стала небожительницей.

Добрая Агафия

Однажды сподобил меня Бог оказаться в деревне, окруженной высокими скалистыми горами. Там мне довелось любоваться орлом, птицей высот. И вспомнилась тогда сказка об орле и воробье, которая показывает судьбу и воздаяние благодетелей. Я стал ее рассказывать своим немногочисленным спутникам:

— Как-то сказал воробей орлу: «Великий, не возьмешь ли ты меня на свои крылья и не поднимешь ли высоко, чтобы я полюбовался оттуда творением?» Орел склонил голову и задумался. Воробей же просил неотступно: «Ты видишь, как я летаю, — только по посевам, по деревьям и крышам». Умилосердился царь птиц над маленьким воробьем. Взял его на свои крылья и потихоньку поднял ввысь. Но маленький осмелел. Убежал со спины орла, полетел сам под небосводом и начал насмехаться над орлом: «Голован, черный с когтями». Орел рванул в сторону, и упала с высоты в бездну наглая птаха.

История понравилась священнику и учителю, и последний решил рассказывать ее детям, как пример неблагодарности.

Я замолчал. Лег на траву и наблюдал за орлами. Они устраивают свои гнезда на скалах и летают всегда высоко. Их трудно разглядеть в высоте невооруженным взглядом. Я восхищался, удивлялся, но ничего определенного не мог удержать мой ум. Так и с человеком, который летает высоко, — им восхищаешься, но о нем трудно писать. У него очень мало чего-то определенного. Он поднялся на такую высоту, что надо быть равным ему, чтобы его увидеть.

Как-то в Кавсокаливе посетили старца врач и монах-святогорец.

— Геронда, сколько ты лет в скиту?

— Шестьдесят пять.

— Были хорошие отцы?

— Все были более чем хорошие.

— Были хорошие? — настаивали гости. Они спрашивали о добродетелях отцов для духовной пользы, как сами говорили. Старец схватил за руку свежевымытого батюшку и ответил:

— Никто не мылся.

Пожалуйста, высокие гости, — подвиг, неподъемный в наше время.

Великих не описывают, о великих не читают, их «переживают». Такой была монахиня Агафия-афинянка, как добрый морской еж с маленьким панцирем, у которого нет ни глаз, ни лапок. Когда он чувствует приближение бури, — собирает водоросли, камешки и песок на свою спину, чтобы его не увлекли бешеные волны.

Так и тщедушная Агафия таскала на спине своего разума предания и учения святых мужей, чтобы в бурях общежития пребывать непоколебимой. Пусть всё пропалет. Пусть весь монастырь горит от разожженных стрел искушителя, — внутри нее царил мир.

— Сестра, если закричат «горим!», ты испугаешься?

— Нет, Григорий, нисколько. Даже если дойдет огонь до моей рясы, я не потеряю мира.

Она всегда была мирной, так как была праведной. Если какая-нибудь сестра нарушала покой в монастыре и все считали, что имеют право ее осудить, с Агафией этого не случалось. Она была человеком истинной

праведности и мира. Поэтому, хотя и не была от природы одарена красотой, лицо ее светилось из-под черного платка. Оно излучало свет, а глаза читали души лукавых, как открытую книгу.

— Сестра, ты обманула старца. — А сестра была из первых. Спускалась по ступенькам с башни, упала и сломала ногу. — Григорий, сестрица, старцу не будем лгать, не будем играть на его неведении.

Падение переполошило всех, а Агафия мирно говорила:

— Всякое преступление и преслушание получило праведное воздаяние. А мы как убежим, столь нерадея о спасении?

Но вершиной было самопринуждение, усилия немогущего тела в трудах послушания. Она была швеей. Как бы ни изводила ее болезнь, она должна была выполнить шитье для общежития.

— Сестра, у тебя озноб. Почему не пойдешь не ляжешь?

— Нет, Григорий. Монах — это принуждение естества. На вечер назначен постриг, рясы сестер должны быть готовы.

— А ты угробишься.

— В понуждении и усталости, братец мой, похороним покой и отдых, чтобы воскресли добродетели.

За столом корчилась от боли. У нее был серьезный приступ, и она попросила меня:

— Загороди меня, чтобы не видел старец.

— Пойди, ложись.

— Нет, брат. Старца мы не должны ранить ни телесными, ни душевными страстями. Постоянное поноуждение, братец мой, это свойство монахов.

И в нестяжании очень подвизалась. Я не думаю, что она имела хоть что-то, чему позавидовали бы другие. В карманчике у нее помещался лишь маленький носовой платок. С самого начала своего пребывания в монастыре Агафия занималась шитьем. Шила и мирские платья вместе с монашескими, чтобы в бедный монастырь поступали деньги. Но когда в 1968 году я дал ей денег в Афинах, чтобы она отнесла своему брату, она их не узнала.

— Братец мой, я не разбираюсь в деньгах. После оккупации, как пошла в монастырь, денег в руках не держала. Объясни мне, а то я затрудняюсь.

Может быть, определение «высокопарящий орел» покажется преувеличением, но оно не мое. Оно принадлежит преподобному синайскому Учителю: «*Монах нестяжательный — высокопарящий орел*»³². И это одно из благословений общежития.

Монах, подвизавшийся в пустыне, сказал мне: «Подумай, геронда, вот умру я внезапно, и найдут деньги у меня в келье. Это позорит монашескую жизнь. Господь да сохранит меня от такого обвинения». В первые века монашества обвинением было иметь свет в келье и есть из тарелки воду с солью. Это считалось супом. А теперь... Если нет на столе пирожных и

32 Прп. Нил Синайский.

двух-трех блюд, то это уже плохо. Наша эпоха отмечена мобильными телефонами и радиоприемниками. Остановимся на этом, чтобы не сказать больше...

И в рассуждении — царице добродетелей — у нее не было недостатка. Она умела сидеть рядом с великим и ему прислуживать, не пользуясь этой близостью. Вечером старец, прежде чем лечь спать, рассказывал ей все нелепости за день. И ему, несмотря на его духовную мощь, хотелось опереться на кого-то среди бушующих волн. Об Агафию они разбивались без брызг. Ничего не возвращалось вспять и не смущало сестричество. Волны разбивались и исчезали в бездонном сердце.

С любовью служила она болезням и старческой немощи. Как кормящая мать, которая знает без слов все нужды младенца. Ее движения, взгляд, благоголивый язык — всё было материнским. Агафия стала «сиделкой» не только для старца, но и для всего монастыря. Она умела незаметно умягчать сердца. Слово ее, как ночная прохлада в летний зной, источало живительную силу.

Она прислуживала в алтаре так, что лица ее не было видно. Только различаешь ее ручки и легкую походку. Нервов — никогда, криков — никогда. Быстрая без торопливости. Веселая, по-хорошему остроумная, но без громкого смеха. Когда нас угощали иной раз, она сидела за столом с такой детской простотой, что была его украшением. Повторяешь снова и снова: откуда у нас это милое дитя? Сладкие мгновения, которые

не прикасались к влекущему долу миру. Орел летал высоко, а ты был полон небесных размышлений.

Она умела праздновать Пасху и Рождество, и тогда лицо ее становилось красивее и милее, чем в остальные дни в году. К сожалению, многие в великие праздники *выносят новое и ветхое*, чтобы нарушить мир этих дней.

Часто делала меня посредником перед старцем в нуждах сестер и с огромной радостью говорила:

— И мы, мушки, что-то делаем.

Спросили как-то сестру монастыря, какими она видит сестер Евангелисмаса.

— Все добрые и хорошие, но всех превосходит Агафия.

Старец ей обещал:

— Если обрету дерзновение на небесах, тебя позову первой.

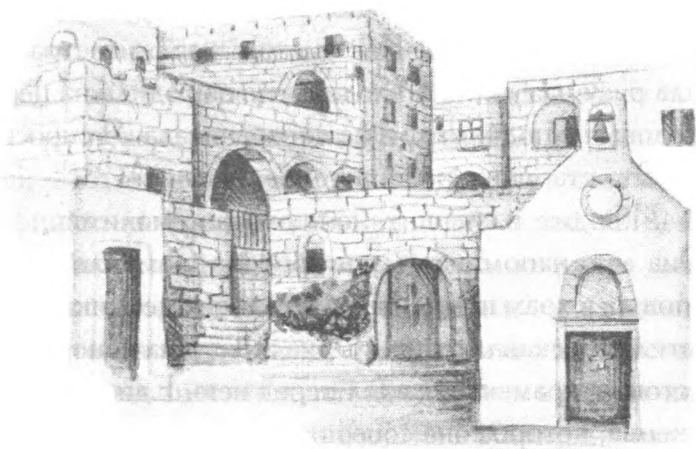
Так и случилось. Она собирала вещи под давлением герондиссы, чтобы поехать в Афины к врачам. Но, поскольку видела окончательное решение, собиралась очень неспешно, чтобы попасть не в Афины, а на небо.

В этом благословенном общежитии были и другие жены, которые сильно отпустили бечёвку своего орла в небе (не могу сказать — воздушного змея). Была сестра Параскева, которую если назову *златокрылой*, не ошибусь. Ее чтение на службах было *странным и удивительным*. Шестопсалмие из уст Параскевы вводило в час страшного испытания. Надо было быть

камнем, чтобы после возгласа не петь радостно *«Бог Господь и явился нам»*. Она проводила монашескую жизнь с такой тщательностью, что и сегодня можем ее представлять как эталон меры для монашествующих. *«Если ходишь, как Параскева, обретешь милость у Бога»*.

Эти жены подвизались мужественно. Они совершенно отвергли всякую женскую немощь. Бежали, бежали... хромые, немощные, больные... — так быстро, что видишь только бегущие тени. Если бы мужское монашество достигло такой меры, это было бы большим утешением.

Да подаст и нам Господь выдержку и дерзновение Мироносиц, чтобы мы каждый день в монастырском храме поклонялись Живоносному Гробу прежде, чем воссияет свет утренний.

Монахиня Моника, духовная наставница Калимноса

Она всегда носила одно ценное ожерелье — рассуждение, молчание и неосуждение. Алмазы, блистающие паче дневного света. Я с ней познакомился в середине 50-х годов. Она приезжала на Патмос к старцу Амфилохию, сколько позволяла ей старость, и праздновала с ним Пасху новую. В те годы Евангелизм был градом Иерусалимом. Туда *восходили колена, колена Господня*, чтобы праздновать Пасху, Господню Пасху.

Она была высокой и худой. Когда лежала в больнице в Афинах, студенты спрашивали ее сына, профессора педиатрии: «Ваша мать когда-нибудь съела хоть одну отбивную?» Приходила в храм Благовещения вместе с сестрой, зажигавшей лампы. Сидела в стасидии, в длинной черной юбке и платке до носа. Сидела в полутьме так тихо, что не подавала признаков присутствия живого человека. Как будто какая-то сестра повесила рясу на стул. Не входила, не выходила из церкви, головы не поднимала и не поворачивала. Я спросил:

— Эта старушка не видит и не слышит?

— И видит, и слышит, но постоянно молится.

Она мне напомнила мать пророка Самуила, которая пошла в храм помолиться, и сын священника Илия заметил ее и сказал отцу: «Одна женщина ненормальная стоит в храме». Я сидел перед нею. Единственное движение, которое она совершала, это когда вытирала белым платком слезы, беззвучные и безостановочные.

Я больше смотрел на старицу, чем на иконостас. Отвечая на вопросы старца, говорила так обдуманно, что казалось, голос ее доносится из древних веков. Если бы это был мужчина, он бы мне напомнил Ветхого Днями. Слова ее были такими же скучными, как евангельские глаголы.

Но познакомился я с ней близко только в конце 60-х годов. Это был опыт общения с человеком, наделенным даром слез и сердечной молитвы. Тогда же я узнал и историю ее жизни.

Ее супруг Герасим Зервос был отцом и для детей, и для супруги. Когда она говорила «наш отец», я довольно долго подразумевал ее отца, но позже понял, что она имеет в виду мужа. Он работал в Индии, в английских компаниях по добыче цветных металлов. В один из своих приездов домой познакомился с Анной и полюбил неподдельную красоту ее души. Он попросил ее руки. А она страдала от миокардита. Отвечает: «Я не могу долго стоять. Как же будем венчаться?» И венчались сидя.

Она поехала за мужем в Индию и родила пятерых детей. Потом, через несколько лет, семья поселилась в Афинах, наверное, чтобы выучить детей. Они потеряли двоих из них, Фани и Джона, которые умерли подростками от какой-то эпидемии того времени. Джон стал небожителем, прежде чем успел возмужать. В свои шестнадцать лет он пел в левом хоре храма св. великомученика Георгия в Карици. Болезнь переносил с терпением мученика. Его последними

словами к своей святой матери были: «Мне будет очень грустно, если ты будешь носить траур и плакать по мне. Я видел Христа, и Он сказал: “Приходи скорее, Я тебя жду”».

Там в Афинах кирия Анна весь день принимала не только страждущих мирян, но и клириков. Так познакомилась с о. Саввой, которому она и ее супруг помогли поселиться на Калимносе. И сегодня он является покровителем Калимноса, похвалой островов на востоке Эгейского моря. Настоятель братства «Жизнь» о. Серафим Папакостас был одним из самых частых посетителей кирии Анны. Ее сын, педиатр, говорил: «Мама, у тебя больше пациентов, чем у меня».

В изголовье у нее всегда лежали три книги: преподобных Иоанна Лествичника, Нила Синайского и Исаака Сирина. Их она читала день и ночь. Предпочитала текст на классическом греческом, а не современный перевод:

— Лучше я прочту одну страницу оригинала, чем десять страниц перевода. Текст носит дух святого отца. В переводе он теряется и преобладает дух переводчика.

На вопросы приходящих всегда отвечала словами отцов: это говорит преподобный Иоанн, это — преподобный Нил, а это — преподобный Исаак. Никогда не приплетала своих слов, и поэтому никто не противоречил ее наставлениям. Все уходили довольными и счастливыми после откровенного разговора и святоотеческого поучения.

С огромным терпением слушала она рассказы об искушениях, боли и бедах ближних. Ее невестка приходила каждое утро и жаловалась на ее сына, во всё обвиняя его. Старица слушала часа два, ничего не отвечая, а потом говорила: «А теперь пойдй приготовь покушать, дети скоро вернутся из школы».

— Вас не обижают ее слова?

— Нет, совсем. Только скорблю о ее душе.

У нее был дар рассуждения, и она налагала на души столько, сколько они могли понести. Никто не уходил ни перегруженным, ни порожним. Ее уста были золотыми. Ни шуток, ни гнилых слов, ни осуждения не исходило из них. Таковы уста святых.

В молитве, как мне поведала моя тетя монахиня Феоктиста и как я сам видел и свидетельствую, ее глаза становились двумя неиссякаемыми источниками.

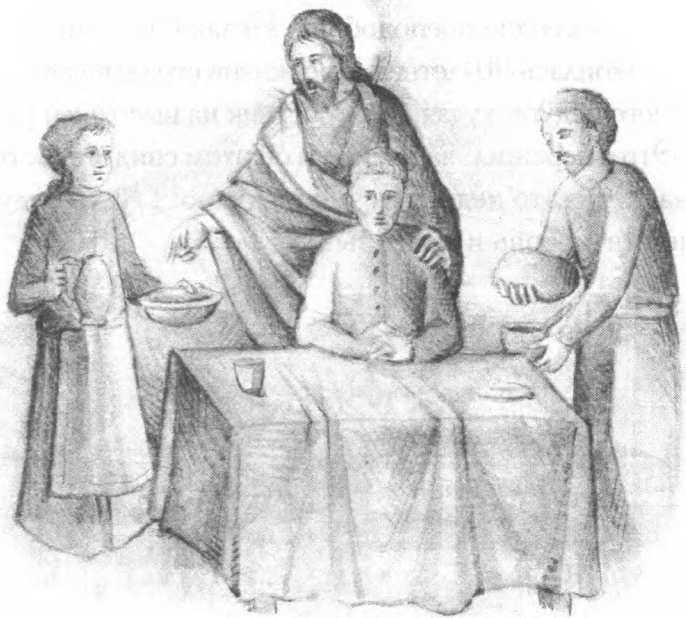
— Откуда, Григорий, — говорила мне тетя, — у нее столько слез? Служим вечерню, повечерие, поем утреню, читаем часы... — источники текут из ее очей.

В умной молитве она стояла, как на небесах. Патмосский монах Антипа подарил ей многотомное издание Добротолюбия, которое она очень внимательно прочитала.

Но и Герасим вовсе не был лишен духовности «матери» — своей супруги. Похоже, он с юности общался с духовными людьми и научился многому. Он, должно быть, и помог Анне преуспеть в духовных упражнениях. У них в доме на Калимносе была комната, где все четыре стены были заняты полками с книгами. Эта комната называлась «поповской». Он говорил гостям:

— Пойдемте, я покажу вам мое хобби, увлечение всей моей жизни. Это для меня и «сигарета», это и «выпивка», это и «десерт».

Каждый вечер он обходил порт, чтобы найти какого-нибудь бездомного приезжего и привести в дом. Если возвращался с гостем, говорил Анне:

— Я привел Христа.

Если же не посчастливилось найти кого-нибудь, приходил огорченным:

— Сегодня, мать, ничего не заслужили.

Под конец его поразила ужасная болезнь — рак. Он кусал железные прутья кровати, чтобы скрыть свою боль и от людей и от ангелов. Его супруга, овдовев, приняла монашеский постриг от старца Амфилохия с именем Моника. Я как-то попросил у нее книгу преподобного Иоанна. Она мне ответила:

— После моей смерти будет твоя. А сейчас я не могу с ней расстаться, потому что преподобный Нил меня

улаживает, Лествичник меня наставляет, и всё освящает в моем сердце преподобный Исаак Сирский.

Упокоилась 90-летней, всю жизнь страдавшая от сердечного недуга, худая, как тростник на высохшей реке.

Это я пережил, запомнил и об этом свидетельствую. Знаю, что это недостаточно и скудно. Пусть будут со мной ее любовь и молитвы.

Парос

Мама моя Лонговарда

А теперь на быстрокрылом корабле помчимся с Патмоса на Парос. Эти два островка никогда не оставались неутешенными сиротами без духовных отцов. Кажется, их полюбил Бог и никогда не лишал Своей заботы.

Я назвал мамой этот монастырь, Лонговарда, не чувствуя неуместности преувеличения. Мама — это не только та, которая вынашивает, рождает и кормит, но и та, которая защищает маленькие создания и заботится о них.

Шестилетним я впервые вошел поклониться в этот монастырь, закрытый для женщин. Эти «древние» монахи, ничем не нарушившие древних монашеских устоев, не открывали дверей для современной цивилизации. Они были моими учителями на монашеском поприще. Всё сохранила трепетная память — от церковной лампадки до трапезы, одежды и поведения.

— Мама, я этого не надену. Это слишком нарядно. Такое в монастыре не носят.

— Но ты еще не монах.

— Не волнуйся, мама, стану.

В этом училище подвизались и трудились с большой самоотверженностью великие мужи, украшенные добродетелями самоукорения, поста, постоянной молитвы и превыше всего — смиренномудрия, то есть полной неприметностью для мира. Легко было разглядеть глубокое покаяние монахов. Они держали правило:

«Не многие учителя бывайте» (Иак. 3:1). Такой беды, чтобы искать слушателей, не знало это общежитие. Ни у одного из монахов не было знакомых, омывающих его зловонными похвалами. И чтение, и пение в церкви были простыми и безыскусными, — чтобы бровь не поднималась выше, чем ей положил Создатель. Старики не позволяли делать что-либо напоказ. Это считалось как бы открытым люком, ведущим корабль к потоплению в волнах тщеславия. Никакие ароматы здесь не были разрешены, предпочитали кислый запах немытого тела.

Даже благоухание живых цветов не допускалось в церкви, чтобы ни осязанием оскверниться, ни обонянием поползнуться. Всего этого они береглись как серьезного падения. Их препоясанием была черная, потерявшая вид и первоначальный цвет ряса. Грубая хлопковая ткань выкрашена в лучшей красильне лучшим в мире красителем — кожей грецкого ореха. Обожженные солнцем лица, мозолистые руки с выступающими жилами, обувь в многочисленных заплатах, ремень, составленный из соединенных обрывков... Видишь себя недостойным, окаянным. Ударяешь себя в грудь, делателище зол. Где уж тут мягкие одежды, нежные ладони, аккуратная прическа?..

Послушников обучал седовласый старец в скиту Архистратиг. Через год возвращались в монастырь для пострига. Как распутать волосы, полные песка и пота? Перед постригом стригли. «Отрежь и оставь

все эти расчесывания и мытье». Это смиряло плоть, и она не хотела женщин. Взгляд не блуждал, не заглядывал в лица.

Кровать — еще одно мучение. Голые доски, чтобы выровнять ребра. Где тут найдешь отдохновение? Не знаешь, как повернуться, чтобы отдохнуло тело.

В этом училище я нашел людей, ставших вехами моей жизни. Оставляю старца, который воссиял, как яркая звезда, не только для своего стада, но и для всего христианского мира, и перехожу к послушникам. Начну с эконома, о. Дамиана, третьего по чину.

Учитель терпения

Его родиной был Триполи. Окончил коммерческую школу, отслужил в армии и уехал в страну благоденствия — Америку. Там его братья держали ресторан, куда заходили многие греки, в основном беженцы. Понт и Малая Азия не были забыты. О церквах, о своих традициях, о батюшках, о монастырях и праздниках говорили всегда.

— Сегодня наша мама не давала нам масло. А бабушка ничего не ела.

— С сегодняшнего дня начинается «Господи сил». На родине супруги разделялись, чтобы больше молиться.

Книги о святых передавались в магазине из рук в руки, как игральные карты.

— Ты это читал? Очень здорово. Прочти, не пожалеешь.

«Грешных Спасение» первенствовала и завоевывала сердца в Америке, в то время как в Греции эта книга, как тяжелая монашеская, исчезла вместе с многими другими, которые питали поработенный народ. Где уж нам советовать! Нас обвинят, что мы хотим сделать их детей монахами, Боже сохрани! Монахи хороши в монастырях, но пусть они держатся подальше от христианского движения, и их будут любить.

Юный Костопулос впитывал эти разговоры, как котята солнце, чтобы открылись их глазки. Но что буквально потрясло всё его нутро, так это внимательнейшее, подробнейшее чтение «Грешных Спасения». Целый месяц он изучал книгу по ночам в своей комнатке. Можно сказать, проглотил ее.

— Братья, спасибо, что вы пригласили меня разделить труды ваши, но я вернусь в Грецию, чтобы стать монахом.

От одного слова «монах» у некоторых ломило кости в то время, как впрочем и сегодня, и всегда.

— Да ты что? Куда ты поедешь? Америка — это надежность, гарантия. Это мать для всех бедных. Ты что, забыл, как мы на родине с колышками сажали кукурузу, а вырос иссоп? Здесь — наслаждение жизнью. В Греции — мучение и скорбь. И турки только и выжидают удобного момента, чтобы нас проглотить.

— Нет, нет, я вернусь.

— Ты это читал столько ночей?!

Старший брат схватил «Грешных Спасение» и вышвырнул на улицу. Отношения с посетителями, которые приходили с монашескими книгами под мышкой, были резко разорваны.

— Вы сожрали моего брата. Соблазнили его монастырями.

Старик из Смирны возразил:

— На этот путь, парень, никто никого не может завлечь. Это не заблуждение, а Божие призвание. Не ругай Божие призвание, чтобы не стать богоборцем. Мы слишком малы, чтобы противостоять Богу.

Смягчился суровый брат и на следующий день дал безумному парню билет в Грецию.

Через месяц тот сошел с корабля в Пиреях. Видит двух в рясах. Монашеские скуфейки выдавали их непричастность миру.

— Отцы, отцы, постойте. — У него был и кое-какой багаж из Америки, которым его нагроулили знакомые для своих родных, и поэтому он передвигался с трудом. — Я приехал из Америки. Возьмете меня с собой в монастырь?

— Иди за нами.

«Первое, что я заметил, — рассказывал позже отец Дамиан, — это то, что все люди рассматривали лица и витрины, а старцы летели как пули. Я за ними не поспевал шагом, приходилось бежать. С тех пор и до сегодняшнего дня у меня такое чувство, будто я бегу. Бегу, чтобы угнаться за монашеством. В какой-то момент они меня спросили:

— Откуда ты, малый?

— Из Триполи.

— И мы из Триполи, а монашествуем в Лонговарде на Паросе.

— Куда пойдете, и я с вами.

На рассвете наш медленно плывущий корабль прибыл на Парос. Вначале я поклонился в Катапольяни³³ и потом у «Живоносного Источника». Суровое испытание. Я никогда не искал отдыха. Всегда быстрыми шагами следовал за старцами».

Игумен Иерофей возложил на него обязанности эконома и казначея. Он остался на этом месте и во время игуменства Филофея Зервакоса, и до смерти последнего. В 80-х годах наследовал старцу Филофею в игуменстве. На мой вопрос «Как дела, святе игумене?» он ответил: «Молчи, молчи. Я — игумен?»

Он был кротким. Внутри и вокруг него царил мир. Он никогда не говорил плохо с кем-либо или о ком-либо, хотя его послушание давало поводы к гневу. Это ему удавалось, как он мне поведал, благодаря молитве и терпению. Он проходил по закоулкам монастыря, поднимался и спускался по лестницам, постоянно повторяя: «терпение, терпение».

— Почему ты всё время это говоришь, о. Дамиан?

— Чтобы не забыть. Терпение спасает меня от многого. Я не скоро сужу и решаю и таким образом не обижаю своего брата.

³³ Здесь находится самый древний в Греции храм — Сто Ворот, посвященный Пресвятой Богородице.

Он был матерью в монастыре. Те, кого уязвило замечание или выговор, все прибегали к о. Дамиану.

— Не волнуйся. Будем и кофе пить. Есть у нас и лукум. Монашество требует большого терпения.

И усаждалось сердце послушника невидимой ласковой любви, которая ни на кого не перекладывала вину.

— Все хорошие. Христос посреди нас. Все мы стучим в двери райские, и ни от кого Бог не отверщается. Молчание постыжает диавола.

Если кто-нибудь из любопытных появлялся в его келье с обычным «отец Дамиан, знаешь новости?», он отвечал вопросом на вопрос:

— Что? Ничего хорошего? Совсем ничего хорошего?

— Да, плохие новости.

— Иди, иди.

Нет, не принимал никакого осуждения. Все добрые и хорошие.

На исповеди ему не нравилось выслушивать супружеское: «он сказал», «я сказала».

— Оставь это. Давай я тебе прочту молитву. Такое случается, не стоит это обсуждать. Если есть терпение, корень всех благ, то трудности не возникают. Терпение, благословенная, это мост, который соединяет и самые большие пропасти. Ты слышала, Божию Матерь называют мостом, потому что Своим терпением Она выработала смирение — венец всех добродетелей. И святая Ипомония Ей молилась, чтобы получить силу. Христос сказал: «*Нам нужно терпеть до конца*» (см. Мф. 10:21). Муж твой, усталый, придет

с работы, пожалуется на что-то... Обязательно надо ему отвечать? Терпение святых держит мир, а терпение жены — дом.

Мы можем назвать отца Дамиана преподобным отцом *великого терпения* и учителем словом и делом. Он сам проявлял такое терпение в общежитии, что отражал любую бурю искушений. Весь остров знал учение о. Дамиана, и жители говорили между собой:

— Терпение, благословенный, как говорит отец Дамиан. У тебя что, свое собственное Евангелие?

Он очень не нравился старухам, которые хотели бы, как они говорили, представить ищущих справедливости на суд «старого духовника», но о. Дамиан требовал от людей добродетелей, а не прав и справедливости.

— Оставь всё это, — говорил он, — и вырабатывай терпение. Оно исцеляет права. Всё остальное разжигает гнев, злопамятность. Не давай искушению работать. Права разделяют людей. В законе Моисеевом хотели, чтобы была справедливость, равенство закона, и людям это не удалось, поэтому пришел Христос и установил любовь и прощение. Это найди вместе со своим соратником и не ищи весы и гири, потому что всегда на свою чашу положишь меньший вес. Возьми всю тяжесть на себя («я виноват»), и упразднятся все весы. «Если Бог будет держать весы, никто не спасется», — говорит авва Варсонофий.

Он был ответственным за милостыню, она вся проходила через него. День раздачи милостыни был для него самым радостным в неделе. Его руки открывались по-божески для бедных. Он клал монетки в фасоль, чечевицу: «Обрадуются бабушки, когда будут перебирать». И смеялся сам себе. Я думаю, он радовался больше, чем те, кто находил эти денежки.

Как служащий священник, и в монастыре и в миру он всегда охранял глаза, словно только мир Литургии был весь его и он ненасытно хотел радоваться и

наслаждаться этим миром. Так пьяница, когда подносит рюмку к губам, закрывает глаза от наслаждения. Лонговардийцы закрывали глаза в миру, но всех их превосходил отец Дамиан. Он хорошо знал известное изречение: «Через двери входит смерть в душу».

Ни особо мелодичного голоса, ни музыкальных познаний, но, когда он скрещивал руки и пел, — становился весь живое усердное моление. Его простая литургия была желанной и любимой всеми. Его возгласы, исходящие из сердца, радовали Бога и людей.

Облачения — всегда простые, из самых дешевых тканей. Из них на островах шьют покрывала для диванов. А он радовался им, как дети, когда наденут новые туфли. То и дело слышишь, как шепчутся старухи: «Сегодня отец Дамиан был весь радостный в своих лоскутах».

На примере отца Дамиана я понял, что значит, когда верующие почитают батюшку, а не поклоняются ему. Если бы и хотели поклоняться, когда бы они это делали? Не так часто они его видели. Но, где бы они ни находились, его доброе имя всегда их освящало, их благословляло.

Он был приземлен живой повседневностью. В монастыре ведь кроме служб есть и труды, поэтому он хотел, чтобы службы не растягивались в ущерб трудам. Слышу его слова:

— Хватит. У нас есть и работы. Надо и готовить, и скот кормить. Они голодные в загоне ожидают нашей милости.

Для него было неприемлемо, чтобы монастырь жил за счет трудов и приношений бедных людей.

— Мы сами должны обеспечить себе пропитание. У мирских много обязанностей. Ничего не просите ни прямо, ни намеками. Если они хвалятся своим достатком, пусть радуются со своими семьями. Если у них избыток, пусть делают с ним, что хотят. Пусть научатся милосердию. Это лучше всего.

Как эконом он постановил, что каждый монах несет ответственность за то, чтобы его труды по послушанию приносили должный плод. И самого строптивного он умел поставить на работу, начинал шутками, а кончал порядком.

Он был человеком крайне бережливым. Держал дневной рацион, который он принял шестьдесят лет назад. Хотел, чтобы всегда всё было экономно. Не выносил, если терялось что-то монастырское. Говорил: «Разгильдяйство Бог не благословляет». До глубокой старости водой, которой ополаскивал ноги, потом на коленях мыл центральную монастырскую лестницу, — чтобы не пропадала вода.

Надо отметить и то, что отец Дамиан прожил на острове Парос больше 65 лет и только дважды покидал его. Оба раза ездил на ближайший остров Наксос к зубному врачу. Никогда не высказывал желания поехать на родину или повидать родных в Афинах. Эти добродетели не часто встречаются у современных монахов, которые то и дело твердят: «Я тоже человек». И для большей убедительности вслед

за тем цитируют из Священного Писания: «*во исходе Израилеве из Египта, дому Иаковлю из людей варвар*» (Пс. 113:1). Они считают монастырь тюрьмой и постоянно требуют выходов в мир.

Тот, кто находился рядом с отцом Дамином, всегда что-то заимствовал от его естественного приятного нрава. У этого батюшки, даже в глубокой старости, было чудесное выражение лица. Смотреть на его лицо было духовным наслаждением. Я всегда сидел напротив него, чтобы видеть славу святости на его древнем лице. За год до смерти я спросил его:

— Как ты прожил, батюшка, свою жизнь?

— Очень хорошо.

— А сейчас как живешь?

— Еще лучше.

— А дальше?

— И того лучше.

— А рай?

— Он весь наш.

Не в уголке, не за дверью. Весь наш! Он исповедал это с такой уверенностью, что меня охватил священный трепет.

Когда через три года открыли его гроб, кости были желтого цвета, и было чувство, что перед нами преподобный.

Его молитвы из рая да будут с нами и с монастырем его, в котором он много потрудился от юности и до кончины своей. Аминь.

Небошественник Иерофей

Он был с острова Сирос, который тоже — нива Лонговарды. Как культурный центр маленькой Греции Сирос часто посещали старцы. Благочестивые семьи, как например семья Малатестас, принимали у себя в домах духовных отцов и слушали их поучения. Отцы-колливады всегда соединяли поучение с таинством исповеди.

Среди их слушателей была и «отличница» — мать отца Иерофея, Парамана. Эта святая мать родила дитя, чтобы посвятить его Божией Матери «Живоносный Источник». Она воспитала его на водах святых колливадов и постоянно показывала ему на остров Парос как на место его будущего пребывания. «Там обретишь покой, дитя мое. Там тихая гавань — Лонговарда, — говорила она. — Там старцы вытолкнут тебя на небо».

Повзрослев, Иерофей пошел в армию и служил в Каламате. Митрополит, видя благородство его души, хотел удержать его при себе, и юноша в какой-то момент был очарован его словами. Но мама не приняла это ни за что. Она буквально схватила сына, привезла на Парос, открыла дверь монастыря, втолкнула его внутрь, закрыла дверь и вернулась на Сирос. В старости она стала монахиней и сподобилась кончины праведных, как об этом свидетельствуют очевидцы.

Отец Иерофей был монахом-подвижником, проводившим монашескую жизнь со всей тщательностью. Слова его были скупыми, зрелыми и благодатными.

Он занимался умной молитвой, как не многие в то время, очень хорошо знал этот путь Богообщения и мог помочь новонаначальному. Это его состояние передавалось во время исповеди пришедшему на исповедь и умирало души многих. Он был очень серьезным и не позволял себе ни слушать, ни рассказывать пустое. Говорил о святых, которые засвидетельствованы соборной Церковью. Некоторые современные попытки прославления считал баснями, а не серьезным занятием для духовных людей и высказывался так: «У мухи тоже есть жир, а толку-то?»

Больше всего на исповеди он помогал молодым монахам. Он был уверен, что некоторые страсти оставляют нас только после длительных молитв и больших подвигов. Человеку невозможно искоренить страсть без содействия Божественной благодати. Поэтому и говорил тем, кто не полагался на благодать Божию: «То, что у тебя есть, не выйдет из тебя». Тот, кто действительно хотел его почитать, должен был ему искренне исповедаться.

Отец Иерофей поднял духовный уровень монастыря Лонговарда выше, чем старец Филофей. На нем лежала ответственность за внутреннюю жизнь монастыря. Он держал молодых в состоянии духовного бодрствования. Его глаза неотступно следили за ними. Он не хотел, чтобы молодой монах долго пребывал вне своей кельи.

— Трудись в молодости своей, прилагай каждый день труды к трудам, чтобы иметь тебе отдохновение в старости.

И, сколько он мог управлять внутренней жизнью, монастырь процветал. Когда же свалился, обитель постепенно утратила свое величие.

Поступь о. Иерофея всегда была бодрой: и в житейских делах, и в духовных. Его мужественный нрав давал дыхание и жизнь всему. Продолжительных встреч с мирскими он избегал, только краткие разговоры, которые уравнивали связи монастыря с миром. Любимым миром отца Иерофея были монахи и монастыри. На службах он стоял прямой и собранный, как тополь на влажном лугу. Его лицо терялось в густом кадильном дыму, когда он кадил, как бы поигрывая. (В то время как о. Дамиан любил, чтобы каждение совершалось без шума.) Его голос вовсе не был мелодичным, он, как *шум вод многих* (Откр. 1:15), пробуждал человека от дремоты благополучия.

Трудился постоянно и неутомимо. Во время одного из своих посещений я услышал, как из большой бочки доносится молитва. Огляделся и вижу старца: он выжег изнутри винную бочку и теперь чистил ее, забравшись внутрь.

— Э, отец Иерофей, ты еще работаешь?

— Я прошу Бога дать мне силы для работы, чтобы у молодых оставалось время для молитвы и чтения.

Он работал незаметно и для двух женских монастырей на Паросе. Служил очень внимательно и ответственно на всех праздниках в обители Дасус, помог в строительстве монастыря Фапсаны. Несмотря на свой возраст, работал лопатой и мотыгой больше,

чем рабочие. Но, когда увидел, что женские монастыри отходят от традиции, обозвал их «туристическими лаврами».

Как-то ему показали фотографии из женской обители с воспроизведением Голгофы, украшенной камешками и цветочками. И сказал старец: «Эти беды еще не покинули их территорию». А песенки монашек совсем не хотел слушать. Он утверждал, что монашество — это мировоззрение и чин, которые соответствуют мужской природе. Он хотел традиционного, древнего монашества.

От многих трудов в последние годы у него тряслись руки. Но всё равно он что-то пытался смастерить. Ему было не по духу кисло-сладкое, поэтому

легкомысленные болтуны называли его жестоким и непреклонным. Но печать, которую он наложил на жизнь монастыря, несмотря на годы, прошедшие со дня его смерти, остается нестертой.

Лонговарда — жесткий монастырь, без игр. Он не льет в вино воду. Пьет его неразбавленным.

Батюшка лугов и полей

В изголовье у него были шалфей и вереск, покровом ему служили кусты скиноса. Сеял, жал, молотил, пахал, сажал, подрезал виноградник, собирал урожай; пас, доил, делал сыры, — чтобы у монастыря были хлеб и вино, маслины и масло, молоко и сыр. Этот маленького роста отец Илия и другие монахи-труженики, что называется, костями легли на монастырских полях. Твердили нечестивые: «У монастыря всё есть». Но как это достается, они не видели.

Плечом к плечу вскапывали братья каменистую почву острова. Пустынная земля приносит плод, только если в нее много вкладываешь, и всё равно часто получаешь меньше, чем вкладываешь. Крестьянин всегда живет надеждой.

Как-то я вошел в келью о. Илии.

— Геронда, твоя келья вся черная. Надо бы побелить.

— А я не видел, сынок. Двадцать лет затемно ухажу, затемно возвращаюсь.

Несколько лет подряд праздновали Преображение в небольшой церковке семьи Драгац. Однажды на обратном пути о. Илия увидел, что каменная изгородь немного разрушилась, и говорит мне:

— Возьми церковную утварь и осла и иди в монастырь. Я поправлю стену и к трапезе вернусь.

Действительно, как только отзвонил колокольчик, о. Илия, весь мокрый от пота, поднялся по дороге на общую трапезу. Это тоже было правилом: в праздник никто не должен отсутствовать на братской трапезе. Чтобы в монастыре был порядок, нужны точность и благоговение. Требуется немалый труд, чтобы всё в общезжитии совершалось по чину. Быть вовремя в трапезной, в церкви, на послушании — настоящий крест. Хорошие монахи исповедовали и этот грех: «не сохранил чин монастыря». От молодых я не слышал этого никогда.

После трапезы я сидел с ним в келье на деревянной кровати.

— Отец Илия, после ночной службы, литургии вы остались поправлять разрушенную стену. Не слишком ли это? Пусть кто-то другой пойдет и сделает.

— Дитя мое Манолис, «кто-то другой» — это всегда я, и сегодня, и завтра. За столько лет в монастыре я никогда не искал кого-то другого.

— Да, но если бы вы поранили руку и потекла бы кровь на камни, что тогда?

— Эта кровь отгоняла бы нечистого. Он никогда бы не задержался на этой стене.

Я этот урок заучил в 1957 году и не забыл до сегодняшнего дня. И, слава Богу, избежал бури осуждения со стороны моей братии. Сам в себе: «Кто оставил здесь эту вещь? — Это я забыл. Убери и не ищи кого-то другого».

Отец Илия как священнослужитель был предельно естественным. Служил литургию для того, чтобы совершилась литургия. Его голос не был особенно приятным, скорее жалобным. Не потому, что он всегда был усталым, но потому что видел: молодые монахи не любят матушку-землю и труд на ней. Если бы он жил сейчас, то удивился бы. По его молитвам произошло чудо с новой братией.

Я его спрашивал много раз о годах немецкой оккупации и его заключениях в тюрьму, но единственное, что он мне отвечал, было: «Господь да простит предателя».

У отца Илии был от Бога дар смотреть прямо в глаза, — не со страстью, не с лукавством, не с исследованием, но с невинностью и мирной простотой. И эта благодать сообщалась твоему сердцу, прежде чем успеешь понять, откуда она. Не часто я такое встречал.

Упокоился он в своей скромной келье мирно и тихо, как верный домостроитель Благодати, и был похоронен на кладбище с отцами, истинный боец и мученик общего жития. Когда услышал старец-афонец, что изрезанные морщинами огрубевшие руки отца Илии сложили на груди и связали, то сказал следующее:

— Братия, когда Адам перестал *делать и хранить* рай и стал заниматься собой и своими наслаждениями, его выгнал Бог. И я очень боюсь, что и нас, поскольку мы под разными предлогами перестали заботиться о Саде Пречистой Богоматери, Она выгонит из этого земного рая.

Рыба в море общежития

Одна из чудеснейших картин чувственного мира — это рыбы, плавающие в море. Увидишь глубину морскую — и восхитишься пейзажами, подобными земным и превосходящими их по красоте. Увидишь поля, усеянные водорослями и кораллами, и холмы, сплошь покрытые разными растениями. Увидишь, как пасутся рыбы стаями... Глаз радуется, глядя на всё это, и слух наслаждается безмолвием. Рыбы не мычат, не блеют, но всё-таки живут и умножаются, как и вся тварь. Только по их движениям понимаешь, что они живы.

Давайте перенесем эту картину в общежительный монастырь. Такой рыбой был отец Сампсон в Лонговарде. Только по движениям догадываешься, что эта рыбка жива. Я много лет был уверен, что он только слышит, а говорить не может. «Счастливый, — говорил я себе, — Господь связал ему язык, чтобы не согрешал». *«Тот, кто не согрешает в слове, тот муж совершенный»* (Иак. 3:2).

Через сорок лет я услышал, как он читает песни псалтири. *«Поим Господеви, славно бо прославися»* (и это было традицией колливадов). Я прославил Бога, сподобившего меня узнать такого подвижника. Как только он стал монахом, затворил уста и оставил свободными для служения свои руки и ноги. Эконом монастыря не успевал произнести полностью его имя, а он уже был перед ним, готовый исполнить любое приказание. Всякий, кому нужна была помощь в монастыре, звал:

«Сампс!» и был уверен, что не услышит в ответ ни «потом», ни «подожди, я занят». Сначала помочь другим, а потом уже свое послушание.

В церкви он готовил коливо и прислуживал в алтаре. Присутствовал скорее как тень, а не как человеческая фигура. Худой и согбенный, с небольшой бородкой, он был похож на одного из святителей, изображения которых украшают алтарную апсиду.

Отец Сампсон ни в коем случае не хотел носить зубные протезы. Грыз деснами сухой монастырский хлеб. Когда ел, он напоминал дитя, у которого меняются зубы, а не шамкающего старика. Он с такой застенчивостью протягивал руку, чтобы взять хлеб на трапезе, будто ему не принадлежало ничего из предлагаемого. Всегда был стеснительным, как гость.

Его послушанием было ухаживать за курами. Никто и не замечал, когда он это делает, но курочки всегда были накормлены и напоены.

Когда предстояло путешествие, высчитывал, сколько дней он будет отсутствовать, и выполнял дополнительно келейное правило, на тот случай если обстоятельства не позволят ему вычитать положенные молитвы. Отходя в вышние селения, он говорил: «Братия, правило предпочтите еде и питью».

Не знаю, могу ли я выразить в своем повествовании всё богатство этой небесной сокровищницы. Да простит меня Преподобный. Как красота морской глубины не может сравниться с поверхностью моря, так и сердечная глубина отца Сампсона — с тем, что приоткрывалось снаружи. Другими словами, это был настолько неуловимый образ, что было совершенно невозможно за ним уследить. Я написал лишь о том немногом, что удалось подсмотреть. Думаю, что в раю он немножечко вышел из тени и стал более заметным, чтобы не скрываться, как Адам среди листвы деревьев.

Каждый, кто знал Лонговарду как духовное училище, может воспеть широкими устами и радостным

сердцем: «*Процвела есть пустыня, яко крин, Господи*»³⁴. Как не воспою прежде Филофея игумена Иерофея? Когда его приглашали прочитать молитвы над бесноватыми, бесы кричали: «Зачем вам этот плакса? Зачем вы его зовете?» И святитель Нектарий Эгинский, который его знал, удивлялся его подвижнической жизни.

Как могу забыть милого Нектария, который променял парижские шелка на грубое монашеское одеяние и в качестве носового платка использовал кусок парусины? Он часто мне говорил:

— Только тот богослов, кто ухом прикасается к груди Христа и слышит, как бьется Его сердце.

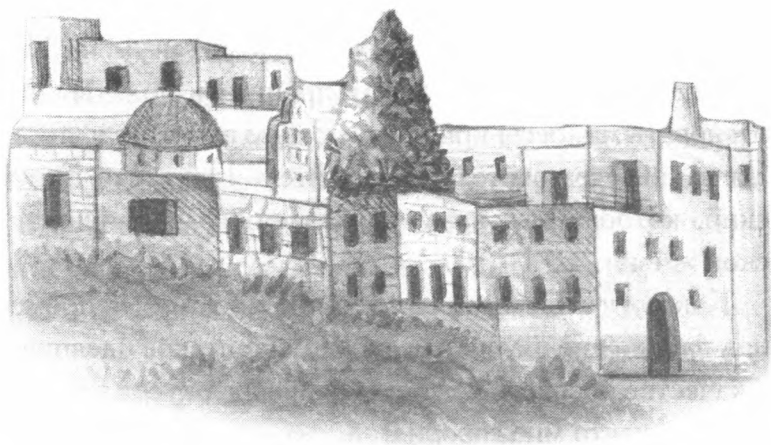
И еще:

— Воспитанным и цивилизованным людям свойственно спокойствие. Беспокойство и нервные приступы свойственны диким народам.

И, чтобы подчеркнуть цивилизованность европейцев, говорил, что во Франции даже быки мычат мирно, а в Греции резко и грустно.

Как не упомяну о Филофее-портном, которого немцы за его освободительную деятельность посадили в тюрьму, где он претерпел всяческие истязания, но не предал Родину? Он сопровождал отца Дамиана, когда тот служил в маленьких церковках вне города, и пел своим особенным, напоминавшим всхлипывания

34 Ирмос 3-й песни канона 2-го гласа.

младенца, голосом. Он делал это и зимой и летом, мирно и благоговейно. Передвигались на ослах. Отправлялись в путь затемно, чтобы успеть вовремя в церковь на литургию.

Предам ли забвению двух Харитонов, старого и молодого, которые много потрудились? Или Иакова-англичанина, променявшего профессорскую кафедру на суровую жизнь земледельца? И еще приходят мне на память Леонтий учительный и Филарет, художник и сладкопевец.

Еще держу в памяти моей безыскусных Косьму из Левкады и его брата Иоасафа, простых, похвалу странничества. Младший из братьев, Косьма, просил отцов оставить им собирать все маслины вокруг монастыря, чтобы не подниматься на вершину горы

и не видеть оттуда своей родины и таким образом не утратить странничества.

Как оставляю Лазаря, зело радостного, который двухчасовые расстояния проходил за час, когда шел пешком по монастырским делам со срочными письмами? Или маленького Филофейчика, озорника, который тоже по-своему подвизался? Сколько я мог бы сказать о Варлааме, который нес послушание в игуменской и постоянно мне говорил: «Старец отдыхает». Он изготавлял мази из трав, серы и воска и многим помог в годы оккупации, когда лекарств почти не было. Жаль не упомянуть старца Михаила, присутствие которого наполняло мою душу. И старца Антония, постоянно сажавшего деревья, чтобы утешалась братия после его смерти.

Нельзя оставить неупомянутым и старца-садовника, имени которого я никогда не знал. Эти старцы не имели привычки представляться. Все мне были знакомы без официальных церемоний. Этот преутруженный старец сидел в стасидии сзади меня. Через некоторое время после начала службы он вставал и, воздевая руки, говорил из псалма: «Слава Тебе, Боже. Слава Тебе, Боже. Слава Тебе, Боже. Вся премудростию сотворил еси, Господи. Спишь десять минут и просыпаешься свежим-свежим, и слушаешь службу, как впервые в жизни». Конечно, дедушкины десять минут нередко становились часом. Я смеялся над

дедушкиной простотой, а он говорил мне: «Смейся, детка, пока тебя не постигли жизненные скорби, — тогда потеряешь радость».

Все эти души, преданные любви и служению Господу, составляют прекрасный благоуханный букет цветов пустыни. Бог да не лишит нас никогда их благоухания. Я знал их всех, одних больше, других меньше, кроме одного, о котором только слышал. Я видел их самопринуждение до крови, и меня охватывала робость. Я видел их любовь, их готовность и горение сердец и вдохновлялся их примером. Я обонял благоухание их цветов, вкусил от их плодов и с тоской думаю о том, как бы мне хотелось встать в их святой строй. *Аще забуду* их, боюсь прещений псалма, составленного евреями в Вавилоне³⁵.

Отцы святые, я вас помню и поминаю. И вы помяните меня в Церкви перворожденных, записанных в книге жизни.

Монашество для Церкви — это чистая, без осадка, незахвачанная пальцами хрустальная чаша, из которой она может смело и без боязни пить воду.

35 «Аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя» (Пс. 136:5).

Кончина монаха Даниила

В разгаре германская оккупация. Голод и болезни выкашивают все возраста. Один за другим люди возвращаются в землю, от неяже взяти быша. Лица умерших настолько отвратительны, что даже мать с трудом дает последнее целование своему ребенку. Острова поставлены на колени блокадой и комендантским часом, а завоеватель стал более несчастным, чем завоеванные.

Люди готовят в казанах разложившихся, червивых мулов и ослов, чтобы хоть немного утолить голод. Обитель Лонговарда сводит к минимуму монашескую трапезу, чтобы накормить жителей острова. Там прибежище всем несчастным и голодным. Все знают, что Живоносный Источник не оскудевает, подавая исцеления.

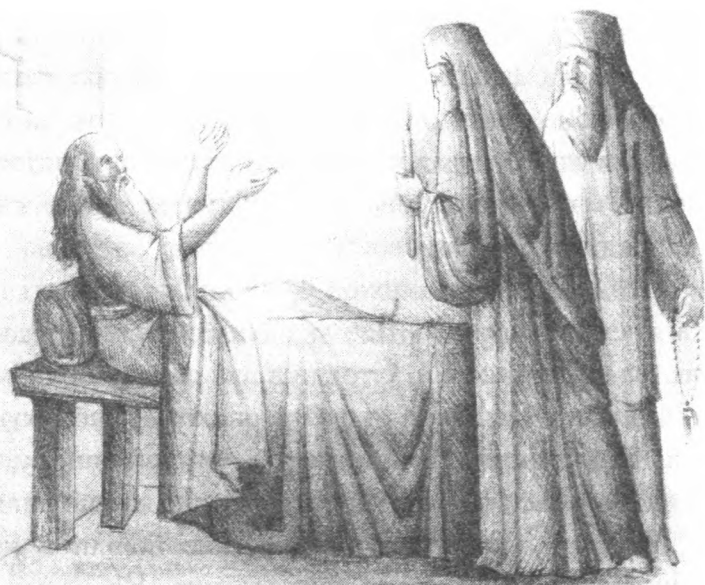
В это время один из монахов высокой подвижнической жизни приближался к закату дней. Это был отец Даниил из Крикеллоса Эвританийского. Настоящий монах, он всегда размышлял о будущей жизни, считая небо единственным своим отечеством.

После вечерни колокол отзвонил особый звон последнего целования. Все монахи собрались у дверей его маленькой кельи. Стояли в два ряда, в полном монашеском облачении — великая схима, ряса, куколь. Как на литургии. Не как-нибудь, по-домашнему, в неглиже — дескать, мы все свои, чужие нас не видят.

Монахи в священническом сане вошли в келью умирающего. Началось соборование. Во время разрешительной молитвы все опустили на колени. Все

помазались маслом той же ваткой, которой начертали крест на лбу о. Даниила. Скоро придет час обручения с вечной жизнью. Все, обнажив головы, тихо шепчут: *«Тело Христово примите, источника бессмертного вкусите. Вкусите и увидите, яко благ Господь»*. А потом прощание, во время которого о. Даниил своим особым способом наполнил сердца монахов надеждой вечного воскресения: почти мертвый, полулежа в кровати, он воздевает руки и к каждому монаху, кланяющемуся перед его ложем, вопиет и взывает:

— Братия моя, отхожу в вышний Иерусалим! Отхожу в вышний Иерусалим!

И, после того как поклонился последний монах, возвращаются вниз руки, полные божественной благодати. А душа, без хрипа и предсмертных мук, уходит в вышние селения, в жилища перворожденных, в страну живых.

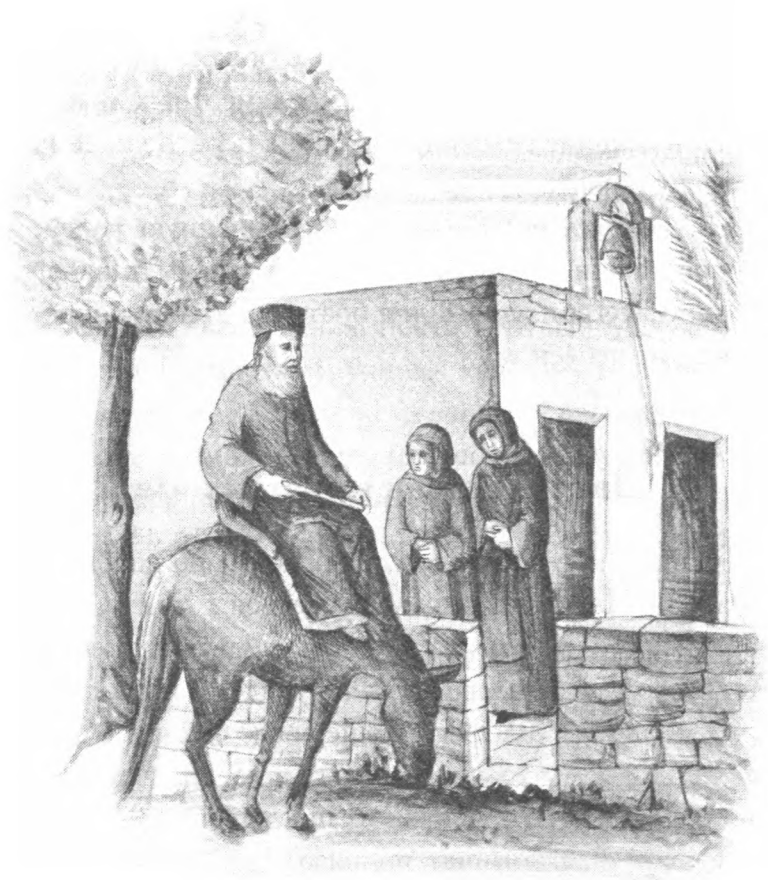
Он оставил всем монахам несомненную надежду вечной жизни. Расходясь по своим кельям, они говорили: «С сегодняшнего дня брат наш Даниил обретается в рае небесном».

Две тростинки в чистом поле

Раньше, когда кто-нибудь проходил по дороге Парикия — Науса и начинал спускаться к Элиту, то поворачивал голову направо, чтобы увидеть знаменитую Лонговарду, и налево, чтобы увидеть исихастирий преподобного Филофея, а еще выше большую финиковую пальму. Обычно смотрят туда, где есть люди, чтобы разглядеть признаки их присутствия.

В этом исихастирии подвизались две монахини, Парфения и ее сестра Анастасия. Исихастирий они построили сами в послеоккупационные годы, на родовом участке, который получили в наследство от своей матери Марусо.

Этот маленький исихастирий стал для меня духовным светильником. Не так манили детские игры, как общение с двумя монахинями. В те нежные годы я чувствовал себя царем, когда сидел посреди двух

тетушек, слушая их истории о страданиях мучеников и аскетических подвигах преподобных отцов. Часами, затаив дыхание, слушал я, как освятили рясы святые, которые дышали больше Христом, чем воздухом.

Моя тетя Парфения читала мне рассказы с таким умилением и верой, что они проникали в самое сердце. Я возвращался домой наполненный и радостный

и с такой точностью пересказывал услышанное, что бабушка крестила мою голову. У моих родителей не было никакого страха, что я вдруг стану монахом и они потеряют наследника.

Среди этих историй моя тетя поведала мне и о своей жизни.

«До восемнадцати лет я не имела представления о монашестве. Даже не знала, что на острове есть женский монастырь. Я была как все деревенские девушки».

Это было действительно так. Мой дядя, который работал столяром в Афинах, рассказывал, что в один из своих приездов на Парос видел ее на празднике св. Иоанна Крестителя 29 августа и был поражен ее красотой. Он признался, что не видел более красивой женщины: «Высокая, стройная, полноватая, с большими круглыми глазами, настоящая кариатида. Когда я узнал, что она стала монахиней, я поразился силе ее духа».

Итак, мне рассказывала старица Парфения:

«Я беззаботно вышивала свое приданое и тихонько напевала. Вечерело. В Благовещенской церкви ударили к вечерне. Я услышала голос, говоривший мне:

— Оставь всё и следуй за Мною.

— А кто ты, что хочешь от меня такой великой жертвы?

— Я Христос.

Я никому об этом не говорила, пока мой отец не вернулся из путешествия. Когда вернулся и мы остались одни, я открыла ему тайну.

— Отец, я слышала такой голос. Что мне делать?

— Ты еще спрашиваешь, дочка? Завтра утром поедем в монастырь Христа.

Монастырь Христа основал в начале XVIII века иеромонах Иоасаф с Пароса в имении Маврогенидов и посвятил его Божией Матери Катапольяни. Первыми монахинями стали его мать и сестра.

— Отец, — спросила я, — где этот монастырь?

— За Паркия и смотрит на остров Антипарос.

На следующий день старик-капитан позвал извозчика. Погрузили мои вещи и приданое и поехали в монастырь. Я попала в послушницы к великой старице Парфении, которая в постриге дала мне свое имя. Это была самая великая старица за всю историю монастыря. Число сестер достигло восьмидесяти. Церковь была переполнена. На ночных службах — ангельское пение. Службы совершались по святогорскому уставу, как научил первых монахинь иеромонах Иоасаф. Монастырь был земным раем под духовным водительством старцев Лонговарды. Старец и помогал ему и духовно и материально. Он никогда не оставлял нас без священника. Если некого было послать, то шел сам, даже уже будучи глубоким старцем.

Старица сразу же дала мне духовную программу. Утренний подъем и завершение дня происходили с тремястами земными поклонами каждый раз. Она учила меня говорить Иисусову молитву не только во время молитвенного правила, но весь день. Что касается воздержания, она и воду мне ограничивала.

— Доченька, — говорила моя мать, — у вас что, воды нет? Почему ты пьешь так мало?

Нам было запрещено выходить в мир. Для нас существовал только монастырь Христа и небо. Старцы, чтобы мы не просили выходов, назначили нам служителя, отца высокой духовной жизни. Я тебе расскажу и о работе служителя, чтобы ты понял, как заботились отцы, стараясь оградить нас от зла. Каждое утро после службы мы ставили наши корзинки, в которые клали деньги и записки с поручениями, без подписи, на каменную приступку во внешнем дворе монастыря. Монастырь, знаешь ли, был своекошный, и мы должны были сами заботиться о себе. Когда мы оставляли свои безымянные корзинки, закрывалась дверь монастыря. Тогда только приходил монах-служитель, грузил корзинки на ослика и отправлялся в деревню. По возвращении оставлял корзинки на приступке, звонил в дверной звонок и исчезал. Большинство из нас даже издалека его не видели.

Как-то одна сестра вышла после того, как закрыли дверь, чтобы добавить кое-что к поручениям. Он ее только что не убил. Ни одна из нас не хотела бы показаться ему на глаза, когда он уходил или приходил с покупками. Этот порядок держали неукоснительно, без изменений.

Старцы спросили монаха, который выполнял это послушание в течение сорока лет, были ли у него когда-либо искушения.

— Вашими молитвами я ни одну из сестер не видел. И Бог сохранил меня даже от тонкого помысла.

В чем особенно помогла мне старица, так это полюбить Христа через непрестанную молитву. И правда, молитва спасла меня в час искушения. Она зажгла мое сердце».

Так и было на самом деле. Она преуспела в духовной жизни и привлекла к себе двух своих сестер, а под конец и мать, и их стало четверо в келье. Ее брат под влиянием ее частых поучений приехал из Америки и стал монахом в Лонговарде с именем Модест.

«До интронизации митрополита Херувима в монастыре Христа всё шло хорошо. Число монахинь росло, поднимался и духовный уровень. В монастыре были монахини, достойные восхищения. Монахиня Мелания, которую я застала, когда поехала на Крит, стала образцовой игуменьей. Когда на Крите хотели похвалить какую-нибудь сестру, то говорили: «Эта как одна из сестер игуменьи Мелании». Митрополит Херувим часто посещал монастырь, что не нравилось игуменье Парфении. Он снял ее с игуменства и поставил на ее место самую никчемную сестру. С тех пор мира в монастыре не стало. Начались бесчисленные неприятности, которые вынудили старицу Парфению уйти из монастыря вместе с сорока сестрами. Тогда ушла и Мелания с некоторыми сестрами, и осталось совсем мало насельниц, в основном из Пария.

И наша сестра тогда ушла под предлогом календарных споров. Мы с моей сестрой каждый день

находились под прицелом новой игуменьи, так как я была на стороне старицы Парфении и часто восхваляла ее добродетели. Но я всё-таки не дерзала уйти без благословения старца и внутреннего извещения. По гласу Божию я стала монахиней, по гласу Божию должна была и уйти. Я много молилась об этом. Последний раз я пошла к могиле Преподобного и на коленях со слезами просила его указать мне путь, которому я должна последовать. В конце своего прошения, как всегда, добавила: «Молитвами святых отец наших и преподобного отца нашего Арсения...» и, не успев закончить, услышала из могилы: «Аминь, Парфения моя».

По благословию старца Филофея устроили мы исихастирий в этом имении, которое унаследовали от нашей матери. Брат нашей матери, старик Хрусис, очень нас любил. Каждые две недели он приходил в монастырь Христа и приносил в торбе от всего, чем располагала крестьянская семья в то время. Он нас очень уважал и заботился о нас. Другие сестры спрашивали Анастасию:

— Что вам принес старик Зумис?

— Ничего, — отвечала она.

— Как же ничего, когда он два раза ходил, чтобы перетащить всё из торбы?

Во время оккупации мы очень страдали. Чуть не умерли от лишений и голода. Твоя тетя Маруля, которая сейчас монахиня Феоктиста, очень нас поддерживала. И тайно и явно доставляла нам хлеб. В 48-м году случилась и другая беда: коммунисты казнили нашего

брата, отца Модеста. Модест стал монахом в период между двумя войнами в обители Лонговарда. Мой отец, который часто навещал его, рассказывал:

— Сколько раз я оставался в его келье, и не знаю, когда же он отдыхал. Всю ночь клал поклоны и молился на коленях. Правду говорю, я его спящим никогда не видел. На службу первый приходил и постоянно крестился.

И от братьев я слышала о нем хорошее. Он был очень сильный. Всегда охотно брался за любое дело: готовил, накрывал на стол, читал в трапезной, мыл посуду. Никто никогда не видел, чтобы он ленился или уклонялся от послушаний. И выполнял их не как подневольный, а всегда безупречно. Говорят, в трапезной он по натянутой нитке расставлял тарелки и раскладывал салфетки, чтобы всё было ровно.

Он очень желал священства. Но из-за какой-то болезни старцы избегали рукополагать его. Этой его слабостью воспользовался митрополит Херувим и взял его с собой в Трикалу, куда его туда перевели. (Это и называется «срывать с места монаха», что никогда не было на пользу Церкви.)

Он рукоположил его в иерея, поставил игуменом в монастыре Стаяды и на приход в какой-то горной деревеньке в районе Каламбаки. Его служение пришлось на годы гражданской войны. В деревне, где он служил, бандиты-коммунисты выполняли какие-то работы, а мотыги вечером оставляли в церкви, на стенах которой написали всякие лозунги и гадости.

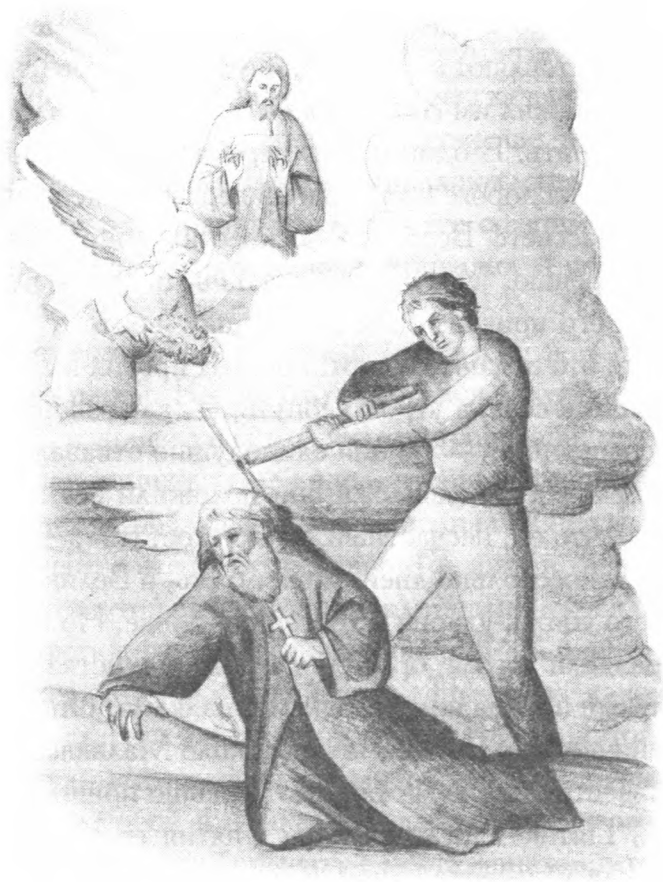
Незадолго до Недели вайй он сделал им замечание, что они оставляют мотыги и пишут на стенах в церкви. Он предложил им собраться на деревенской площади и поговорить. В один из его переходов в эти дни его схватили на дороге и таскали из деревни в деревню.

На рассвете Вербного воскресенья они зашли в одну деревню. Местный священник пошел к нему и увидел его привязанным к колышку, вбитому в землю, как это делают со скотиной. «Я просил их, чтобы взять его к себе, а утром вернуть, — как говорил мне сам священник, — но они единодушно отказались. Я отнес ему еду и одеяло, а они положили всё это так далеко, что он, несчастный, не мог достать».

Через несколько дней, может быть, в Великий Пяток, его убили, ударив мотыгой по голове. Но вначале его раздели догола, бросили на землю и истязали ружейными прикладами, штыками, палками. Он принял мученичество в районе Катары около Малакаси.

Известие в мою маленькую деревню пришло в Великий Пяток. После службы Снятия со Креста все колокола в деревне ударили похоронный звон, и все жители шептали с тяжелым сердцем: «Бандиты казнили из-за мотыг иеромонаха Модеста Андоманакоса». Таким, вдвойне скорбным, был Великий Пяток в том году».

Старица Парфения, как она мне честно рассказывала, три дня совершенно ничего не ела и просила Бога открыть ей, был ли готов о. Модест для мученичества

(она сильно переживала из-за его непослушания и ухода из монастыря покаяния) и принял ли Христос его жертву. На третий день, когда вечерело, она увидела своего брата наяву, и он сказал ей: «Парфения, не волнуйся. Христос, как только меня увидел, позвал: «Иди сюда, Модест» и открыл Свои объятия». Мученическая кончина брата подкосила старицу Парфению.

Она надорвала сердце и от этого страдала до самой смерти. В ее величественном лице неизгладимо запечатлелась радостотворная грусть.

Старица Парфения достигла высоких степеней духовной жизни. Монахи Лонговарды часто спускались в скромный исихастирий преподобного Филофея для назидания и утешения. Она любила напоминать им мудрое изречение: «Первое слово нашего старца сподобляет нас чина послушников». И для мирян было в ее сердце слово благо, которое возвещали ее уста. Всегда кончала советом «Возлюбим Христа» и прибавляла с умилением стих:

Счастье и радость в мире найдешь,
Если с любовью к Христу припадешь.

Любовь ко Христу подвигала ее спрашивать даже маленьких детей: «Что скажешь? Увидим лик Христа в вечной жизни?»

Старец Филофей, когда я посетил его летом 1958 года после блаженной кончины старицы Парфении, сказал мне с твердой уверенностью: «Твоя тетя спаслась. Сподобилась вечной жизни, потому что возлюбила Христа».

Когда она поучала, у нее было такое выражение лица, что не могу передать. Она не представляла себя ни всезнающей, ни святой, но горело сердце ее, чтобы просветить других. Она была не из тех монахинь, которые идут путем послаблений, но держала твердо и точно монашеское правило. Люди, опускавшие в

могилу ее тело, говорили: «Она благоухает. Если не верите, понюхайте наши руки». Это благоухание — не от обычных ароматов, это то благоухание, которое дает Христос любящим Его.

В своем исихастирии сестры совершали службы, как они это приняли из монастыря Христа. Однажды во время всенощного бдения под праздник преподобного Филофея, 21 октября, как только старица запела «Отверзу уста моя», лампадка перед иконой преподобного начала размеренно покачиваться, хотя и окно и дверь были закрыты. Видя это, Парфения воскликнула: «Преподобный радуется нашей молитве и бдению и сам раскачивает лампаду».

Она очень заботилась о спасении сродников своих по плоти и, если узнавала, что они поступили не по-евангельски, писала им послания, чтобы исправились. Ее любящее сердце каждому посетителю давало почувствовать райское утешение.

Она не была хорошо образованной — шесть классов школы. Но писала и выражалась прекрасно и состояла в переписке со многими духовными людьми того времени. Сочиняла стихи и духовные песнопения. Но, к сожалению, ее рукописи, а также и многое другое, как например автографы преподобного Арсения, предала огню истребления монахиня, наследовавшая исихастирий.

Парфения была очень талантливой. Вышивала и рисовала с большим мастерством. Ничего из этого не сохранилось в исихастирии преподобного Филофея.

Была у старицы Парфении и другая добродетель, совершаемая сверх ее сил, — это милостыня. Если у нее ничего не было, она дарила на прощание свой носовой платочек.

— У меня ничего нет, что бы тебе дать. Возьми мой платочек. Мне неудобно отпустить тебя с пустыми руками.

Через некоторое время ее сестра видела, как она вытирается какой-то тряпкой, и возмущалась:

— Что ты опять сделала со своим носовым платком?!.

— Бедная Анастасия, из-за платков кричишь?

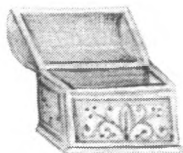
Это был человек, внушавший уважение и почтение. Поэтому сестра уважала ее как игуменью и почитала как преподобную.

Исихастирий не был никогда признан местным епископом. Когда началось строительство небольшого храма и стены были возведены на высоту метра, владыка послал полицию и остановил работы. Тогда сестры приспособили одну комнату под домашнюю церковь для совершения служб. К сожалению, преосвященный владыка только с помощью жандармов пытался решить возникавшие в епархии проблемы, как то: календарный вопрос, почитание преподобного Арсения до его официального прославления Патриархией, и многие другие, о чем лучше не вспоминать. Ни разу епископ Амвросий не посетил с пастырским посохом эти смиренные души, носящие рясы, чтобы увидеть и почувствовать, чем они живут и почему и мирские и монахи притекают к ним

за словом утешения. К несчастью, такими были врачи церковные, ставившие диагноз, не осмотрев и не прослушав больного. Если князья Церкви сами помрачены, то они омрачают и церковную атмосферу. Великие дела совершаются и вне церковных канонов. Так и остались навсегда две монахини, как трости в поле, колеблемые всеми ветрами, без какой-либо защиты и прибежища. Они склонялись до земли, но их держал Великий Бог, и они не сломались.

И сейчас исихастий продолжает действовать, но не в простых, безыскусных кельях Парфении и Анастасии, а в величественных сооружениях. Тех монахинь защищал преподобный Арсений, нынешних — крепостные стены. И сейчас поучают паломников, но нет уже легкой прохлады и утешения, которые оставляло в сердцах людей поучение и присутствие Парфении.

Да будут с нами молитвы этих преподобных жен, угодивших Богу и нас, ничтожных, научивших путям Господним.

Обители Миртѣя и Прусу

Святая обитель Миртья

Монастырь Миртья находится в живописнейшем месте, среди маслин и благоуханных кустов мирты. Балконы — прямо над озером Трихонида.

Для меня, пришедшего с берегов Эгейского моря, озеро перед глазами было каждодневным утешением. В этом величественном месте некие благочестивые монахи I века воздвигли обитель в честь Божией Матери, храм Которой был расписан, наверное, в XV веке великим иконописцем Диогеном Ксеносом. Позднее к небольшому сводчатому храму пристроили еще один, с куполом и двумя колоннами. Его расписали самые искусные иконописцы того времени, равные великим иконописцам Афона. Первый храм сейчас используется в качестве алтаря.

Монастырь еще до 1944 года, когда его разбомбили немцы, сохранял свой блеск. Была там и библиотека с печатными и рукописными книгами, но без каталога. Один старичок, который часто заходил в монастырь, говорил мне: «В окно библиотеки я видел книги на полках и на столе. Очень большие книги».

Сюда, в обитель Миртья, были собраны и книги из монастырей Катафиги, св. мученицы Параскевы в Мандре, Фотену, св. Апостолов в Нероманне и Влохуса, после того как они были упразднены. Но здесь их истребил пожар. Нашли лишь рукописную Минею, вероятно XI века, у одного клирика, но он наотрез отказался вернуть ее в монастырь, потому-де, что спас

ее из огня с риском для жизни и оставит в наследство своей семье.

В той библиотеке была самая древняя рукопись поучений и пророчеств Космы Этолийского, написанная его учеником незадолго до или вскоре после смерти святого. Этой рукописью пользовался проповедник Сафроний Папакириаку при издании поучений св. Космы, но, кажется, так и не вернул ее на место.

Пожар разрушил все здания, кроме соборной церкви. Изредка в монастыре поселялись один или двое монахов, но попытки возродить монастырскую жизнь ни разу не увенчались успехом. Виной, наверное, была большая бедность монастыря. К несчастью, во время распределения за долги собственности монастыря власть имущие проявили ужасную жестокость по отношению к обители, за что Бог лишил наследства их семьи. «Видишь, — говорил мне блаженнопочивший отец Спиридон Ксенос, — этот когда-то добротный дом, совершенно разрушенный теперь? Он принадлежал семье председателя, который распределял имущество монастыря».

Горицкое поле — так раньше называлась Миртья — принадлежало наполовину монастырю Миртья и наполовину монастырю Прусу. После распределения собственности за долги у второго осталось лишь три гектара земли, а у первого — вообще ни пяди. У монастыря Миртья нет для своих нужд ни одного лимонного дерева на этом знаменитом поле, которое действительно можно назвать *землей обетованной, точащей мед и млеко*.

Если выйдешь погулять по этой земле весной, когда распускаются кустарники и цветут все деревья, то от благоухания цветов и пения соловьев можно повредиться умом. Не думаю, что это сильно отличается от рая, насажденного Богом в Эдеме. Итак, монастырь, хотя и находился в таком богатом месте, нищенствовал и даже фруктов ждал от людей как милостыни.

К тому же в округе царил очень сильный антимонашеский дух. Во всей западной Греции с ее бесчисленными монастырями не было ни одного монаха! Первыми монахами, после многих лет ступившими на эту землю, стали мы. Люди думали, что в монахи идут несчастные, обделенные природой люди. Мне самому задавали вопрос: «Что у тебя не в порядке, сынок, что ты стал монахом? Голова, руки, ноги?» Когда нас в наших монашеских скуфейках впервые увидели в Яннине, торговцы вышли на крыльцо своих магазинов, чтобы поглазеть на диковинных посетителей. Отметим, что и Святая Гора не имела связей с Янниной, и полагаю, что святогорцы не заказывали лампы и другую утварь в этом городе золотых и серебряных дел мастеров.

Однажды утром мы оказались в деревне около Яннины, разыскивая знакомого нам мастера. Встречные женщины с нами не здоровались. Они закрывались в домах и спешили связаться с полицией, чтобы сообщить о странных людях, пришедших в деревню.

Когда 23 сентября 1976 года мы, пятеро монахов, привезли в Коницу частицу мощей новомученика

Иоанна Коницкого, преосвященный Севастиан сказал во время трапезы: «Возлюбленные мои монахи, сегодня вы завоевали всеобщее внимание в нашем городе. Ни один житель Коницы не смотрел на расшитое золотом архиерейское облачение. Ваши смиренные камилавки притягивали взоры, и все удивлялись появлению монахов в своем городе».

И благословенные организации (христианские кружки, братства) в ту пору никогда не сочувствовали монашескому призванию. Благочестивые люди, достигнув шестидесятилетнего возраста, с удивлением узнавали, что кроме брака существует еще и монашество. Они думали, как были научены, что монашество — это что-то древнее, когда-то бывшее в Церкви. Многие только из празднования тысячелетия Святой Горы узнали, что монахи еще существуют. Надо отметить, что эта местность дала множество людей, посвятивших себя так называемым «делам благотворительности», но вне Церковной ограды.

Обращение «старец» или «старица» было одним из самых унижительных в то время. Оно скорее вызывало смех, чем уважение. Когда люди слышали, как братья обращаются ко мне «старец», они смеялись: «Да какой он старец? Он же ребенок».

Я посоветовал одной девушке из христианского кружка делать несколько земных поклонов вечером после молитвы. А она ни из семьи, ни из христианских поучений, которые слушала каждый день, не знала, что такое в Церкви поклоны. Она спросила ведущую

кружка, и та ей ответила, что поклоны не нужны, если молишься и читаешь Евангелие.

Дух был, пусть обижаются в этот час председательствующие христианских братств, чисто протестантский. В обход всех уставов утвердился обычай поститься только первую и последнюю неделю многодневных постов. Никто из тех, кто каждый день читал Евангелие, не постился всю Четыредесятницу, кроме немногих смиренных душ, державших семейные традиции.

Сопротивлялось монашеству и окружение Митрополита. В декабре 1965 года мы с моим духовным братом иеромонахом Илией Кландзи посетили деревню Платанос. До деревенской церкви мы добрались в одиннадцать часов дня. Батюшка вел воскресную школу. Он своим приятным, чистым голосом пел детям церковные песнопения и мирские песни. Потом последовало недолгое поучение, и в конце он позвал нас вперед, чтобы представить детям. Старенький батюшка поинтересовался, чем я занимаюсь, и когда услышал «богословием», спросил, думаю ли я о священстве. На мой утвердительный ответ, он дал мне два совета.

Во-первых, он повел меня в алтарь. Он говорил мне о любви к благолепию церкви. Всё сияло: престол, жертвенник, диаконник. Везде был идеальный порядок, несмотря на преклонные годы батюшки. Чаша как будто в этот час вышла из рук золотых дел мастера, а батюшка ею пользовался уже сорок лет. Я его спросил:

— Как тебе удастся сохранять ее, как новую?

— После того, как потребляю Святые Дары, что всегда делаю без лжицы, я ее хорошо вытираю и держу немного над пламенем свечи, чтобы высохла окончательно, а потом снова вытираю.

И вообще во всём храме был такой же порядок.

Во-вторых, он посоветовал мне быть осторожным с владыкиными «мулами». Я наивно ответил:

— Но сейчас у владыки нет мулов. У него машина.

— Да я не об этих мулах говорю. Они безобидные, но о владыкином окружении.

И правда, чего только мы ни претерпели от его людей, вплоть до того, что были вынуждены просить разрешения покинуть возлюбленный нами монастырь Миртья. С мирскими, которые с недоверием поглядывали на непривычные для них монашеские скуфьи, у нас не было никаких трудностей, но с так называемыми приближенными Владыки... Боже сохрани.

Однажды на улице в Агринио я встретил группу клириков. Ни один со мной не поздоровался. Среди них был и отец Константин, который пробежал другим переулком, чтобы меня поприветствовать, — как сам признался, он боялся в присутствии других сказать мне: «Благословите, отец игумен».

Некоторые благочестивые клирики приезжали к нам после одиннадцати вечера с выключенными фарами, потому что один деревенский полоумный был поставлен следить за нами. Происходило и многое

другое, что напоминало трагические периоды гонений на христиан. Те клирики, которые были на нашей стороне, подвергались жесточайшим преследованиям и до сегодняшнего дня пребывают в немилости у местных церковных властей.

Чиноначальником в этой войне был благочинный отец Василий, который после нашего отъезда открыто хвалился, что ему удалось покончить с монастырем Миртья, на что старая Саломея воскликнула: «Несчастный ты, отец Василий!» Остальное об отце Василии знают жители Трихониды и Агнинию.

Во время этой бесовской бури пять женщин мужественно встали на защиту монахов. Это были: Георгия и дочь ее Александра, Кириакула, Фотиния и их предводительница кирия Елена со своим мужем Афанасием. Эти преданные монастырю женщины заставили меня поверить, что везде есть люди Божии, как закваска в тесте.

Каждый раз, когда мы готовились к праздникам в монастыре, они были первые на послушаниях. Никогда не приходили с пустыми руками, всегда что-то приносили: или съедобные травы на кухню, или фрукты, цветы, какие-нибудь угощения.

Однажды в зимний холод я сидел под навесом колодца. Вижу, кирия Фотиния, нагруженная, поднимается в гору.

— Благословите, геронда, я вам траву принесла.

— Кирия Фотиния, мы собираем траву здесь, вокруг. Зачем трудилась в такой холод?

— Это, геронда, с горы, особая трава. Я для тебя собирала. Ты должен взять.

«Боже мой, богатые даже не подходят к нам, а бедные нам приносят всё, утешают нас своей любовью и содержат от имений своих!»

Каждую субботу по чину старца Амфилохия, принятому в общежительной обители Евангелизмос на Патмосе, мы совершали небольшое всенощное бдение. Эти женщины приходили первыми. Их лица из-под черных платков сияли радостью и весельем.

— Отче, — говорила кирия Елена, — каждый раз, когда выхожу на дорогу к монастырю, забываю всё и чувствую себя другим человеком.

У каждой в руках была просфора, завернутая в белоснежную салфетку. Их просфоры всегда были хорошо выпечены. Блаженный отец Апостол, благочинный Агринио, говорил: «Горе нам, отцы, что мы упразднили просфоры, которые пекли наши бабушки, трижды просеяв муку, чтобы просфора была пригодной для литургии. Сами же ели кукурузный и ржаной хлеб, а часто и того не было».

За два с половиной года, что мы служили в этом монастыре, я не помню случая, чтобы они отсутствовали на службе. Однажды ночью, после всенощной, разыгралась такая буря, что молнии, сверкавшие одна за другой, освещали местность, как днем. А потом начался страшный ливень, и я, глядя из окна игуменского корпуса, сказал себе: «Конец старушкам. Я бы на их месте вышел из дома, из тепла на службу? Скорее всего, нет».

Рано утром все они стояли в ожидании за воротами монастыря. Было большим утешением видеть, как эти верные женщины в холодной церкви кладут земные поклоны.

Александра была калекой — у нее была только одна рука, а на ней три пальца. Ставила себе на голову жестянку с хлебом или с цветами, или с продуктами и несла в монастырь, чтобы монахи пореже ходили в город за покупками. Тремя пальцами держала кисточку и белила монастырский двор.

Когда мы уехали и монастырь закрыли, Александра со своей мамой Георгией часто сидели напротив обители и оплакивали свое лишение и сиротство.

Кирия Елена: «Каждую ночь, когда в три часа я слышала монастырский колокол, говорила Афанасию: «Монахи в этот час молятся за нас». Вставала, затепливала лампаду, кадила и молилась. В это время я и теперь прислушиваюсь, но ничего не слышу, ни колоколов, ни била».

В лютые холода нас спрашивали, как вторые матери, есть ли у нас что поесть, есть ли одежда, дрова. И доставали из карманов рукоделие — вязанные шерстяные носки, которые вручали очень деликатно. Какой владыка нас когда-нибудь спросил, есть ли у нас одеяла и теплая одежда?

Во время сбора маслин многие старушки собирали маслины с земли, среди колючек и терния, которые немилосердно кололи их руки. Часто случался такой холод, и это при сильной влажности, что старческие костлявые руки становились чернее их одежды... В конце сбора приносили бутылки масла для лампы иконы Божией Матери. С тех пор и я всегда собираю маслины и приношу от своих трудов масло для лампы Божией Матери.

Блаженные души, хотел бы я найти вас на этой земле, но не найду, потому что вы, конечно, уже упокоились в стране живых.

Саломея

Нищая, скромно одетая, всегда в черном, Саломея всю свою жизнь провела в церкви. Она всегда сидела

с краю, и богатые умом считали ее дурочкой. Убогое одеяние смиряло ее еще больше. Метла и совок были ее единственным рукоделием и дома, и в церкви, и в монастыре.

Ее уста всегда были закрыты. Если ее спрашивали о чем-либо, она ограничивалась единственным: «не знаю», «не слышала», «не поняла». Недалекий ум не позволял ей вмешиваться в дела соседей, — так это представлялось другим.

Неочищенный бензин был ее «духами»: этим лекарством она натирала болевшие части тела. У нее были постоянные головные боли, и я ее спросил как-то:

— Может быть, тебе нужно лекарство?

— Нет, отче. Я молюсь Божией Матери, чтобы Она избавила меня и от шума в ушах, и от боли.

Никогда не пропускала она церковных служб и наедине много молилась. Всегда молилась по четкам. Однажды вечером я подслушал ее смиренную молитву, которую она сопровождала многими поклонами: «Господи, умири мир. Господи, прости прегрешения всего мира. Даруй им покаяние и любовь к Тебе и друг ко другу. И мне, грешной, даруй прощение. Сотвори благо моему духовному отцу, духовным братьям моим». Поминала какие-то имена и молилась о них.

Я предложил ей монашеский постриг, а она ответила: «Нет, геронда, я недостойна такой чести». Часто говорила о том, что видела во время литургии, но как бы недоговаривая: «Сегодня Христос сиял из Чаши. Сегодня на литургии ты был не один. Было много

батюшек в алтаре, но я, недостойная, не должна говорить об этом». В другой раз говорила, что видела приходского батюшку, то в свете, то во тьме совершающего литургию: «Сегодня батюшка не был чист. Его постоянно окружало темное облако».

Как-то летом я сказал в Прусо: «Давайте посадим кипарисы за оградой, чтобы не осыпалась дорога».

Саломея это запомнила и следующей зимой превтвoрила в дело. Однажды вечером я вижу: вся в снегу

и инее, старая Саломея с двумя мешками кипарисов приближается к монастырю.

— Саломея, что же ты делаешь? Как ты одолела вершину по снегу? Как ты дотащила все эти деревья от Фермо досюда? Сколько дней ты шла до монастыря?

— Я шла два дня. Но несла-то не я, а другой.

— Кто нес, Саломея?

— Только что ушел.

Я повел ее в храм Божией Матери, и мы совершили благодарственный молебен.

— Не бойся, я в порядке. Я служу Божией Матери, и Она не оставит меня погибнуть.

Непорочная душа, чистая, всегда мирная, всегда смирялась, всегда молилась. Пост был единственным ее спутником. Настоящая мироносица Божией Матери, священномученика Космы Этолийского, монастырей Миртья и Прусу. Нищая и убогая, но богатая любовью и делами служения. До земли кланялась священнослужителям, шепча: «Простите меня, недостойную».

Благослови нас, Саломея, оттуда, где упокоеваешься.

Ольга, жена зеленщика

И она была из Фермо, эта мироносица, ученица св. Космы Этолийского, поскольку вместе с Саломеей услаждалась его поучениями и пророчествами. Не требовалось и грамоты, чтобы узнать эти поучения,

они веками передавались из уст в уста совершенно точно. Иногда уста сохраняют предание живее, чем рукописные кодексы.

Я познакомился с ней в ноябре 1971 года в монастыре Миртыя в канун праздника Введения. Бросая время от времени взгляд в сторону ворот монастыря, я видел, как какая-то женщина прячется там за стволом маслины. То выйдет, то спрячется снова. Много раз хотел я пойти посмотреть, кто это и что делает за маслиной. Наконец пошел, — вижу женщину средних лет с корзинкой цветов.

— Что ты здесь делаешь? Почему не заходишь в монастырь?

— Геронда, батюшка в Фермо вчера вечером мне сказал, чтобы я и не пыталась помочь в украшении церкви, потому что монахи такие злые, что забросают меня камнями. Вот и жду с рассвета, боюсь подойти.

— Иди сюда, кирия, и украшай церковь своими цветами, как тебе угодно.

Она осталась до вечера. Уходя, кланялась мне тысячу раз, прося прощения за плохой помысл. И с тех пор стала мироносицей монастыря.

Вся ее жизнь заключалась в том, чтобы собирать цветы и украшать церкви к престольным праздникам, — нелегкое дело, так как местность была гористая. Она так красиво украшала церкви, что я в шутку говорил:

— Где ты выучилась этому искусству?

— От любви к святым.

Вскоре ее поразила неизлечимая болезнь. Я пришел к ней домой. Мы долго говорили о предстоящем. Я спросил:

— Ольга, если Христос позовет тебя в небесные чертоги, ты готова?

— Совершенно готова, геронда. И как я этого желаю и жду с нетерпением!

— Не думаешь о своих детях?

— Они уже большие. Могут и сами выбрать зло или благо.

Через несколько дней она сказала своим детям и мужу, которые допоздна сидели в ее комнате: «Мне лучше. Пойдите отдохните». И, отослав их спать, встала, как только всё стихло, приготовилась, надела свою лучшую одежду, легла и, глядя на восток, сложила руки, оставив прежде записку: «Я готова для неба. Не переодевайте меня. То, что на мне, это на погребение». Таким был конец Ольги с цветами и венками для святых. Каждый раз, когда думаю об Ольге, вспоминаю сказанное кем-то из древних: «Ни какой труд для церкви не пропадет».

Дядя Георгий Льяпис из Кравасараса

— Геронда, у меня большое желание стать монахом. Помогите мне. Я буду стараться, чтобы хоть в мои семьдесят лет достигнуть желаемого. Монашество, как образ жизни, я узнал из праздников тысячелетия

Святой Горы. Тогда все программы на радио говорили об этом, об Афоне, что эта святая гора уже тысячу лет принадлежит монахам. С тех пор я много раз ездил паломником в это святое место. Желал его всей душой. Но и монахов я полюбил, больше чем своих детей. Я видел опустевшие монастыри в нашем крае, разрушенные здания, и болела душа моя. Я спрашивал батюшек:

— Что происходит?

И получал ответ:

— Это было когда-то. Теперь монастыри не могут снова открыться, они не нужны. Возьми церковный календарь и посмотри, что пишут о монастырях: сколько действующих и сколько закрытых.

— Батюшка, скажи мне, кто распустил монастыри?

— Наша Церковь и государство.

— И не стыдно им это писать?

— Монастыри нужны были во времена турецкого ига, чтобы христиане могли записать на них свое имущество. Турки не трогали посвященное Богу.

Таким объяснениям дядя Георгий не верил и постоянно просил Бога послать монахов в монастыри.

— Когда я услышал, что в обитель Миртъя пришли монахи, сердце мое заиграло от радости.

— Старче, какая любовь привела тебя к нам?

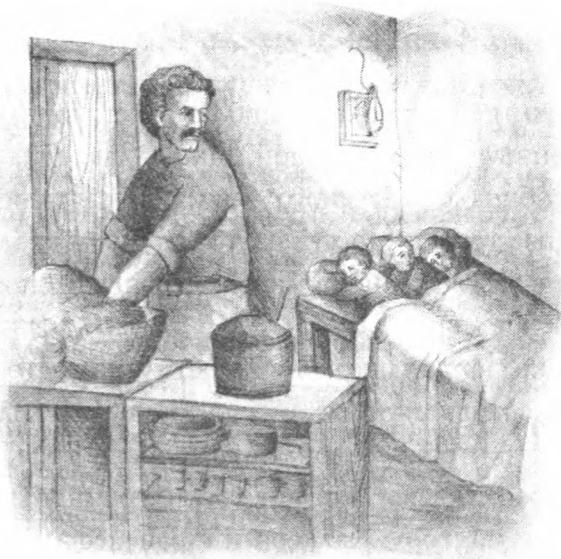
— Я пришел посмотреть на вас, насладиться вашим присутствием, вашей службой, попробовать, может быть и я, старик, могу принять ваше блаженное жительство. Не смотрите, что я старей. Я выдерживаю

всенощные бдения. Много лет пою и читаю в церкви. Я и мотыгу в руки возьму, только бы мне стать монахом, стать как вы.

Шаткое здоровье и тяжелые условия жизни в бедном и разрушенном монастыре Миртья не позволили ему выполнить свой обет — предать себя Христу. Но любовь к монастырям, несмотря на старость, подвигла его заняться восстановлением и сохранением закрытого монастыря Успения в Варетаде, который стал в некоторой степени действующим. Но и здесь было искушение от ненавистника всякого добра. Во время его недолгого отсутствия албанцы ограбили обитель и многое поломали.

Дядя Георгий был среднего роста и телосложения, но из-за густых усов и громового голоса он казался могучим. Будучи примерно тридцати лет, он потерял свою спутницу жизни и навсегда остался вдовцом, посвятив себя воспитанию троих детей. Он работал в налоговой инспекции и почти весь день проводил в разъездах по делам службы. А по ночам готовил, стирал, убирал, чтобы не брать в дом женщину и не соблазняться. Говорил нам: «Я и отец, я и мать, чтобы вырастить этих детей». Дети ценили жертву своего отца, любили и глубоко уважали его.

По воскресеньям он был единственным чтецом и певчим в приходе св. мученицы Параскевы. Он был из тех, кто отдал всего себя на служение Богу, не ища ни ораря, ни мзды. Он знал только, когда начинается служба, а когда кончается, его это не интересовало.

Молитвы и призывания имени Христова и Божией Матери были его постоянным занятием.

— Кириос Георгий, ты молишься?

— Непрестанно. Но у меня не получается достичь того, о чем пишут ваши книги, умной молитвы. Это, наверное, дар Божий, а не достижение человеческое.

Радуйся, блаженный дядя Георгий. Когда я с тобой познакомился, ты стал для меня символом эпириота и румелиота³⁶. Твоя внешность горца — грубая и терпкая, как у румелиота, но и благородная, располагающая и улыбчивая, как у эпириота. Эту свежесть даруй и нам, ибо мы запаршивели, как овцы на лугу. Подыми нас ввысь, ты, который подобно орлу, летаешь в небесах.

³⁶ Эпириот — житель Эпира. Румелиот — житель материковой Греции.

Святая обитель Прусу

Как житель острова, я люблю берег моря и травы, подсоленные морской водой. На скалах, где в расщелинах собиралось немного земли, вырастали разные съедобные травы. Но эти избитые морем скалы возвращали и замечательных людей, мирных и спокойных, как майское море.

Однако Бог дал мне возможность узнать и горы, причем самые неприступные, в Эвритании. Несколько лет, вместо того чтобы созерцать милое мне море, я видел перед собой обрывы и камни, гору Керамиди, вершины Триадафиллы, гору Халкеон и Арапокефала, которые резко отделяли нас от Этолийских гор. Сколько раз я говорил себе в ущелье Прусу: «Какая жестокость в вас, высокие горы! Мне от Бога дан дар видеть открытые горизонты, а вы своими громадами делаете меня близоруким, как скотину». Море скрыло свой лик, убежало от моего взора, а я *«водворился в пустыне, подобно неясности»* (см. Пс. 54:8, Пс. 101:7).

Хочешь не хочешь, пришлось мне узнать и людей гор и пастбищ. Стал и я горцем. Взгляд этих людей утратил простоту. Они смотрели на тебя изучающе, как бы спрашивая: *«Наш ли еси, или от супостат наших?»* (Нав. 5:13). Голову, прислоненную к посоху, низко склоняли, словно прислушивались к шагам издалека, к приближению какой-то неожиданной опасности. Трудно было вызвать у них улыбку, — не по какой иной причине, а только потому, что ее не было. Годами

порабощение, войны, междоусобицы, восстания, уединение воспитывали в душах горцев подозрительность, заставляли смотреть в будущее с недоверием. Большая рыба ела малых рыб, как в подводном мире.

Среди этого горного тумана и инея, что густым слоем расстилался осенью и растворялся весной, как траурный покров на голове девушки, виднелись и мужественные души, героические образы, во всем величии человеческого достоинства. В их присутствии не чувствовалось враждебности — «давай-ка сочтемся с тобой, баловнем лугов и моря». Я не могу сравнить их с прохладными оазисами, потому что и сами горы такие, но с уютным уголком в доме. Одним из таких «приятных уголков» был тот, о котором я упомяну ниже.

Отец Николай

Он был из Кониски Трихонидской. Впервые мы увиделись с ним в номархии³⁷ Мессалонги. Для знакомства не понадобилось много слов: мы были наслышаны друг о друге. Глубокие поклоны седобородого батюшки перед тридцатилетним игуменом говорили о многом. Отец Николай, почти совсем необразованный, но благоговейнейший и очень удрученный семейными невзгодами, охранял края земли, чтобы забытый всеми народ не остался без Божественной

37 Номархия — областная администрация. Номарх — глава администрации.

литургии. Когда я его спросил: «Ты в какой деревне служишь?» — он ответил:

— Я за Богом. О нас все забыли. Я пришел к номарху попросить о дороге. Как ты сам понимаешь, доступ в большие деревни — утешение для мирян.

— За тридцать лет служения в маленькой Кониске не захотелось ли тебе перейти в какой-нибудь приход пониже, на равнине?

— Геронда, злата, и серебра, и дорогих одеяний я не пожелал. Я никогда не думал о том, чтобы стать

американцем. Сердце мое всегда желало лишь одного — моего спасения и спасения врученного мне стада. Куда меня принес мой ангел в ночь моего рождения, оттуда и возьмет на небо.

И всё это он говорил, склонив голову, как бы благоговей перед Богом. Если назовем его отец Николай Благоговейный, не ошибемся.

В другой раз я встретил его в кофейне дяди Харалампия, которую местные называли «Новая Швейцария». Было видно, что с ним стряслось что-то серьезное. Что же? Еще какое-то искушение? Или я его обидел?

— Что случилось, отец Николай, отчего ты такой ненастный? Я желал, добрый мой левит, увидеть вновь твой благочестивый лик и порадоваться, а ты прискорбен.

— Геронда, ты еще не знаешь плохих новостей?

— Каких?

— Священный синод Элладской Церкви принял голосованием закон о малограмотных священниках, как я. Литургия, Евангелие, службы — всё это отныне запечатанные книги. Какого ангела пошлет Бог, чтобы их распечатать и дать народу питье и пищу, чтобы он стал живым членом Церкви? Я читаю Евангелие народу и когда кончаю, поворачиваюсь к Престолу и говорю: «Господи, помилуй нас. Пошли нам батюшку-благовестника».

Мне стало стыдно, потому что я не болел душой об этой трудности в Церкви.

Был август 1976 года, когда мы встретились в тени высокой ели. Теперь, когда пишу об этом, — 2004-й, и я до сих пор не могу забыть слез настоящего священника, отца Николая из прихода в Кониске. «Больше не будет неграмотных в Церкви. В нашей жизни нет Евангелия».

Мама Александры

Она всегда жила в западной части деревни Прусос. Неуклонное пребывание на одном месте не приносит ни какого вреда. Смиренно изложу, что сам видел. Настоящее благородство — это, знаете ли, дар Божий, который дается душам, способным его преумножать до тех пор, пока не достигнут врат небесных. Сколько раз я думал: «Пусть придут мнимые мирские аристократки и увидят дела Божии на этих горах».

Она была высокой без каблуков, образованной без школы, щедрой без богатства. Я ей как-то сказал:

— Здесь, где ты живешь, никто тебя не видит.

— Как, геронда? Бог меня видит, и я Его вижу. Мне в этой пустыне Бог каждый день дарует встречу со всем миром. Лица возбуждают помыслы, а Бог только один благой помысл — Свою любовь.

Цветущим миндалем среди лютой зимы была мама Александры-работницы в монастыре Прусу. Настоящая аристократка с богатым внутренним миром и незаурядной внешностью. Если бы она носила и самые

драгоценные украшения, их скорее всего затмила бы ее естественная красота. Присмотришься к ней — и сразу захочешь, чтобы она стала твоей мамой, или спутницей жизни. Ее естественная красота сопровождалась благородством. Чувствуешь себя счастливым у нее в гостях в бедной хижине.

Когда нас покидают такие люди, чтобы отправиться в дальнюю страну живых, мы чувствуем одиночество и непреходящую грусть, потому что теряем соль, теряем дорогие восточные приправы, которые придают вкус нашей жизни.

Васило Вастаруха, еще одна дочь лесов и обрывов

С другой стороны деревни Прусу жила еще одна княжна красна девица, Васило. Мужественная женщина, как израильская Девора, сильная душою и телом. Человек, преданный своей работе не из-за страстия к деньгам, а из любви к монастырю и его служителям.

Она любила Божию Матерь и Ее детей, монахов.

Мы соработали с ней восемь лет. Никогда не попросила она ничего для себя. Никогда не воспользовалась моей нуждой. Никогда мы не сказали друг другу обидного слова. В монастырь приходила затемно и уходила в сумерки. А если нужно было остаться и до поздней ночи, никогда не жаловалась и не отказывалась. Уста ее были закрыты, а руки и ноги всегда

готовы к служению. Стирала в темном холодном углу в самую зимнюю стужу, обычную для тяжелого климата Прусу. Убирала туалеты, комнаты, стелила постели. Помогала в саду, переносила стройматериалы. И на сборе маслин первая в масличных садах Божией Матери — это Васи́ло, девчонка семидесяти лет.

Она была лучшей моей послушницей и в житейских вопросах, и в духовной жизни. После ее упокоения я повторял каждый день: «Ушла Васи́ло, нигде нет Васи́ло». Откуда это благородство, этот дух самопожертвования у многострадальной, измученной дочери лесов и обрывов? Кто научил ее деликатности, уважению и великодушию? Васи́ло стала матерью, не родив, а мы стали ее любимыми детьми, хотя и не кормила она нас грудью. В годы нашего пребывания там я вкусил необычное материнство и заботу этой пожилой женщины, несмотря на то, что мы держались на таком расстоянии, что даже поздороваться было не просто. Там я увидел, что, если действительно в нашем сердце Христос, у нас не будет ни в чем недостатка, где бы мы ни находились.

Под конец ее постигло искушение. На сборе маслин ударила ногу. Потом постепенно ослепла. Без жалоб и ропота, но с именем Божией Матери Прусиотиссы оставила этот мир и ушла в вечность.

Меня захватила любовь людей, которые светили в моей жизни, и я совсем забылся. Однако не могу не упомянуть и о людях, понесших со мною *тяготу дни*

и вар и ночную стужу. Сподвижничество — одна из важнейших сторон жизни, к чему бы оно ни относилось, — к духовной борьбе или к житейским делам. В то время как, если мы в одиночестве среди людей, — это тяжелое испытание.

С какой болью слышим мы от Богочеловека: «*И Меня оставили Одного*» (см. Мф. 26:56).

Но вернусь к дорогим мне лицам.

Старик Анастасий

Он был родом из Доляны Эвританийской, расположенной за Большой Деревней. Чтобы добраться до нее, надо было подняться на вершину горы Цука и спуститься по склону. Туда, на высокие уступы, вскарабкивались наши предки, чтобы уберечься от захватчиков. Сегодня, может быть, там никто не живет. В это пустынное логово, наверное, не ступал захватчик, но диавол ступал и восседал на троне. Вот что рассказывал дядя Анастасий:

«Одна женщина занималась магией. Многие приходили к ней издалека, чтобы извести ближнего. Как-то ночью, когда она занималась своими бесовскими делами, раздался такой грохот, будто горы катятся вниз и сейчас нас раздавят. В ту ночь никто не спал и не говорил друг с другом. Место не стало спокойным, даже когда в 1944 году коммунистические отряды ушли из деревни Панэтолио. Остались бесы

и пугали нас, пока мы не позвали преосвященного митрополита Навпакта и Эвритании Христофора Александропулоса. Он нам прочитал молитвы на изгнание бесов, и мы успокоились. Наше место — для монашеских подвигов, а не для подобных ужасов».

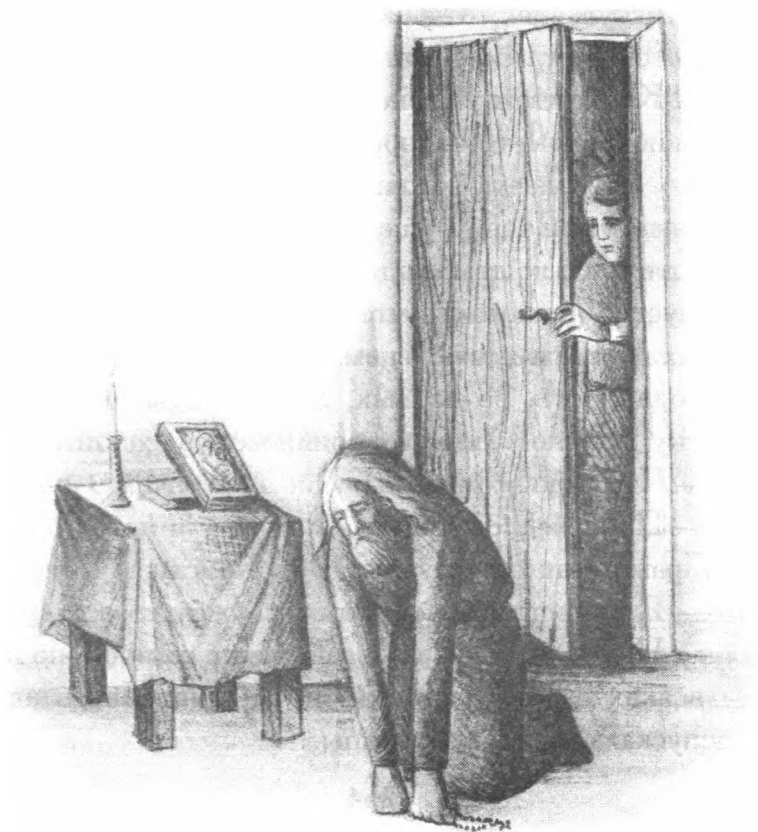
Со стариком Анастасием я познакомился в 1975 году. Он приближался к восьмидесяти годам. Был немного сутулым, но лицо светлое, приятное, радостное и по-детски чистое. Глаза голубые, сияющие, как светильники в церкви среди глубокой ночной темноты.

Как только я взглянул на него, почувствовал благодатное притяжение и сказал себе: «Это настоящая церковь!» Его лицо показалось мне храмом в деревне, светящимся в рождественскую ночь, когда еще не было электрической цивилизации.

Я тогда стал раздумывать, как бы мне увидеться с ним наедине. А всё получилось само собой. Он пришел и попросил исповедаться. Я не думаю, что моя радость была меньше, чем его. Хотя в тот период тяжелое переутомление не позволяло мне исповедовать, его я принял с радостью, потому что верил, что найду его душу *горницей устланной, уготованной*. Он неторопливо изложил мне историю своей жизни. Видел, что конец близок, и хотел исповедаться за всю жизнь.

— Видишь ли, геронда, когда я приближался к подростковому возрасту, зашел в наше село один монах, на спине — торба, в руках — посох. Напоминал

отца Косму Этолийского. Вечером отец привел его в дом. Мою комнату от комнаты, куда поместили монаха, отделяла деревянная перегородка. Когда настала ночь, я услышал церковное пение и чтение. Я тихонько поднялся, подошел к его двери. В дверную щель я увидел, как монах то читает, то кладет поклоны, то поет. Не могу тебе точно сказать, столько времени я был зрителем невиданного доселе, может быть больше двух часов. Когда рассвело, мама накрыла стол для завтрака. Я сел рядом с ним.

— Отец, как вы оказались в селе?

— Проповедую Христа.

— Ночью вы один служили литургию?

— Нет, сынок. Это была утренняя и мое келейное правило.

— Я, мирянин, могу это делать?

— Всякий может, и клирик и мирянин.

— А у меня нет книг.

— Я тебе оставляю. — И открыл свою торбу.

Вначале он достал антидор и воду.

— Это принимай каждый день. Если ночью случится искушение, то на следующий день.

Потом достал и книги. Какая это была радость для меня! Как будто я увидел целый мир. Открыл Часослов и показал мне полунощницу, а затем утреню и вечерню. Он пожил у нас несколько дней и, оставив мне всё, включая и торбу, ушел. Больше я его не видел.

С тех пор и до сегодняшнего дня я никогда не пропустил церковного чтения. От Бога был послан монах. Когда я думаю о нем, сердце мое переполняет благодарность, во-первых, Богу и, во-вторых, человеку Божию. Люди говорили между собой:

— Что надо этому монаху?

— Проповедует Христа.

Правда, мне он указал путь ко Христу.

— Вы вместе с женой читали службу?

— Не всегда. Она вставала вместе со мной, но из-за всяких забот (растопить печь, приготовить еду) пропускала многое из службы.

— Она тебе в чем-то препятствовала?

— Нисколько.

— Что ты чувствуешь во время службы?

— Отец Григорий, в полной тишине ночи я испытывал такой мир и спокойствие, как будто я был в раю. А потом весь день, когда я в одиночестве возделывал свое поле, у меня было чувство, будто меня ограждает стража. Но если случалось поспешить или пропустить что-то из службы, я чувствовал меньшую защиту.

Еще несколько раз приходил он в монастырь. Поскольку он остался один, — спутница его скончалась, дети уехали за границу, старость стала отяготительной, — он решил пойти в дом престарелых. Прежде чем уехать в «большую аттийскую деревню», он привел в монастырь свою козу, единственное, что осталось от его прежней пастушеской жизни.

Он шел пешком примерно три дня. Весь мокрый от пота, передал мне ее у ворот монастыря. «Геронда, маленькое утешение при сахарной болезни». Я прикусил язык, чтобы не сказать ему, что не пью молока.

Прошли годы, я поседел, постарел. Но на всю жизнь сохранился в моей памяти образ дяди Анастасия с козой в воротах монастыря. Его светлое лицо научило меня многому. Тогда я вспомнил слова старицы Евсевии: «У меня после операции остался один глаз, — чтобы видеть человеческие лица и за это прославлять Бога».

Корина Дрес, сестра милосердия

Она была родом из славной Месолонги, служила добровольцем в качестве медсестры во время войны 1940 года, а потом много лет была медсестрой в Эвританийских горах, на высоте до тысячи метров и более.

Когда с приходом зимы тебя выгоняют из высокогорных деревушек, то говорят: «Оставьте нас воевать со снегопадами и ливнями, и приходите к нам снова весной». Вот и эта душа была — как всеми забытые проповедники, которых никто не позаботился перевести пониже, на равнину, когда они состарились. Бедная и незащищенная перед сильными, она безропотно

служила в течение тридцати лет в Домнице, Крикилло, в Карпениси. Каждый раз, когда вижу памятник сестре милосердия, вспоминаю Корину, — с аппаратом для измерения давления, со стетоскопом, шприцами, идущую по снегу из хижины в хижину, чтобы помочь больным, старым, немощным.

Для всех людей у Корины было только одно имя — «золотце». Дровосек с гор и пастух входили в кабинет дикими зверями и, услышав это нежное приветствие, сказанное с такой любовью, выходили апрельскими ягнятами. Своим добрым отношением и тихой речью она, как ласточка, приносила весну израненным душам. Уместной шуткой и спокойным обращением она могла умирить разгневанного, утешить скорбящего. Она стала духовником в селе, волнорезом, который разбивал семейные бури. Люди, изолированные от мира, искали какого-то утешения, облегчения бремени своих скорбей. И обрели его в Корине, «врачихе», как ее звали. Не составляло большого труда найти ее. Она знала только две дороги из дома: в медпункт и в церковь. Боль — это путь, ведущий к Богу. Блажен лечащий или ухаживающий за больным, ибо в этот час он помогает заблудшей овце.

Корина не умела ни петь, ни читать в церкви. Но очень хорошо умела слушать и следить за службой. Она не пропускала ни одной службы. Была, как кто-то о ней сказал, подсвечником в церкви, который не поет, не читает, но светит. В обители Прусу, где мы служили, она была единственной мироносицей по большим праздникам. Нагруженная дарами, как с мирских

базаров, она приходила из горного села Домница, чтобы попраздновать вместе с нами. Ее исповедь всегда была чистой и прозрачной, как и ее душа. Чистая дева, безупречная.

Это высокое деревце розмарина никогда никого ни задело, ни вызвало недовольства. Она была как ангел в трудном служении медсестры. Везде, где ей довелось быть, она оставила о себе свидетельство как о человеке Божиим. Никогда ни с кем не повздорила, потому что никогда не искала своих прав.

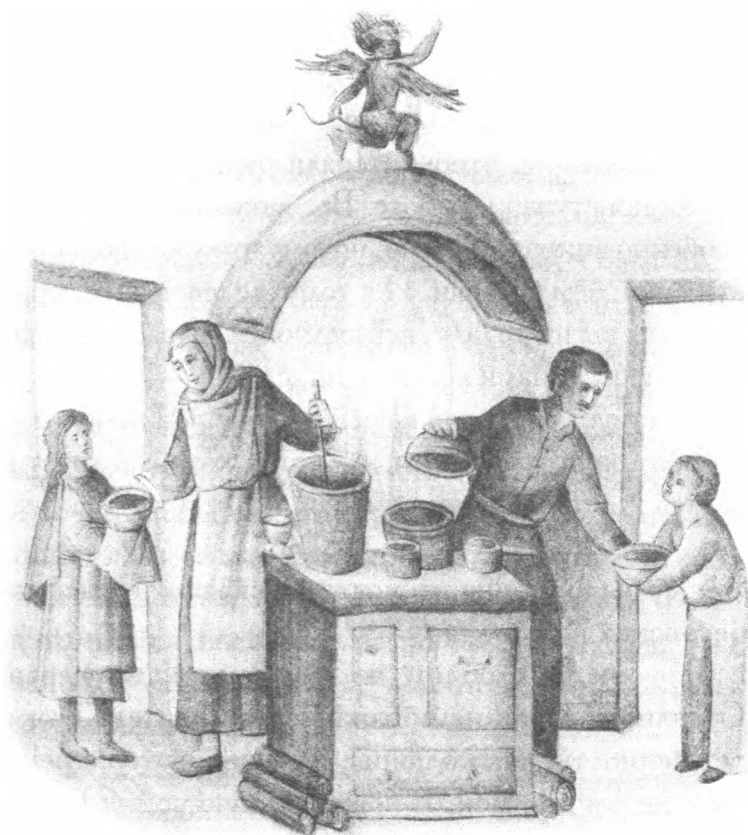
В своем завещании она упомянула братию Дохиарского монастыря и оставила 10 тысяч драхм на помин своей души.

Да будет вечной память о ней у Бога. Она научила нас самопожертвованию и смиренному достоинству. С нежностью выслушивал ее милые жалобы. Благодарю ее.

Повар Герасим

— Отче, на панихидах слышу, как читаете молитву «иже смерть упраздний и диавола поправый», а я в своей жизни видел, как мы своими грехами позволяем диаволу входить и резвиться, как майская птичка. Я видел, как он сидит в кипящей воде в кастрюле и не дает еде приготовиться, задерживает, чтобы я начал ворчать, гневаться. Я видел, как он приостанавливал действие пряностей, чтобы блюдо не получилось

таким вкусным, как я ожидал. Но когда я приступал с добрым помыслом, то есть не о том заботился, сколько посетителей привлеку и сколько заработаю, но сколько положу в кастрюлю лишних порций для бедных и немощных, тогда я видел, что диавол убегает через дымоход вместе с горячим паром.

Если исполняешь волю Божию с добрым помыслом, то трудишься и стараешься за пять, а получаешь сто. Но если ты в грехе, тогда подвизаешься за сто, а получаешь пять, да и то без радости. У диавола еще очень много дел. Ты видел где-нибудь могилу диавола, чтобы пребывать беззаботным? Каждый раз, когда я слышал крики и ссоры в моем кафе, вначале кадил, а потом шел разбираться. Я обнаружил, что в ладане есть сила Христова. Я в магазине прежде всего покупал ладан, а потом продукты.

Что бы ты ни делал, отче, вначале осенись крестным знамением, чтобы отсохли руки у искусителя, а потом приступай к работе. Вы, монахи, должны быть особенно внимательными, потому что у вас больше искушений, чем у мирян. И к тому же вы носите черное, и что бы вы ни делали, всё видно. Бесы вас никогда не оставляют. С нами воюет один, с вами — тысячи. Бес торжествует о каждой вашей ошибке. «Я победил, — говорит он другим бесам, — этого, который хочет казаться Христовым воином».

Не было конца и края рассказам Герасима о бесовских искушениях.

Герасим был родом из Эвритании, из деревни Ставли, которая не обозначена на карте. Проклятая бедность, как колючий северный ветер, трепала их и летом и зимой. В гражданскую войну Герасим был в Агринио партизаном, больше беженец, чем беженцы.

— Отче, видишь ли, в том месте беженцами были не только потомки Агари, но и люди, единомышленные и знакомые нам.

Вместе со своей супругой Констандо, очень милой старушкой, — в свои семьдесят лет, когда я с ней познакомился, она, как девчонка, весь день смеялась и радовалась, — они открыли столовую в небольшом тогда городе Агринио. Я так и не понял, какую цель они преследовали: заработать или накормить голодных и бедных, которых в то время было большинство. Они как будто каждый день заключали договор, кто накормит больше немощных и с парадного входа, и со двора. Для бедных все двери были открыты; для посетителей — только парадная.

После того, как они вышли на пенсию, я брал их на лето поварами в монастырь Прусу. Когда эти двое старичков заступали на кухню, которая обычно является зоной напряженности и нервозности, кухня превращалась в место мира и покоя, становилась церковью. Дядя Герасим не строил из себя всезнающего мудреца, который хочет, чтобы все его спрашивали и уважали. Для него все были уважаемыми отцами, начиная с 35-летнего игумена и кончая 13-летним послушником Фани. Как только он видел нас на пороге кухни, сразу же спрашивал: «Отче, что тебе приготовить?» Кастрюля Герасима была неисчерпаемой, у нее не было дна.

— Дядя Герасим, пришли двое. Есть что-нибудь?.. Пришли пятеро...

— Есть, отцы, есть и для тысячи. Трапеза — монастырское благословение, никогда не кончается!

И всё это в атмосфере любви и почтения. Незабываемые годы. Незабываемые люди, которых, среди скорбей и трудностей в монастыре Прусу, Бог спустил с небес на утешение монахам. На сборе маслин около Агринио Герасим с Констандо первыми, нагруженные едой для отцов, приходили в холод и стужу, чтобы помочь монахам. «Эх, деточки, — говорила Констандо, — где вы прятались столько лет, и мы вас не знали? Я слышала о монахах и думала, что это какие-то страшные пугала, а вы — радость у Бога».

Дом их был три на три метра. Сколько раз они нас потчевали благами Авраама, Исаака и Иакова. Я очень полюбил этих людей и очень желаю встретить их на небе. Приятный человек не забывается, несмотря на годы.

Помяни, Господи, Герасима и Констандо, благодетельствовавших братии зело.

Поденщица Елена

Она жила в живописном селе Карпениси. С детства ей сопутствовала бедность. Вышла замуж за человека жестокого и грубого. И уже замужем продолжала работать по домам ради куска хлеба, потому что доходов мужа не хватало даже ему на выпивку. Ноги этой маленького роста женщины искривились от работы. Они стали похожи на подрезанные стволы виноградника. Так говорил мой отец и добавлял, что эта женщина,

должно быть, очень измучена. Страдания, которые она испытала в жизни, боли и телесные недуги заставили ее дать обет Божией Матери Прусиотиссе служить Ей каждый год на праздник Успения. Так я с ней познакомился, и она поведала мне о великом чуде в своей жизни.

— Я, геронда, работала от зари до зари, а вечером по малейшему поводу мне доставались побои от покойного моего мужа. Он бил меня о землю, как дети мячик на площадке. Одно время убирала у врача. Он платил хорошо, но, как и мой муж, был человеком жесткого и тяжелого нрава. Он не разрешал мне и слова сказать о том, что видела и слышала в его кабинете.

Однажды холодным вечером я пошла выбрасывать мусор. Мусорный бак несла на спине и шла на помойку. Иду и слышу тихое всхлипывание. Поглядела направо, налево — никого не вижу. Я испугалась, стала креститься. «Должно быть,

искушение, — говорю сама себе, — никого на дороге, а за мной всё время младенческий плач». Пришла я на помойку, открыла крышку бака — и ахнула: младенец, весь в крови. Царица Небесная, что мне делать? Врачу сказать не могу, раз он его выбросил. Показать его супругу, так он меня зарежет, как пасхального ягненка. Да что еще подумает? Я взяла его в подол. Младенец был теплый, плакал. Живая тварь Божия, нельзя бросить. Возьму домой, и Бог мне поможет. Я его поцеловала. Из головки текла кровь, наверное, его ударила крышка бака. Я сжала его в объятиях, чтобы согрелся, и отправилась домой. На спине — бак, в руках на груди — дитя. Я его сжала, как тебе сказала, отец, как можно сильнее, чтобы согрелся.

Дома никого не было. Говорю себе: «Бог со мной». Отмыла его от крови, завернула в свои лохмотья, в старую рубашку, покормила грудью (у меня тогда тоже был грудной ребенок) и положила птенчика спать в корыто, в котором месила тесто. Перекрестила его и говорю: «Божия Матерь Прусиотисса, даруй, чтобы он не плакал». И Божия Матерь сотворила чудо. Он никогда не плакал! Я его тайком кормила и укладывала спать под нашей кроватью. Когда приходил муж, я вся дрожала от страха. Сердце стучало, как часы: вдруг заплачет, и что я буду делать?

Прошло время, и он начал ползать. Пока наконец однажды не выполз из-под кровати, когда мы обедали, и не приполз под стол. Как только его увидел мой муж, глаза у него засверкали, как у льва. «Что это

такое?!» Я перекрестилась и открыла тайну. Он рас-
трогался и принял дитя, как свое. Этот мой ребенок
сейчас женат и работает на Карпениси. Он мне подает
стакан воды, а мои собственные дети — ничего.

Каждый раз, когда рассказывала об этом, не могла
унять слез кирия Елена. Она так живо всё передавала,

что мне казалось, я был вместе с нею, когда она несла мусорный бак, и меня тоже пугал младенческий плач, и я тоже открывал бак и с изумлением брал на руки и обнимал выброшенное дитя... И я прятал его под кроватью и молился, чтобы он стал рыбой и не плакал и не вызывал худых подозрений у старика-кожевника. И я тоже был тронут его появлением за скудной трапезой Елены.

Я ее много раз спрашивал:

— Ты попыталась узнать, кто были его родители?

А она отвечала:

— Какой мне от этого толк? Я его считаю своим, болею за него больше, чем за других своих детей. Поэтому я всем женщинам, которые работают уборщицами у врачей, советую: «Смотрите, что в мусорных баках, которые вы несете на помойку». Может, это грех так говорить, но я даю такой совет.

Я это рассказываю и записываю для того, чтобы мама Елена осталась в истории и чтобы стало известным чудо Божией Матери, Которая почти два года сдерживала плач младенца, чтобы не выдать Елену. Господь всё устраивает, когда мы полагаемся на Него.

Святая Гора

Духовные утешения в Саду Пречистой

«Утешения Твоя, — говорит Давид, великий царь Божий, — *возвеселиша душу мою*». Никто, призванный работать Богу, не остается неутешенным Духом Святым. Без этих Божественных веяний не продвигается корабль души. По временам приходит это Божественное посещение и дает подвижнику мужество.

Преподобный Серафим, тысячу дней и ночей преклоняя колени на камне, так что даже оставил на нем следы от колен, чаял возвращения первой благодати, которую вкусил. Пророк Давид просил Бога остановить волны благодати... Но мы, немощные и недостойные, лишь иногда принимаем брызги от божественных волн, но и это настолько редко, что чувствуем себя совершенно оставленными.

Только в болезнях и страданиях ощущаем мы посещение Божие и говорим себе: «Снова посетил нас Бог, хотя и железным посохом, но мы не боимся, что он нас сокрушит, потому что Ему Единому работаем и от Него Единого ожидаем спасения». Это странно для многих, но истинно. Приведем несколько свидетельств в подтверждение сказанного.

Благочестивый юноша с духовными запросами обходит Святую Гору в компании братьев по духу. Он чувствует такую любовь к святогорской природе, что обнимает деревья, гладит траву. Каждый монастырь он видит как *град наверху горы стоящий*. Он не теряет почтения и сердечной теплоты из-за случайных

человеческих слабостей. Почитает и любит монахов больше всех Божиих творений. И если кто-то претякается и смущается несоответствием, он смиренно напоминает рассказ из Патерика: «Семидесятилетний монах искушается так сильно, что оставляет пустыню и направляется в Александрию. Но Бог, жалея его труды, посылает ему ангела, чтобы вернуть его с дороги назад». Святые отцы говорят: «Никакой труд ради Бога не пропадет. Владыка великодушен — всех любит и всем воздает».

Перво-наперво юноша решил посетить своих знакомых, чтобы они направили его далее в паломничестве. Седовласый старец, рукоделием которого было шитье, показал им дорогу в Скит. В пути ребята, непривыкшие к лесу, заблудились. Случайно наткнулись на каливу. Здесь двое монахов служили своему старцу, лежащему на одре болезни. На нетерпеливый вопрос, где дорога в скит, те ответили:

— Зайдите вначале поклонитесь Святому этой келлии, мы вас угостим, а потом покажем дорогу.

— Поклониться мы поклонимся, а угощения не хотим.

— Ну, тогда и мы не покажем вам дорогу.

Здесь любовь принуждает, она не терпит отказа. Любить значит благотворить.

По указанию монахов они нашли почти разрушенный скит и пришли в собор. На мгновение показалось, что тут никто не живет. Решили хоть неумело ударить в колокола, потом, прислонив усталые спины к церковной стене, стали ожидать появления людей. В это

время пришло утешение от Бога. Юноша обоняет неведомое доселе благоухание, как от миро. Рассуждает в себе: «Это от какого-то цветка такой приятный запах. Но в этом месте нет никаких цветов, сейчас уже начало июля, и всё засохло. Может быть, кто-то наступил на засохшее растение, и оно так пахнет?» Глядит вниз и видит отверстие, как люк в стене храма. Наклоняется и ощущает благоухание еще сильнее. Оно исходит оттуда. Смотрит в полумрак и различает кости отцов. Кто знает, сколько из них угодили Богу, но остались неизвестными людям, ибо сами так пожелали?

После многих лет он снова оказался в катакомбах, где покоились мощи отцов. Благоухание распространилось на всю округу, как будто кадил невидимый ангел. С тех пор каждый раз, когда снова бывает в усыпальнице отцов, он поет: «*Боже отец наших, творяй присно по Твоей благодати, не остави милость Твою...*»³⁸, почитая святых, умоливших Господа оставить их безвестными, непрославленными и незначительными.

В одном старинном монастыре, может быть XI века, служил иерей, родом из дальней стороны. Он чувствовал себя *странным и пришельцем*, по выражению св. Григория Богослова. Когда вспоминались ему родные места, особенно его духовный отец, он был

38 Тропарь на малом повечерии.

безутешен. Ни прекраснейший собор, ни тенистые аллеи, ни полные плодов масличные деревья, ни благоухающие сады; где поют соловьи, ни воодушевление благочестивых людей, которые видели монастырь открытым, — ничто не трогало его сердца. Нигде он не находил полноты. Всегда внутри ощущалась пустота. Та пустота, которую испытали евреи на берегах вавилонских рек. Поэтому каждый вечер он напевал: *«На реках Вавилонских тамо седохом и плакахом, внемда помянути нам Сиона»* (Пс. 136:1).

Но Царица Небесная, Утешение всех обуреваемых и бедствующих, изливала в полуденные часы в Своем храме, на небольшом пространстве между престолом и жертвенником, благоухание доселе неведомое. Каждый раз, когда скорбящий иеромонах в простоте сердца и без исследования входил в алтарь, чтобы проверить, горят ли неугасимые лампы, утешалась его душа неизреченным благоуханием.

Монах, подвизавшийся в святогорских келлиях, поведал нам в час благодати: «Если монахи добрым подвигом подвизаются в монастыре, то, когда я захожу в монастырский собор, обоняю благоухание. Но если живут нерадиво, то каким бы ладаном ни кадили и какими бы ароматами ни пользовались, я чувствую зловоние, и это меня выгоняет».

Господь да помилует нас.

Сладкий рай

Есть люди, на которых лучше только смотреть, не слушая. Других лучше только слушать, но не смотреть на них. Редко кто соединяет в себе и то другое, то есть чтобы приятно и с пользой можно было и слушать их, и смотреть на них.

Одним из таких был блаженнопочивший старец Тихон-русский. В свое время он, без всякого сомнения, являлся истинным духовным авторитетом. Скорее всего, и старец Паисий от него научился отшельническому житию, и отец Афанасий из Иверского монастыря, известный и почитаемый монах на Святой Горе.

Отец Тихон был довольно высоким, с длинной бородой, всегда завязанной узлом, чтобы удобнее было работать, с густыми бровями, наполовину закрывающими его большие глаза. Будучи русским, он любил выглядеть красиво и фотографировался в полном великосхимническом одеянии, со схимой до земли и простым крестом в руке, поднятым как знамя победы над смертью и грехом. И пусть никто не подумает, что делал он это, чтобы показать себя. Это русская атмосфера, в которой он вырос. Русские больше любят фанфары, чем греки.

В начале июля 1967 года один смиренный священнослужитель провел нас в каливу отца Тихона. Это была настоящая подвижническая келлия, спрятанная в непроходимом лесу и тенистой листве Святой Горы.

Она была доступна только тем, кто ее знал. Простая, в буквальном смысле слова, келлия, казавшаяся даже скорее разрушенной, чем жилой.

Сдерживая дыхание, мы постучали в дверь. «Что это за подвижник, ради которого мы проделали такой путь, чтобы получить его благословение?» Дверь открылась и появилась величественная фигура — настоящий образ древних времен. Он принял нас с тысячекратным «слава Богу», совершенно не показывая вида, что мы ему помешали, нарушив его безмолвие или прервав его молитву.

С пением «*Достойно есть*» он провел нас в маленькую церковку. На нем была потертая и не особенно чистая епитрахиль. Совершил моление, спросив наши имена для поминовения. Мы сподобились архиерейского приема! Но всё это естественно и непритворно, как и подобает истинной святости. Такого великолепного приема с бесконечным любовным расположением я больше не встречал в своей жизни. В этот момент не думаешь ни о чем. Только стоишь с открытым ртом, как те, что следят за выпечкой сухарей перед устьем печи.

Потом он провел нас во двор, в открытый архондарик. Там была небольшая каменная лесенка. Мы сели, заняв места слушателей, а старец начал стоя вещать. Он не завлекал нас своими собственными рассказами, откровениями и видениями. Слово его было чисто святоотеческое, евангельское. Напоминало учение преподобного Пахомия. Выделял Златоуста, которого, как

сам говорил, читал и изучал на Каруле в течение пятнадцати лет. Он, конечно, жалел, что не было около него людей, с которыми он мог бы поделиться тем, что по-настоящему принял в сердце и уподобил твердой пище.

Кто-то из нас спросил об учении преподобного Исаака Сирина. Приземленный к действительности, старец ответил вежливо: «Вы в миру пользуетесь учением Златоуста. Преподобный Исаак — для монахов, для нас».

Интересно, что могут сказать на это современные старцы, которые, лишь только кто-то Божией благодатью выйдет из глубины греха, тут же советуют ему, поскольку он, дескать, образованный, читать преподобного Исаака Сирина, ради высокого его учения. Вручают и четки, чтобы упражнялся в умной молитве. К сожалению, не понимают, что дают ему оплеуху, чтобы он, едва выбравшись из одной ямы, упал в другую. Вешают ему на шею мельничный жёрнов, чтобы окончательно потопить.

У старца Тихона была величайшая из добродетелей — рассуждение. «Я не наложу то же самое бремя на коня и на осла, — говорил он, — иначе последний быстро изнеможет». И не делал выставкой подвиг умной молитвы. Для нас, мирских, выкладывал «на витрину» златоустовское учение и моление. Отец Тихон был настоящим старцем. Сиял в одиночестве и просвещал многих.

Наконец мы увидели, что старец не поддается на наши бесплодные и обреченные на неудачу полеты мысли, которые были чистой воды тщеславием и фантазиями, не имеющими связи с действительностью. Тогда мы спросили его об обуздании плоти, что было самой жгучей нашей проблемой. Старец как бы обрадовался, что мы спросили его о чем-то реальном, и говорил с нами очень хорошо, будто и он восемнадцатилетний юноша и воюет со своей неугомонной плотью: «Плоть, когда цветет от утучняющих снедей и отдохновения, требует не только положенную ей часть, но всего человека хочет поглотить, и нет ей насыщения. Смири плоть свою трудами и постом, и не захочет она женщины, а ты наследуешь сладкий рай».

Нам, упитанным и изнеженным жителям столицы, стало стыдно. Мы не знали, куда спрятать наши белые лица и розовые щеки.

«Недавно пришел один монах ко мне в келью.

— Старче, хочу женщину.

— Что съестное есть у тебя в келье?

— Только хлеб.

— Неси сюда.

Через три дня снова пришел монах.

— Что хочешь: женщину или хлеба?

— Хлебушка, отче.

— Возьми и научись сам смирять свою плоть и не захочешь блуда».

Геронда сказал о многом. Мой ум этого не вместил, но сердце держало как защиту от бесов.

В какой-то момент старец попросил нашего батюшку сварить кофе для посетителей. Непохоже, чтобы у него был хлеб. На солнце сушилось несколько кусков на сухари, но и из них большую часть растащили муравьи. Когда я сказал ему: «Муравьи похитят весь хлеб», — он ответил: «Хватит и мне. Они возьмут мягкое, а то, что высохло на солнце, оставят».

Между тем батюшка отправился мыть «богемский хрусталь» — несколько консервных банок из под молока, полных кофейной гущи от предыдущего угощения.

— Отец, оставь. Это всё мирское. Наливай кофе, пусть пьют люди.

Я пораился, насколько глубоко вошел в мое сердце его испытующий взгляд. Действительно, я с полным отвращением посмотрел на жестянки старца. Я подумал было его провести и выплеснуть потихоньку кофе на приступку, но куда там. Разве я мог укрыться от его пронизательных глаз?

Я выпил кофе и раз и навсегда получил урок подвижнической простоты. «Не обманывайся, — сказал я себе, — ты не можешь быть подвижником. Общежитие — и то слишком много для тебя».

Другой брат, по нашему наущению, попытался вежливо его сфотографировать.

— Оставь, детка, эту коробку и слушай слова Златоуста. Они вовсе не мои.

Старец жил в большой скудости, как я слышал от его ученика. Кипятил воду и окунал в нее два-три раза скелет селетки. Так он готовил рыбный суп в дни великих праздников. Его деревянная кровать была как горка. Как только он засыпал, сразу же скатывался и падал. Служил литургию каждый день, а зимой на свой страх и риск начинал один, прежде чем придет какой-нибудь певчий.

Как-то его посетил митрополит Ленинградский Никодим и стал перед ним на колени, прося благословения. Старец сказал ему: «Встань, ты Владыка».

Он всегда жил вне всяких удобств и знаний о современной цивилизации. Как только начинало смеркаться, брал в руки четки и совершал бесконечные прогулки по саду, произнося молитву по-русски. Только глухо раздавалось «помилуй мя».

Уходя, мы всё повторяли священное вещание: «Смири плоть, и будет у тебя сладкий рай».

Распятие из его келлии мы обнаружили в Иверском монастыре. Это не произведение искусства,

это крест старца Тихона. Я бы очень хотел иметь что-нибудь из его «сервиза», чтобы пить воду с его благословением. Кто знает, у кого он сейчас и кто с благоговением хранит его?..

Божии осужденники

За год до своей блаженной кончины 95-летний старец Филофей Зервакос в минуту благодати снял епитрахиль со своей шеи и возложил на мою. Стал на колени по древней традиции монастыря Лонговарда и начал исповедь.

— Нет, геронда, ты меня исповедуй.

— Я сейчас не геронда, я осужденник.

В скиту Святой Анны я нашел двух подследственных у Бога: старца Павла и его послушника. Они всегда ожидали меня для исповеди. Я видел самоукорение в сильнейшей степени. Даже разбойники не попирали бы себя так, как они. У них не было никакой хорошей мысли о себе. Коленопреклоненный старец первый начал поносить себя:

— Я не ценю Божий дар, своего послушника. И тон, и замечания мои — скорее выражение страстей и нервов, чем любви для исправления моего брата. И в помыслах не всегда бывает трезвение, бодрствование, чтобы их умирить. И осуждение меня касается, но, глядя на свои страсти, я, слава Богу, не даю ему обладать мною. Я всегда избегаю скитских новостей, потому что знаю: они, как чернота кальмара, мутят воду в сердце моем.

Он говорил и многое другое, но оно вытеснено из моего ума той картиной, которую довелось увидеть. Нешуточное дело: седобородый высокий старец и его малюсенький послушник соревнуются, как каики в моей деревне, кто кого превзойдет в отвержении себя!

Малорослый и щуплый послушник говорил:

— Мой старец — святой человек, но я раздражаю его нерадением и любопытством. Ухожу из кельи и задерживаюсь. Старец, как любящий отец, выходит на край поля и ждет меня. Эта картина сама по себе приводит меня в чувство. Я не хочу огорчать старца, но забываюсь в скитских водоворотах, хотя он с самого

начала советовал мне: «Подальше от скитских разговоров». Я еще этого не достиг.

Осужденники, преклонившись лицами долу, со слезами слушали разрешительную молитву. Для них прощение грехов было великим Божиим даром.

Храню в сердце и другое воспоминание, достойное внимания. Старец знал музыкальную грамоту. Его голос не был особенно приятным, но пело его сердце. Когда он пел медленное *«Богородице Дево»*, на слове Мария расширял уста, язык его играл, как клавиша, а голосовые связки — как сладкозвучный орган.

С тех пор я следил за другими певчими, но Мария отца Павла осталась непревзойденной. Я сказал себе: «Для него Мария — это Споручница спасения. Этим именем он никогда не может насытиться, сколько бы ни открывал уста». *«Радуйся, благодатная Марие»*, — и он снова и снова держит это имя на языке, как мамино варенье, которое она преподнесла в хрустальной вазочке из Смирны. Какое это было наслаждение, какая радость! Павел кричит, заполняя уста своим именем Мария, изрыгает божественную лаву: «Вот тебе, протестанту, огонь, за то, что не чтишь Марию Приснодеву и Богородицу».

Многие уста открываются и расширяются, но иные — гробы и бездна адова, а иные — широта и простор небесный. И звери открывают уста, но чтобы поглотить. И простые люди стоят с открытым

ртом, глядя на чудеса Божии и слушая слово Его, чтобы насытиться, потому что и оно — хлеб жизни.

Это духовные наслаждения Святой Горы. Я их записал, как мне было дано в минуту благодати.

Странник и пришелец

Прекрасный образ старца Евдокима не должен быть забыт с годами. *«Вещающего тебе слово Божие, — говорят Апостольские правила, — поминай день и ночь».*

Он был высоким и жилистым от лишений и трудов. Лицо обожжено солнцем, а руки изрезаны больше, чем посох, который держал. Казался скорее рабочим с гор, чем игуменом царского монастыря.

Он нес крест невыразимых скорбей и испытаний. Только по глазам, потерявшим блеск, можно было понять муку его души. Он безропотно принимал унижения и смирялся так сильно, что, только подумав об этом, разрывается мое сердце.

Первое всенощное бдение, за которым мы молились в монастыре Дохиар, было под праздник св. Апостолов. Когда отец Евдоким, как экклесиарх, в положенный час пошел зажечь свечи на паникадиле, уставщик выхватил у него древко, которым зажигают свечи, и почти вытолкал из собора, — дескать, если сгорят эти свечи, то других нет для великих праздников Преображения и Успения...

Мой блаженнопочивший отец в конце своей жизни был его духовным чадом. Каждый раз, возвращаясь с исповеди, говорил с болью в сердце: «Как жаль, что этот человек живет под спудом». И игумен монастыря Дионисиат Гавриил очень ценил этого мужа. Он говорил своему знакомому: «Может быть, он не очень образованный, но велик прямотой характера и любовью к обители. В тяжелые годы, когда каждая драхма была на счету, он сумел поднять экономику монастыря. Он всегда был прямым и никогда двуличным».

Но обратимся к житию преподобного. Он родился в 1906 году в Амфиклее в Локриде, мирское имя — Ефстафий Скуфас. Родители его были бедными крестьянами, как все деревенские жители того времени. Очень рано он потерял мать. С болью повторял: «Хорошей была мачеха, но не как мама. Маму и ее молоко ничем заменить нельзя». Учился в греческой школе, но не похоже, что окончил. Его детские и юношеские годы, как он давал понять, прошли в больших лишениях и без особой заботы о нем. В родительском доме он был как приемьш. Ему всегда нравилась церковная жизнь, но ничего существенного он о ней не знал. Занятием его было земледелие.

Когда пришло время демобилизации из армии, офицеры говорили с солдатами о профессиональной ориентации. Один из них произнес слово о монашестве, но так робко, что трудно было его понять, если не слушать внимательно. Тогда впервые услышал Ефстафий о монашеской жизни. Поговорил наедине с тем офицером и почувствовал, что нашел свой путь.

После армии работал недолго в Ламии, но душа, как он сам об этом пишет, склонялась к покаянию. Исповедал духовнику свой помысл, сказал, что хочет стать монахом. Духовник ответил: «Монашество — давно отжившее установление. Оно было во времена турецкого ига, чтобы поработанные могли записать свою собственность как монастырскую, раз уж захватчики уважали посвященное Богу». Однако, поскольку он настаивал, духовник посоветовал ему монастырь Божией Матери Олимпиотиссы в Елассоне. Но там его душа не упокоилась. Он не нашел, чего искал. Игумен, выслушав его помысл, послал его в монастырь Спарму. Там он прожил один месяц. Как он сам писал: «К счастью, я скоро понял, что если останусь, то стану еще хуже, чем был, поэтому вернулся в Олимпиотиссу. Там Бог для меня приготовил удачный случай. Один рабочий монастыря, человек доброго расположения, уже много лет ездил в паломничества на Афон и искренне любил это место. Каждый вечер после трапезы, как будто его Бог послал, он рассказывал об Афоне, полный благодати».

Прекрасные рассказы о Горе еще сильнее разожгли желание Евдокима. Тайно от монастырских он пошел в Ларису к известному духовнику, попросил его помощи, чтобы отправиться на Афон. Тот ответил, что на Афон бегут преступники, а ему следует жить в миру и заниматься миссионерством. Огорченный, вернулся Евдоким в монастырь, но ненадолго. Отправился в Елассону к митрополиту, исповедал ему жар своего

сердца и попросил пятьсот драхм в долг на дорогу до Афона. Владыка, поскольку тот ему досаждал, дал свое благословение, и он уехал на знаменитую Гору.

Прибыл в Солоники в воскресенье на рассвете. На улице ему повстречалась женщина.

— Кирия, кирия, где тут порт, с которого отправляются корабли на Афон?

— Слышишь, откуда сейчас гудят? Иди за сигналами корабля и найдешь.

26 декабря 1926 года он прибыл на Святую Гору после нелегкого путешествия, которое с непривычки перенес очень тяжело. Первым монастырем, который он посетил, был Ксиропотам. Он пробыл там три дня, и ему показали дорогу к Симонопетру. Там его не приняли, и он ушел в Русский монастырь, потому что, как сам говорил, в те годы не монах выбирал монастырь, а монастырь — монаха. Русские даже не обернулись посмотреть на него, так как не принимали греков.

Шагая по снегу, он прибыл в Ксенофонт, голодный и усталый, как никогда в жизни. Это было незадолго до вечерни. Игумен его не принял: «Нас много, а монастырь не располагает средствами». Уходя, в воротах он встретил одного старчика, который спросил, что ему надо. В отчаянии он ответил: «Я хочу стать монахом. Уже неделю хожу, и никто меня не принимает. А ваш игумен сказал, что я лишний». Старец отвел его к игумену. Говорил жестко: «Что, у тебя много парней, которые, как этот, ожидают в воротах монастыря, чтобы их приняли? Возьми его

и не усложняй ситуацию. Он не куска хлеба ищет, а монашеской жизни».

Его приняли и в конце повечерия одели в рясофор. И, как он сам говорил шутя, в тот же вечер, чести ради, его послали на кухню помощником повара, что считалось самым трудным послушанием.

Он был помощником повара один год, потом пять лет поваром и помощником экклесиарха. Пока наполнялся казан водой, он затепливал лампы в соборе, а пока закипала еда — лампы в малом соборе, чтобы экклесиарх нашел их зажженными к литургии. Он с самого начала научился беречь время и дарить действительную любовь братьям. Кто знает жизнь на Святой Горе, тот может по достоинству оценить жертву юного Евдокима.

Он без ропота и пререканий исполнял все тяжелые послушания в монастыре. Пять лет был экклесиархом, два с половиной года выращивал бычков, много лет был лесничим. Смотрел за мулами, выкармливал свиней с целью улучшить экономическое положение монастыря. Он с кровавыми жертвами собирал «приданое» для обители. Хотел, чтобы у отцов был материальный достаток. Капитаны кораблей из Уранополиса свидетельствуют: «Чтобы не платить хозяину каики 100 драхм за перевоз от Уранополиса до монастыря, он всю ночь шел пешком, хотя у него в торбе было много денег, вырученных от продажи телят, которых он возил на грузовом корабле в Переи». Он любил монастырь больше, чем отчий дом, и отдал ему всего

себя. «Я прошел все послушания, — говорил, — кроме садовника и представителя в Протате».

В буре вхождения в святогорское монашество, сталкиваясь нередко с жестокостью и безразличием, исполняя совершенно незнакомые доселе работы, молодой Евдоким нашел опору в лице сапожника обители. Старец Поликарп принимал помыслы молодого монаха со светлым расположением духа. Какие бы ни были эти помыслы (жалобы, ропот, плотские восстания, презрение, хульные помыслы), старец не ужасался и был спокоен за его будущее. Добрый старец всё воспринимал настолько естественно и искренне, что только скажешь ему, и сразу же получаешь облегчение.

— Отец Поликарп был для меня великим утешением, это был выход во всякой трудной ситуации. Если бы не он, я не смог бы продолжить плавание в море монашества. Горе монаху, который не открывает старцу своих помыслов.

— Ты когда-нибудь уходил из монастыря?

— Несколько раз, но никогда не нарушил законов обители. Ни в двери чужие не постучал, ни с другим старцем не посоветовался.

Его выбрали игуменом в трудное для монастыря время. Игумены тогда менялись чуть не каждую неделю. Один из монастырского совета был бесноватым, он без конца строил козни и искушал игуменов. Отца Евдокима вызвали из леса на игуменское место. Одержимый встретил его следующими словами: «Ты ли еси грядый или иного чаем?» Отцу Евдокиму, несмотря на свою

простоту, удалось отстранить одержимого от управления монастырем, и он пробыл игуменом 22 года.

Годы игуменства ничего ни изменили в старце Евдокиме — ни одеяния, ни обуви, как это положено игумену. Рясы у него были самые дешевые и выцветшие, шлепанцы всегда разорванные и потертые, носки — с дырками на пятках. Изнеженные франты говорили о нем с издевкой — «потрепанный». Его нищенское одеяние стало притчей на Святой Горе. Монах Харалампий из Дохиара в шутку называл его лаптем.

И даже величественность церковного богослужения, достигающая своего зенита в царских соборах Афона, не изменила его. Он так и не надел ни креста, ни мантии. Ходит такой анекдот: на Пасху о. Евдокиму предложили надеть мантию, на что он ответил: «Мне не холодно». Я спросил блаженнопочившего старца Григория из скита Ксенофонтова монастыря (он пришел на гору восемнадцатилетним в 1909 году и умер столетним; его отличали строгость монашеской жизни и правый суд), делал ли это о. Евдоким из смирения или от пренебрежения церковным порядком. Он ответил мне прямо и без всякого сомнения: «От смирения. Он был мужем добродетельным».

Старец Евдоким предпочитал простую жизнь, подобающую монаху. Его потертая монашеская скуфья напоминала о монахах первых веков. Жители Хиоса времен преподобного Макария Коринфского судачили о незатейливой скуфейке епископа Коринфского.

Я предложил ему сшить рясу для пасхальных дней. Он ответил: «Мне не нужно. Сшей молодым». Так и получилось. Это была последняя Пасха в его жизни.

В другой раз я принес ему куколь.

— Мой лучше.

— Но это лохмотья.

— Совсем нет. Монашеский куколь.

В церкви он всегда был первым. Прежде чем приходил служащий священник, он уже был в своей стасидии. Он оставил о себе свидетельство как о внимательном молитвеннике. На службах ему нравилось стоять, как повелевает святитель Василий Великий. Поэтому и сон убегал от очей его. Мы никогда не видели его скучающим или отягощенным. Он любил службы. Однажды всю ночь шел от Уранополиса до монастыря, примерно десять часов, а как только дошел, взял череду служения, отслужил литургию, а потом пошел отдыхать.

Как-то я нашел его очень задумчивым.

— Геронда, где твой помысл?

— Очень много я перенес в моем монастыре, но вы страдаете гораздо больше меня.

Старец глубоко вздохнул.

— До сегодняшнего дня я хвалился своими трудами. А теперь стыжусь. Поэтому прошу Бога, чтобы Он взял меня, пока я на ногах. Не хочу вас утруждать. Чтобы даже стакана воды мне не надо было от братии.

Так и случилось, как просил он Бога.

Кажется, за все годы монашества у него не было никаких связей с родными. На свою родину он поехал

один раз после тридцати лет жизни на Святой Горе. Ни с кем не поддерживал особой дружбы. Всех считал и называл друзьями и для всех был странником.

Старец Евдоким передал нашей эпохе важную заповедь: мы должны обеспечить материальную базу наших монастырей, но не обивая пороги министерств и власть имущих, а работая своими руками. Он никогда не питал доверия к властителям и великим мира сего. Всю свою надежду он возлагал на Бога, как не раз повторял это в разговорах и обсуждениях.

Он считал, что не надо уделять большого внимания чистоте и что мужчине не подобает гоняться за соринками. Во время уборок иронизировал: «Что, владыку ожидаете?» И еще, когда видел ухоженную рясу, произносил улыбаясь: «Не стирайте часто одежду, иначе быстро обветшает, говорили древние».

В 1976 году начинаются для бедного Евдокима, как он сам пишет, «скорбные и тяжкие события». Его изгоняют из монастыря, предложив «идти куда хочет», туда ему отправят вещи. В возрасте семидесяти одного года удаляют из монастыря покаяния бывшего игумена, а точнее — верного и испытанного монастырского труженика... В присутствии монастырского совета ему выдали мешок немытой одежды. Он взял только часы, одежду вернул назад.

В конце 60-х годов начались зилотские движения на Святой Горе, поводом к которым послужили диалоги и общение Вселенского Патриарха с Римом.

Движение возглавили первенствующие из святогорцев. Пришли в движение, естественно, самые простые и благочестивые. Но когда вмешались власти, зачинщики отказались от своих заявлений, в то время как их последователи держали исповедание с «евангельским дерзновением».

Точную причину его изгнания я никогда не старался узнать. Святогорцы тех времен знают лучше. Я могу с уверенностью сказать только следующее: его прямой и неsgiбаемый нрав способствовал его изгнанию. И второе: он никогда не присоединялся к зилотам, всегда был в общении с Церковью. Я как-то его задел:

— Ты ездил к Киприану³⁹ в Фили.

А он мне ответил:

— Одно дело дружба, а другое — Церковь. Я против перегибов, но из Церкви не уйду.

Хорошо бы все зилоты были, как старец Евдоким. Хорошо бы иметь нам таких ревностных монахов, которые, пребывая в Церкви, как послушные чада, говорят Матери-Церкви свой помысл, а не поворачиваются презрительно к ней спиной. Это не анархия, но дисциплина в Церкви. Считается, что пришло время «диалога и межличностных связей». Горе нам, если изгоняем из монастырей монахов, ревнующих о вере. Тогда монастыри превращаются в палаточные лагеря. В любом случае, такого не должно быть среди монахов, потому что молодой от этого может сбиться

39 Митрополит Киприан — глава одной из старостильных церквей в Греции.

с пути, а старей — подвинуться разумом, впасть в старческий маразм и дойти до самоубийства. Отец Евдоким говорил мне:

— Бог сохранил мне разум, и со мной не случилось беды.

Он пришел в ближайший монастырь, в Дохиар. Со слезами на глазах рассказывал о первом испытании:

— Никто меня не принимает. Только обделенный разумом Харалампий разрешил мне постелить одеяло и лечь в углу своей кельи.

Готовил еду старец и ели вместе. У Харалампия была плита и кухонные принадлежности, поскольку монастырь был своекошным. Однажды в воскресенье отец Евдоким приготовил треску с картошкой в духовке. В полдень старец ожидал Харалампия, но разве он мог так быстро кончить свои разговоры с посетителями у киоска?

— Тогда я положил себе на тарелку кусочек рыбы и две картошки. Выхожу на двор и говорю: «Харалампий, я поел. Еда в духовке». Через пять минут он вернулся и обругал меня по-всякому перед всеми, что я, дескать, съел всё и ничего ему не оставил. Я ничего не сказал. Пошел за храм преподобного Онуфрия, сел на развалинах старого здания и горько заплакал.

Несчастный Харалампий старался угодить игумену Прокопию, чтобы тот угостил его кофе или ципуро.

Обычной едой старца были сухари и маслины, а также немного вина.

— Ты когда-нибудь ел мясо?

— С того времени, как стал монахом, никогда. И хотя я часто бывал в миру в составе святогорских делегаций, другие ели, а я нет.

Всё, что вы читали доселе, — это его собственные рассказы или дневниковые записи. Есть и многое другое, о чем умолчу ради мира. А теперь я расскажу то, что мы пережили рядом с ним за одиннадцать лет нашего совместного пребывания здесь.

Первые годы было трудным для нас послушание лесничего, о котором мы не имели никакого понятия. Поскольку мне было стыдно, что бывший игумен в темноте идет в церковь затепливать лампадки, я попросил его помочь в лесу, раз уж у него был достаточный опыт. Через несколько дней он купил топор и садовые ножницы.

— Это зачем?

— Пойду в лес.

— Нет, отец, ничего не надо.

Злые языки, от которых не избавлены и святые места, объясняли Евдокиму: «Он тебя посылает в лес, чтобы удалить из монастыря». Несчастный дрожал от страха, что его неправильно поймут. Он всего боялся. И больно было видеть, как высокопарящий афонский орел дрожит от страха перед воробьями и галками.

Он приносил письма из Дафни. Как-то у него из кармана выпали деньги. Он сразу же поставил свечу мученику Мине и побежал искать. Душа моя сжималась, глядя на волнение старца. Несмотря на наши увещания («ничего страшного»), он не успокоился, пока не нашел и не отдал деньги.

В другой раз один паломник оставил большую сумму для монастыря, и ее присвоил пономарь. Отец Евдоким приложил все усилия, чтобы убедить его отдать эти деньги в монастырскую казну. Он с болью смотрел на трудное наше жительство и поэтому никогда ничего не просил из скудной сокровищницы Дохиара. Услышав, что монастырь купил сто килограммов кальмаров на интронизацию игумена, он произнес фразу, ставшую поговоркой: «Одним нечего есть, а другие не знают, что бы съесть».

С первых же дней нашего общения он скупой пользовал слово и щедро — пример. Уже в первое лето очистил топором внешнюю стену монастыря от густых зарослей.

— Отче, что ты делаешь?

— Очищаю. Если загорится лес, огонь не захватит монастырь. А если загорится монастырь, то сохранится лес.

Для нас, новоначальных, не знакомых еще с пожарами и всеми сопутствующими им обстоятельствами, это было важнейшим уроком.

Мы застали его в скорби изгнания. Часто мы слышали, как он шептал: «*Седе Адам прямо раю...*»⁴⁰. Он любил свой монастырь, как ничто другое в мире. Поэтому и боль его была великой, так что никто не мог его понять. Страшно видеть перед собой закрытыми ворота, через которые пятьдесят лет проходил беспрепятственно. «Все проходят: рабочие, паломники,

40 Неделя сырная, веч., Слава на «Господи, воззвах».

монахи. А я лишен этого. Входя и выходя, я всегда крестился. Почему же крест не сохранил меня?..»

Путешествия в Дафни были для него утешением, потому что хотя бы издалека видел он монастырь своего покаяния. А мы, конечно, «с позиции нравственности», бездушно и бесчеловечно вынося суд, говорили, что он ездит в Дафни за выпивкой. Прежде чем я стал игуменом, я слышал столько обвинений в его адрес, что мне было неловко перед ним. Я слышал, что отец Евдоким является совладельцем кораблей, собственником недвижимости. Что он нехороший человек в известном смысле. Что он неотесанный и грубый. Что он «зилот» и презирает Церковь. И чего только еще не говорили... Мне советовали многие духовники, считавшиеся авторитетами на Афоне, продержат его один год, а потом выгнать, поскольку он опасен для братии; запретить ему поездки в Дафни и в Солоники, и он сам уйдет. Слава Богу, просветившему меня, хотя я и был тогда новоназначенным в этих делах, но в ответ на жестокие слова я сказал: «Отцы, я чувствую себя обязанным давать ему деньги, чтобы он мог по-чаще выйти из монастыря и развеять немного свою скорбь, а вы мне советуете его выгнать. Куда пойдет жить 75-летний старик? На Омонию в Афины? Мирские помогают своим родителям, и если не могут жить с ними, устраивают их в старческий дом. А бедный монах куда пойдет?»

В результате двое, игумен и наместник, были довольно долго осторожны с нами. И я совершенно на

них не обижаюсь. После всего, что они пережили от нас, молодых, было бы неразумием оставить бдительность. Мы в этом старце, оклеветанном, не нашли ни одной блохи из тех, что ему приписывали, кроме мертвенной негиблемости в том, во что он верил, и прямоты, с которой он это отстаивал.

Он был нищий, совершенно нищий. Всю жизнь на сухом хлебе. И сколько раз ни ездил в Солоники, в чемоданчике у него всегда был только хлеб и несколько маслин. И в монастырской гостинице, где в конце концов поселился, у него не было даже простыней, только до предела износившиеся одеяла. Свою пенсию агрария он распределял на угощение братий. О его одежде могу сказать только следующее: в келье его не нашлось ничего, во что бы облачить его для погребения. Где банковские вклады? Где недвижимостъ, в чем обвиняли его, не краснея от стыда, старцы и игумены?

Он много раз говорил:

— Когда умру, что у меня есть, найдете в кармане. В другом месте не ищите. У меня ничего нет.

В последние годы просил иногда материальную помощь из своего монастыря. Я его спрашивал:

— Геронда, ты нуждаешься в чем-либо и потому просишь?

— Нет, отец игумен, но, может быть, подвигну в них милость благоутробия ко мне, чтобы и они обрели милость в Царствии Небесном.

Старца обвиняли в том, что он неотесан и груб. Мы в нем обрели настоящее благородство и любовь,

присущие мужскому монашеству. Правда, он не расточал улыбки, которые в большинстве случаев скрывают яд. У него были постоянная любовь и уважение ко всем. Он никогда не впадал в памятозлобие и мелочность. Это был человек своего поколения. Ту благодать, которую я нашел в моем отце, я нашел и в отце Евдокиме. Рядом с ним чувствовалась любовь и защита без внешних проявлений нежности. У него в келье всегда было какое-нибудь приношение для тех, кто оказывал ему малейшую услугу. Он никогда не принимал помощи без того, чтобы не воздать за нее. Когда приходил из Дафни, всегда приносил что-то для монахов, как добрый дедушка — внукам. Как-то принес сок. Позвал одного монаха, чтобы отдать, но не стал дожидаться, пока придет молодой, как это делают старшие, а сам пошел навстречу ему. Это многое говорит об игумене. Шаги, которые сделал старец, приближаясь к молодому монаху, — истинное благородство. Его поведение было безупречным и всегда приятным.

Что касается того, что он был, дескать, нехорошим человеком, могу сказать: жизнь его за те одиннадцать лет, что мы провели вместе, напоминала жизнь древних отцов. Из уст его никогда не сходило неподобающих слов. Его келья всегда была открытой. Ложился спать в подряснике. Кто бы его ни звал, он всегда был готов помочь. Несмотря на возраст, безропотно терпел зимнюю стужу. И рабочие монастыря, которые часто знают больше нас, говорили о нем только

хорошее. Это же мне подтвердили и люди, живущие с четырнадцатилетнего возраста в монастыре, сироты, искавшие защиты от преследований партизан.

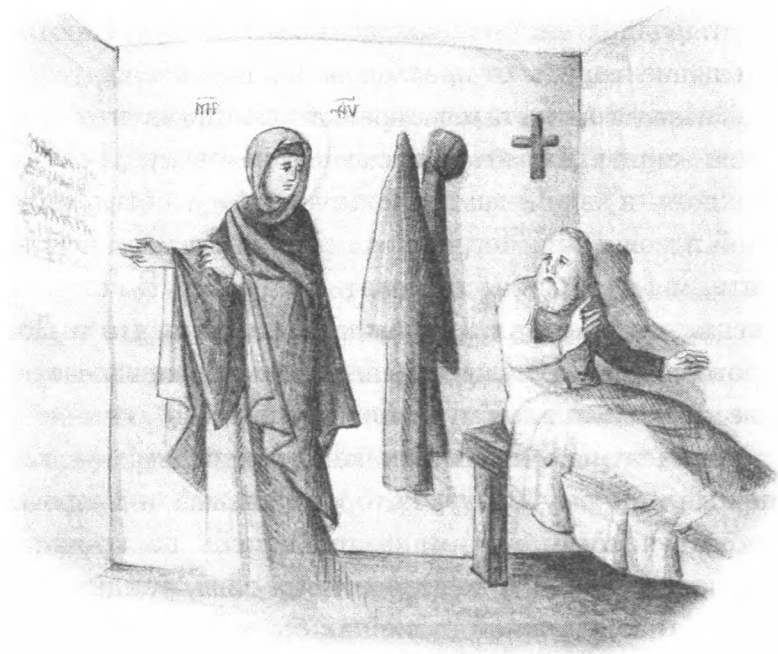
Вначале он пытался оправдаться, писал что-то в свою защиту, как это свойственно человеку. Дай Бог каждому в такой час превозмочь себя и нести крест свой в молчании. То, чего мы сами не в силах исполнить, мы не должны требовать от других. В келье он всегда что-то читал. Однажды вычитал нечто в Добротолубии, что на него произвело большое впечатление, несколько дней мучился этим.

Имея эти помыслы, он как-то вечером, — как поведал одному брату, которого уважал и называл своим учителем, — лишь только сел на кровати, опираясь спиной о железное изголовье, увидел, что на противоположной стене как бы невидимой рукой пишутся один за другим его грехи с детских лет, а рядом Жена, одетая в черное, смотрит то на надписи, то на него и плачет и рыдает горько. Он не замедлил прийти в чувство. Закричал: «Ах, Пречистая, как я Тебя огорчил и не понимал этого!» На следующий день сжег все письма в свою защиту и стал молиться по четкам с невыразимыми стенаниями. После его смерти в келье не нашли ни одного письма.

Однажды я увидел его сидящим в воротах монастыря.

— Как дела, геронда?

— Слушай, отец игумен. Когда кто-то приближается к смерти и имеет добрые дела, то это сладость.

А если впал в грехи, то это великая мука. Что мне, вернуться назад, чтобы положить начало покаянию?

Брат спросил его, молится ли он, а он ответил:

— Шесть лет, с тех пор как видел явление, беспрестанно произношу молитву, и внутри у меня мир.

В другой раз говорил:

— Я своему монастырю не мог помочь духовно, потому что малограмотный, но материально помог сверх сил.

От знал, что такое труды, и узнавал и понимал *труждающихся*, поэтому всегда от всего сердца

поминал *«служащих и служивших во святей обители сей»*.

О предложениях монастыря покаяния вернуться, сделанных в последние годы, он нам говорил:

— Это должно было случиться через 1-2 года после изгнания. Мы, как люди, ошибаемся. После четырнадцати лет изгнания для меня это поздно. Я жил с вами одиннадцать лет. Мы ни разу не сказали друг другу слова неевангельского. Я хочу умереть у вас на руках. Если я вас утруждаю и вы меня не хотите, я уйду, куда Бог направит.

Я дважды обращался с просьбой в Патриархию, чтобы с него сняли наказание изгнанника, но с великой скорбью говорю, что слово мое не было услышано. Поэтому Бог снял с него приговор «изгнать» раньше, чем это сделали люди. Отец Евдоким умер в воскресенье, а в понедельник пришла реабилитация!

Много раз он мне деликатно советовал: «Отец игумен, на Святой Горе так делают. Это не закон, но лучше тебе не попадать в «монашескую газету». Будь внимателен к своему соседу, потому что прежде видишь соседа, а потом солнце. Не будь слишком суров. Если посылаешь монахов на тяжелые работы, то давай им масло и вино. Так делали раньше. Литургию будничную совершайте попроще. Не каждый день праздник. Монашеская жизнь требует точности во всём, но не нарочитой показухи». Он сам стучал в било вокруг Собора на три стасии. И даже в снег и дождь держал зонтик, чтобы сохранить чин ударов. Мне он советовал с долготерпением

относиться к юношеским сумасбродствам монахов. Подходить к ним не с точностью, а с любовью.

Когда он разболелся, я много раз предлагал ему поехать в Солоники, а он отвечал: «Хочу умереть в своей келье». Он был одним из тех, кто хочет, чтобы его покрывала афонская земля.

Обвиняли отца Евдокима в том, что он пьет. Он пил ровно столько, сколько пили люди в то время. Во всяком случае, и многие другие старцы, которых мы прославляем и чьи жития пишем, любили вино. Мы это скрываем, чтобы придать житию черты святости, а напрасно. Отец Евдоким говорил: «Как верну вино, знайте, что близок мой конец». Действительно, в среду вернул вино, а в воскресенье скончался. Вначале он сократил питание. В течение месяца ел только супы, потом неделю — только йогурт, а три последних дня — только воду. В субботу он сказал моему отцу:

— Кириос Христос, я ухожу в другую жизнь, вечную.

С того времени как мы пришли в монастырь, он причащался каждое воскресенье.

— Геронда, — говорю я, — святогорцы причащаются каждую субботу.

— Э, отче, это не догмат веры.

В воскресенье утром ему стало хуже, но он был в полном сознании. Ему говорит отец Гавриил:

— Ты меня узнаешь?

— Ты батюшка. — И, подняв руку, благословил его.

Его спросил врач из Ксенофонтова монастыря, больно ли ему. Ответ: «Нет, нисколько». Мы начали

соборование. Как только я его помазал, он обернулся, посмотрел на меня с любовью и скончался, оставив в душах наших ощущение мира. Как будто стоял в Царских вратах и говорил нам: «Мир всем». Скончался без болей, по-христиански. Мы переодели его только ради обычая.

Такую кончину дал ему Бог, как об этом молится Церковь: *«христианскую, безболезненную, непостыдную, мирную»*. Никого не утруждал. Ушел странным и нищим, как подобает монаху. Пусть будет вечной его память у Бога и у нас.

Как только он скончался, игумен сказал:

— Ударьте в большой колокол, чтобы слышали горы и ущелья, по которым он ходил тысячи раз, что попрощался с чувственной тварью иеромонах Евдоким. Мы благодарим его за добрый пример и просим архангела Михаила послать другого Евдокима в наше малое стадо, чтобы помнить тех, которые всем сердцем отдаются Церкви.

Старец Афон, ты принял в свои недра Евдокима, то есть процветающего. Израсти же и других Евдокимов, чтобы во веки процветать. Аминь.

Резкий в слове и нежный нравом

В 1967 году по благословению старца Амфилохия мы, трое братьев, посетили Святую Гору. Старое знакомство привело нас в келлию старца Паисия. Мы попросили его указать нам духовных людей, чтобы услышать благодатное слово, и получили в ответ: «Мы находимся в этой пустыне ради безмолвия и безвестности».

Правда, тогда еще не началось взаимное восхищение между старцами, которое есть чистой воды порождение ложного благочестия.

От другого, более молодого, монаха мы узнали, что в Катунках есть один иеромонах, который в самом деле *подвизается*, не подавая при этом повода к разговорам о дарах прозорливости, пророчества и чудотворения. (Слово из монашеского лексикона — «подвизается».)

Разыскивая Ефрема, мы оказались в Катунках. Братство Даниилеев — один из отдаленных уголков афонской пустыни, который стоит посетить.

Первый после старца в этом братстве, отец Модест, отличался светлым лицом, беззлобным нравом и простотой сердца. Позже эти добродетели вышли из-под спуда и стали отличительными украшениями келлии в лице отца Модеста, занявшего место старца келлии. Он тоже был настоящим чадом афонского монашества. Его простое, безыскусное слово было водой благодати. Я целовал его руку, как руку Христа или Божией Матери на иконах. Он, как и люди прежних времен,

неторопливо и чинно подносил хлеб ко рту. Улыбался по-детски и становился по-взрослому серьезным, сознавая себя при этом наименьшим. Он говорил не с профессорской кафедры, а со скамейки афонского ученика. Редкие дарования для нынешнего времени. Где «старчество» в старце Модесте и «серьезность» важного учителя? Он говорил, и лицо его покрывалось краской, как у застенчивой девушки.

Господи, не лиши нас присутствия таких, как отец Модест. Подавай нам всегда такие светлые образы.

И другое братство нас вдохновило — братство отца Христодула. Келлия находилась ниже келлии Даниилеев, по направлению к Каруле. Старец и его послушник приняли нас в своем орлином гнезде, как старых знакомых. Сразу было видно в них взаимное уважение.

Оба, однако, были в преклонных годах. Каждый старался спрятаться за спину другого, поэтому оба были на виду.

Говорил только старец — тихо, чтобы не нарушать безмолвия этого места. Послушник молчал.

У нас была точка соприкосновения — любовь к преподобному Христодулу Латринийскому. Старец говорил о преподобном из Лимни, с острова Эвбея, откуда был родом, а мы — о том, с Патмоса, откуда приехали.

Чудесные весенние встречи... Дрозды и соловьи на скалистых склонах Афона...

Мы спросили его о зилотах. Ответил сразу же: «Мы люди неграмотные. Наше дело — молитва и служба. За это отвечают церковные власти, образованные клирики и миряне. Мы следуем за Церковью. Много мы слышали. Сжимается сердце. Да помилует нас Господь».

Это было с одной стороны Катунанов. На другую мы прибыли, когда жгучие солнечные лучи — а был месяц жатвы — вылизывали с камней последнюю сладость. Поздно вечером достигли мы каливы преподобного Ефрема.

В тусклом свете различалась фигура старца. Высокий и плотный, он напоминал ствол старого клена. Позже он мне рассказывал: «Все четыре уступа я вскапывал один мотыгой. Теперь предлагаю послушникам каждому вскопать по одному уступу, а они мне говорят, что не могут (у одного поясница, у другого руки) и просят резак.

— Дети мои, машина разрушит безмолвие места.

— Нет, геронда, возьмем резак.

— Э, возьмите и лежак, и успокойтесь».

В те годы о. Ефрем еще не стяжал громкого имени на Афоне. Некоторые робко шептали о достоинстве его слова. Еще в 1978 году, когда мы попросили его соседа показать тропинку, ведущую в его келлию, он сказал нам: «Я слышал, у него хорошее учение, и имею помысл посетить его».

Старец в тот благословенный вечер принял нас с исключительной простотой и кротостью. Он провел нас в

церковь. За ним по пятам шел босой старичок, который, как кажется, растерял к старости свой ум и был полностью зависим от отца Ефрема. Когда мы представились и сказали, что мы богословы, он посмотрел на нас и улыбнулся сочувственно, что нас мгновенно приземлило. Эх, чему мы научились на факультете, и что пережили в пустыне! Жутко — 25-летние парни представляются богословами поседевшему старцу-пустыннику!.. Мы получили хороший урок, я его до сих пор не забыл.

— Ребятки, богослов это тот, кто говорит с Богом, а не тот, кто изучает богословие.

Старец нас, совершенно очарованных, отпустил обратно к Даниилям. Всё наше существо было заполнено впечатлениями от пустынной скинии, и это действительно так, потому что и позже каждый раз после встречи с ним мы уходили наполненными.

И в слове его, и в его поведении была истинность, было нечто настоящее. Всякий раз, когда я оказывался в его келье, он прижимал свою сухую щеку к моей, а я говорил себе: «Невероятно — принимаешь благодать и отдаешь грехи». Я вспоминал, как авва Зосима поцеловал иссохшие губы преподобной Марии, чтобы принять благодать.

Однажды духовный брат открылся старцу Ефрему: «Поеду к себе на остров пробудить монашество. Если не удастся, сниму рясу». И много лет старец не мог отвлечь его от этих помыслов.

— Кто мы, в конце концов, что и Богу угрожаем? Лишь подумать так — уже бесчестие, а не то что сказать.

Позже говорил:

— Ему что-то удалось-таки сделать, благодаря тем достоинствам, которые дал ему Бог. Но и диавол ухватил себе большой кусок. Говорили разное, а он уехал изгнанным.

Когда я спросил его об исповеди, он мне ответил, что никогда не изучал правил и поэтому не исповедует.

— Дело, которым я здесь занимаюсь, это молитва.

Я спросил:

— Может быть, мне поговорить с другими игуменами и старцами?

— Ни в коем случае. Держи то, что принял от старцев Филофея и Амфилохия. И я буду держать, что принял от моего старца.

Хотя он был молитвенником, учил послушанию.

— Стань плевательницей, мусорным ведром для своего старца.

Рассказывая о себе, говорил:

— Тридцать два года я был в послушании у отца Никифора, который «тронулся». Я просил его провести воду по трубам в келлию, потому что прошли годы и не могу уже таскать издалека. А старец: «Нет, это не монашество».

Его учение — это триптих: «От послушания — молитва, от молитвы — богословие».

— Как-то я занимался рукоделием, вырезал печати, и одновременно готовил обед. Прошел мимо брат и говорит мне: «Посмотри еду». А поскольку я был в благодати, то не хотел прерывать молитву и не послушал брата. И молитву потерял, и еда сгорела.

На послушании, как на основании монашеского жития, настаивал старец Ефрем.

— В монашестве всё опирается на послушание. Отсюда начинается духовная жизнь и здесь кончается.

Его старцами были простые люди, занимавшиеся рыбной ловлей. Они не располагали тем, чего желал отец Ефрем. Но, несмотря на это, он пребывал у них в послушании и служении, имея духовным наставником о. Иосифа, называемого Пещерником.

Как-то им овладели помыслы отчаяния, и он думал уйти. Он вышел и сел на заднем дворе келлии с выражением скорби на лице. Проходящий мимо монах бросил в него разжженную стрелу сомнения: «Ефрем, не думай, что только печка каливы преподобного Ефрема топится. Есть и другие печурки, которые дают больше света». Он сразу пришел в себя, оставив лукавый помысл, и вернулся в каливу отцов.

Его слово всегда исходило из молитвы, а не из прочитанного и услышанного. Поэтому оно было ясным и назидательным. Молитва, а не безответственные разговоры с любопытными, была основой его бесед.

Как-то его спросил один профессор, принимавший участие в богословских диалогах с инославными, надо ли ему этим заниматься. Отец Ефрем без обсуждений посоветовал ему не прекращать участвовать, но, сказал, слово его должно быть ясным и живым, потому что неточности и снисхождения и ту сторону запутывают, и нас смущают.

Приходящих выслушивал с большим вниманием. Для о. Ефрема в тот час существовал в мире только его собеседник и никто другой. Он что-то робко говорил ему, а в заключение советовал обратиться к Божией Матери Скоропослушнице: «Давайте позволим и Божией Матери сказать слово». Так каждый корабль, возвращавшийся из Дафни, выгружал паломников для молебна перед Пречистой.

Умер отец Ефрем, прекратился такой способ просвещения мира. Современные старцы самодостаточны,

Божия Матерь больше не нужна! Они сами всё знают и всё могут!

Когда ему предложили игуменство в Великой Лавре, после того как монастырь стал общежительным, он был очень обеспокоен. Он глубоко верил, что игумены держат Афон, это власть, начало этого места. Когда видел игумена, клал земной поклон издали. Он считал себя недостойным и недостаточным для такого места. Горячо помолился Божией Матери и получил извещение остаться в своей келие.

Я его спросил, как он понимает «извещение», и он ответил: «Как только сказал «нет», сразу же мне стало легко, от сердца отошла тяжесть». Отец Ефрем никому сказки не рассказывал. Он Божию Матерь не «видел» и не «слышал».

У старца были дарования, но он их скрывал. В 1978 году мы попросили дать нам Дохиарский монастырь. В Протате все были против, даже и светский чиновник, и патриаршие власти. Только отец Ефрем говорил:

— Божия Матерь вас желает. Она не сразу, но открывает вам дверь.

— Геронда, семь братств просят Дохиар. И нас предпочтут?

— Божия Матерь желает *тебя*.

В 1980 году мы установили общежитие в монастыре.

Когда на Рождество в 1978 году один брат увидел нищету обители, он потерял мужество и, мучимый помыслами о бедности, посетил отца Ефрема. Как

только увидел старца, тот его обличил: «Не деньги, отец Гавриил. У монастыря есть Божия Матерь. Она покроеет все нужды».

В другой раз я привел с собой двух послушников. В какой-то момент отец Ефрем воскликнул: «Этот — твой!» О другом умолчал. Так и случилось. Один сейчас священник в монастыре, а другой — женатый в миру.

Я говорил, испытывая его:

— Зачем стучите в двери, которые на самом деле не открываются?

И он мне отвечал:

— Хоть сосед услышит, и будет нам выигрыш.

Никогда не требовал слишком многого. Но хотел, чтобы то небольшое, что делаешь, совершалось ежедневно. Чтобы ты никогда не оставался без молитвенного ограждения.

Еще извещением для него было благоухание или зловоние. В какой-то период его болезни один священник вызвался совершать у него литургию. В конце недели отец Ефрем вошел в алтарь и почувствовал невыносимое зловоние. «Господи, что случилось? У меня в алтаре благоухало». Позвал священника в епитрахили.

— Если так обстоит дело, то зачем ты оскверняешь и пачкаешь святой алтарь?

И другое свидетельство. Его спросили, что такое масонство.

— Что мы скажем? Возьмите четки, пусть Бог говорит.

После первых же узелков раздалось зловоние. В ответ же на другие вопросы ощущалось благоухание благодати.

У старца был ум Христов. Как-то поехал в свое село. В углу церкви нашел брошенную старую купель, в которой его крестили. Он ее обнял и пел ей, как матери, спасшей от гибели свое дитя. Кому приходило в голову такое — целовать свою купель?

Он ни в коем случае не хотел, чтобы монах уходил из монастыря.

— Как бы там ни было, монах ограждается надзором старца и братий. Худо-бедно молится. А сам по себе, без надзора, и того не может. Человек — как скотина. Ему нужен пастух, чтобы преуспевать.

Его беседы были истинными и грубыми, как деревенский хлеб. Он называл вещи своими именами, не боясь употребить слова, которые считаются плохими.

Он был предельно честен перед собой и в том, что говорил.

— Отец Ефрем, устраиваешь панигир в своей келлии?

— Наши каливы называются сухими. У нас безмолвнический устав. Мы и сами не празднуем, и на другие праздники не ходим.

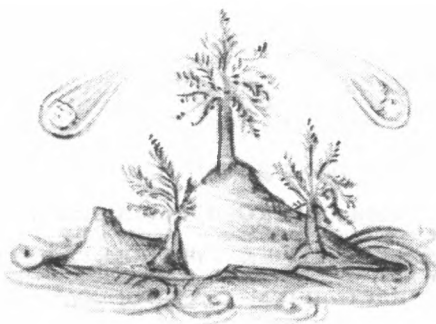
У него не было забот ни о рыбе, ни о певчих и владыках на праздник, ни о сокровищах и ценностях. Простое, безыскусное, бедное было богатством каливы преподобного Ефрема. «Иногда ходим к соседям Даниилеям, потому что во всех трудностях они нам помогают».

На просьбу: «Скажи, авва, слово благо», всегда начинал: «Человек неграмотный, что дерево неотесанное». Слово «неграмотный» произносил с ударением, чтобы лучше слышалось. То малое, что говорил, было евангельское, отеческое. Было похоже на смолу, капаящую из ствола раненого дерева. Никогда не было привнесенным. Всё было настоящим, выросшим на скалах Катунаки. Малым раздавал анемоны, но большим и опытным преподносил тернии, царапавшие и самые жестокие сердца. И запускать колючки совершенно неожиданно — чтобы таким образом разбудить спящих. В то время как ты восхищаешься его словом и мысленно превозносишь его, он бросает тебе копья и стрелы. Оглядываешься в недоумении: откуда это? И спрашиваешь себя: «От Ефрема летят стрелы? От святого, которого я почитаю?»

Его очень утомляли нравы новых монахов. Склонив голову, признавался: «У старцев на чердаке висят рыболовные снасти. Тридцать лет я даже не подумал ни посмотреть на них, ни перевесить. А сейчас... Всё перерыли, всё захватили. Мне не нравится, но я молчу».

Были у старца и посещения Божии. Терпел мужественно, до конца. Врача слушал, как малое дитя, и подчинялся его предписаниям. Он был хорошим больным. Когда он слег на ложе озлобления, я к нему не пошел. Не мог вынести видеть афонского орла в одеях. Хочу верить, что он жив, вырезает печати, совершает литургию, молится. После его преподобной кончины опустели Катунаки.

Да помилует нас Бог, и да возрастит пустыня Ефрема, Модеста, Христодула. Аминь.

Последнее неискусозлобное дитя Афона

Чтобы писать о преподобном, надо бы идти его путем, следовать день и ночь его примеру... Увы, я далек от этого. К тому же жизнь монаха не обнаруживает себя постороннему взору. Она скрыта здесь и явлена только в Царствии Небесном. Монах, как говорят богословствующие, это пророк последних времен. Поэтому, когда монаха выносят для погребения, лицо его недоступно для взоров, а тело покрывает великая схи́ма, как покрывают воинов знаменем страны, которой они служили и которую защищали до смерти.

Мы, чада его, жили рядом с ним в последние годы его жизни. Сподвижничали, как говорим теперь,

сотрапезничали в монастырской трапезной, пели вместе в храме. Но кто следил за ним пристально, когда он совершал литургию за высоким иконостасом? Кто прислушивался к беззвучным стенаниям его сердца в час искушений? Кто может изобразить мученичество его совести, как называет монашеский подвиг святитель Афанасий Великий в житии преподобного Антония?

Я узнал этого преподобного мужа — я в буквальном смысле называю его преподобным — в первые годы моего знакомства с Афоном. Может быть, он был первым настоящим святогорцем, которого мне довелось повстречать: незлобивый, нелицемерный, бескорыстный, не связанный ни с какими группировками, прямой, простой. Он был родом из Пасалимани Пропондийской. Его родителей звали Константин и Анастасия Бициу.

Родился в 1914 году. На Святую Гору пришел четырнадцатилетним, когда его родители обосновались в соседнем городе, Уранополисе. И хотя все монастырские уставы последовательно и твердо запрещают безбородым пребывание в монастырях, похоже, исключения случались всегда, даже на Святой Горе. Нарушения в основном бывали в келлиях, где жили родственники.

В скиту монастыря Ватопед, в келлии св. великомученика Пантелеимона, у старца Евдокима были родственники. Услышал маленький Лефтерис (это имя он носил в крещении), что в этой келлии делают вкусные пончики, и сбежал из своего села, из Уранополиса,

который тогда далеко отстоял от Афона (поскольку средства передвижения не были быстрыми, а путешествие совершалось в основном на веслах). И очутился в скиту, чтобы поесть пончиков.

Неужели пончики оказались настолько вкусными, что уловили мальчика и задержали навсегда в келлии старцев, к тому же в отроческом возрасте, когда диавол показывает нам царствия мира? Думаю, что вкусные пончики были приманкой, точкой соприкосновения с пустыней. На самом деле в душе маленького Лефтериса было желание посвятить всего себя Христу. Он предался Христу полностью, с нежного возраста и до того часа, как вернул свое тело матери-земле. Он предпочел суровую жизнь в скиту рассеянной жизни в селе. В те годы в скиту св. великомученика Димитрия были запрещены вьючные животные для перевозки грузов. Поднимались в монастырь и спускались пешком с припасами на спине, что обычно было послушанием молодых монахов.

В Дохиарском монастыре мы, двенадцать братьев, поселились в июле 1980 года. Позвольте мне написать правду, то, что я действительно пережил. В том окружении мы выглядели еще не сформировавшимися. Тогда братия, приходившие на Афон, были одни — из братства «Жизнь», другие — из другого, третьи — еще чего-то. У нас же не было этого, и нам было трудно приблизиться к старцам.

Пришедшие с гор Эвритании, с глубокими корнями на Патмосе, мы вызывали недоумение. Две зиты —

«зоики»⁴¹ и «зилоты» — не уживались с умеренным святогорцем. Он боялся той формы, в которой существуют первые (то есть «зоики»), а вторых (то есть «зилотов») отвергал без разговоров.

Старец Евдоким был выше этого. Он принимал нас в своей келье, по-праздничному радуясь, совершенно не затрудняясь тем, что мы были из молодых, постриженников другого монастыря, «благочестивых» монахов, пришедших исправлять недостатки Афона. (То, что мы были молодыми, действительно создавало трудности, и нам нелегко было их преодолеть.) Старец, не превозносясь своими подвигами и многими годами, проведенными на Афоне, приветливо принимал нас вместе со своим послушником, тогда отцом Германом, ставшим впоследствии схимонахом Игнатием. Принимал со светлым лицом, мирным видом и благим расположением, а прощаясь, говорил, как застенчивая девушка: «Посмотрим, когда Бог даст нам свидеться вновь».

Он принимал нас не как старый многознающий святогорец детей, но смиренно, с уважением, с неподдельной любовью. В этом человеке не было ничего притворного. Улыбка была искренней, не ложной, излиянием радостного сердца.

Он был не из тех, кто одно говорит в глаза, а другое — за глаза. Рядом с ним мы пережили много счастливых мгновений. Всегда, когда мы приходили в его келлию, он накрывал на стол. А часто и ожидал

41 Члены братства «Зои» («Жизнь»).

нас, чтобы разделить с нами трапезу. Обычной его едой были консервированные кальмары с луком и укропом.

Иногда я звонил, хотя и не люблю пользоваться телефоном.

— Как дела, отец Евдоким?

— Уступаю, чтобы приобрести брата.

Мы должны хранить это в сердце: «уступаю, чтобы приобрести брата».

Старец Евдоким и монах Игнатий не были на самом деле старец и послушник, потому что последний был из другой келлии. Когда умерли его старцы, он пришел в келлию о. Евдокима, чтобы не быть одному. Одни привычки, одни нравы были у старца Евдокима, другие — у монаха Игнатия. Совместная жизнь и в семье, и в монастыре — это настоящее мученичество. Первое, что мы должны преодолеть, это наши «особенности», которые на монашеском языке называются своеобразием. Мы должны смириться, каждый час есть землю, чтобы общаться даже с дикими зверями, чтобы мирно жить с другими, какими бы они ни были.

Мученичество преодоления своей самости и одновременно мученичество совместного жития людей разного происхождения и воспитания я видел много раз в своей жизни и испытал до конца на собственном опыте. Отцу Евдокиму было трудно с монахом Игнатием, но он уживался мирно, повторяя: «Уступаю, чтобы приобрести брата». И это — не вздыхая, но неизменно с приятной улыбкой на лице.

Он никогда никого не осуждал. Мы не слышали от него ничего плохого ни о каком монахе. В то время, когда его монастырь еще не стал общежительным, мы все бросали в него грязью. Батюшка — никогда. Он выражался кратко: «Трудно нам теперь. Да поможет Бог».

О чем-то хорошем говорил очень выразительно и даже, как выходец из Малой Азии, вычурно, дабы подчеркнуть достоинства. О плохом молчал. Он оставлял его незаметным, но лицо его принимало выражение скорби и боли.

Он не любил многословия у монахов и уставал от него. Болтливого монаха не принимал: «Он хороший, но говорит много». Сам, когда мы приходили к нему в келью, никогда не давал почувствовать, что ему не хватает разговоров, что «сейчас вот мы с вами наговоримся вдоволь». Выразительными были не только его слова, но и само его присутствие, его сущность. Ими он говорил больше, чем словами.

Случилось ему как-то присутствовать в нашем монастыре на службе в Субботу Акафиста. Первую стасию произнес один священник. Менял гласы — первый, пятый, и так, пока не перебрал всё. Старец находился рядом со мной, и я видел, что ему это не нравится, он этого не приемлет. Его молчаливое лицо выражало недовольство. Потом начал второй батюшка, тоже очень музыкальный. Когда он кончил, было видно, что старец доволен. Батюшка читал просто, не меняя гласов. Тогда отец Евдоким сказал: «И мы так читаем. Так приняли и так читаем».

Старец Евдоким был кротким, подчеркиваю, кротким. Многие говорят, что у нас, безбрачных, — нервы, вспышки, грубость, что мы выходим из себя и раздражаемся. Ничего этого не было у старца Евдокима. Он служил всегда мирно и спокойно, какой бы ни был диакон или певчий. И в общении он всегда был кротчайшим. Каким он был перед Престолом, таким и перед людьми. Не так, что перед Престолом с благоговением, а с братом — грубо.

Его обращение с другими было неизменно уважительным. Я его как-то спросил, раздражался ли он когда-нибудь, и он ответил: «Не помню такого». Когда у него из скита украли все казаны, я слышал, как он сказал: «Буди благословенно. Оставил бы и нам хоть один казан, чтобы приготовить на праздник. Что, ему все нужны?»

На исповеди был серьезным, как врач, осматривающий больного со всей ответственностью. За Таинством следовало молчание Захарии. Иногда говорил: «И современный человек подвизается, как в древности, но нападение зла выше его сил. Если Бог не наложит Свою руку, все потонем».

Он ценил свой монастырь и очень болел за него. Любил, как отчий дом. Слово монастыря было для него словом Церкви и должно было быть исполнено, несмотря ни на какие жертвы. Все старцы монастыря были серьезными и уважаемыми. Никого не обсуждал. В каждом находил что-то хорошее и это восхвалял. Никто не был для него негодным.

В обители своей, где он часто служил череду, неизменно был приятным в слове и безупречным в обращении. Очень ему не нравилось, когда спрашивали, особенно монахи, его мнение о ком-либо.

— Брат, — говорил он мне, — кто поставил меня отделять пшеницу от плевел?

Когда пришла новая братия, он очень сомневался в них вначале и говорил мне:

— Если мне не понравится, приду в твой монастырь. С вами я чувствую большее дерзновение.

— Нет, геронда, подожди, посмотри, что за люди, потом решишь.

Но когда увидел, что братство растет, что есть монашество, — богослужение и послушания, — тогда душа его успокоилась. Каждый раз при встрече рассказывал мне с воодушевлением о разных случаях из жизни монахов, о том уважении, которое проявляет к нему игумен, о пении в церкви. И всё это он переживал как чудо Божией Матери. «У нас, брат, вообще не было певчих. А теперь храм сотрясается от юношеских голосов. Разве это не чудо Божией Матери?»

За неделю до его смерти я посетил его в монастыре, куда он перебрался по старости. Братья спросили его, узнаёт ли он меня.

— Да, это игумен Дохиара.

Взгляд его было ясным, живым, пронизательным. Подчеркиваю — ясным. Лицо сияло. Если посмотреть внимательно ему в глаза, увидишь всё, весь подвижнический путь преподобных. Тоф, который

занимается молодежью и написал известные книги («Чистая молодость», «Декалог» и другие), когда хотел сказать о прекраснейшем в творении, насчитал три: звездное небо, тихие воды озера (моря не было у него перед глазами) и невинные глаза маленького ребенка. А мне позвольте прибавить глаза старца Евдокима и любого преподобного в последний час.

Он действительно процвел, согласно своему имени (Евдоким — по-гречески «процветающий»), потому что всему предпочел суточное богослужение,

и превыше всего, как учит авва Исаак, возлюбил молчание. Его общение с другими было очень осматрительным. Он ни у кого не вызвал каких-либо нежелательных помыслов.

Отец Евдоким жил в своем прекрасном мире; этот мир не унаследован им ни от матери, которой он не знал, ни от отца, на лице которого отпечатались страдания и неопределенность жизни беженца. Но он стяжал его 76-летним подвигом в том месте, где насадил его Господь. Верю, что он обрел милость у Бога и молится о нас.

У старца Евдокима было просвещение от Бога. Он был внимательным монахом. Он не вошел ни в плеяду пророков, ни прозорливых, ни чудотворцев, ни... ни... Он пребыл смиренным, сокрыв свою жизнь во Христе. Поэтому не стяжал ни послушников, ни приверженцев, ни дешевой славы святого, но всегда оставался сокрытым за горой Криовуно. Когда ты к нему приближался, он давал тебе почувствовать: «Глаголи, и внемлет тебе раб твой».

Старчество навсегда осталось тайной для меня. И об этом мы много говорили с монахами. Есть старцы по-настоящему святые, а у них даже кошки нет. И есть старцы, как жестянки, я например, а у них послушники и почитатели, им же несть числа. Почему так, я не могу понять.

Во всяком случае, старец Евдоким, по своему глубокому смирению, не создал вокруг себя ни атмосферы восхищения, ни пророчеств не изрек, ни предсказаний.

Ничего из такого «великого». Он жил, как святые Божии, — смиренно, безмолвно, тихо, совершенно незаметно. Поэтому он остался один, без послушников. У него не было круга друзей и сподвижников. Его окружением были монах Игнатий и приходящие отцы и братия из скита великомученика Димитрия.

Святая неизвестность, ты преисполняешь плодами насаждения монашеские!

Он болел душой из-за опустения скита. Скорбь непреходящая. Тяжело переживал вплоть до кончины своей, видя, как закрываются кельии и одна за другой становятся грудой камней. Он считал это Божиим оставлением за наши грехи.

Он любил свою ограду, любил свою келью. Ему не нравилось ходить туда-сюда. Это он принял от своих строгих старцев, которые не позволяли ему ходить в гости, разговаривать попусту, слушать и разносить новости. Они сохраняли правило преподобного Пахомия Великого: «Не переноси слова с поля на поле».

Лишь несколько раз выходил он с Афона. Когда уезжал, то служили молебен, потому что выход в мир этой «древней иконы» был событием чрезвычайным.

Я повторяю: он любил свою ограду, любил свою келью. И когда она сгорела по вине каких-то сироманов, уязвилась душа его и болела зело. Я ему однажды сказал:

— Хочешь, сходим в скит?

— И что я увижу? Мою сгоревшую келью?

Старый Евдоким знал школу кельи и любил свой уголок. По его собственному признанию, он знал способ, как заполнить двадцать четыре часа дня и ночи.

Около своих старцев научился живописи и освоил технику золочения иконостасов. В его келье была картина с изображением вокзала.

— Геронда, что это?

— Это воспоминания детства. Вокзал, откуда отправлялись в Патру. Таким я его видел в Эгио, где мы поселились вначале.

Его сад был ухожен и *«давал плод свой во время свое»* (см. Пс. 1:3). Виноградник и деревья — с благословением. Старцы таскали из леса опавшие листья и так удобряли их. Дорожки, ведущие в собор, тоже выдавали присутствие трудолюбивого и добролюбивого хозяина. Несмотря на старость, он не жалел трудов, чтобы содержать всё в порядке. Работы монахов — не попечения, рассеивающие ум, но способ уравновесить душевные и физические силы.

На его похоронах мы погребали одного из последних детей Афона. (Афонским чадом был и старец Дионисий Фирфирис. Семилетним пришел. Может быть, есть и другие такие чада Афона, я не знаю.) Его 90-летний возраст не умерил нашей скорби. Правда, откуда теперь возьмутся афонские чада, — дети, которые с самого начала учатся от старца и ни от кого другого? Не так, что вначале учатся во всяческих мирских школах, а потом приходят в училище Афона. И это хорошо, что приходят. Но глаза их всегда будут

мутными. А как афонские чада любили это место, обеими руками держались за него. Любили старцев. Любили подвижничество. Любили монашескую жизнь. Заботились о том месте, где жили. *«И персть его ущедрят»*⁴². Они предали Господу всю свою жизнь.

Да будут с нами молитвы блаженнопочившего отца Евдокима, и да будет его жизнь примером для всех нас. Аминь.

Вековая ель с глубокими корнями

Здесь шутят: монаху свойственно передвигаться. Как только человек становится монахом, он превращается в сороконожку и переходит с места на место.

В этом есть доля правды, но не более. Нелегко найти место отдохновения, упокоения. Это зависит и от событий в мире, — войны, беспорядки, — и от духовной засухи в данный период. Присутствует и элемент личной духовной неустроенности.

Монах постоянно гонится за лучшим, но лучшее обычно оказывается быстrokрылой птицей, которую он не в силах поймать.

Но всегда были и монахи терпеливые, стоявшие, как скалы на морском берегу, не движимые никакими штормами и подобные высокой ели, которую приветствуешь ранней осенью и спрашиваешь себя, увидишь

42 «ибо рабы Твои возлюбили и камни его, и о прахе его жалеют»
(Пс. 101:15).

ли ее и весной на том же месте, — несгибаемую, среди зимних бурь и снегопадов.

Одним из таких монахов был старец Григорий из келлии Двенадцати Апостолов Благовещенского скита. Его родиной был Крит — многочисудесный остров, как о нем говорится в одном тропаре. Окончил школу-трехлетку того времени, в которой, как я слышал от многих дедушек, хорошо учили грамоте, особенно греческому языку.

В то время учителей не хватало. Направляли учителями и выпускников школ. Так и будущий старец, как только отучился, взял направление народного учителя.

В годы учительства он встретил своего земляка, замечательного, но неусидчивого монаха. Духовные искания заставили его добраться до знаменитого монастыря Сумела в Понте. Он заходил и на Парос, где оставил о себе хорошие воспоминания. И до сегодняшнего дня добрые островитяне помнят его советы.

Этот монах Авимелех, чья подвижническая внешность уже сама по себе внушала уважение, посвятил Григория в тайны монашеской жизни. Старец Авимелех кроме устного поучения оставил ему и духовные книги, доступные в то время: «Грешных Спасение», «Апостольские сети», «Сокровище» Иоанна Дамаскина и другие.

В душе его быстро разгорелось пламя желания монашеской жизни. Он почти тайно убежал от родителей под предлогом продолжения учительского

образования. В Афинах он и встретился со старцем Авимелехом. Их приютил Мораитидис⁴³ в своем доме. Ходили в церковь пророка Елиссея на холме Ликавитос. Григорий живо вспоминал, как однажды Мораитидис, завернувшись в одеяло от лютого мороза, пошел петь в церковь. Их знакомство с людьми поколения писателей со Сκιαфоса⁴⁴ было прекрасным.

На корабле прибыли в Дафни. Шел 1909 год. В этом месте властвовали турки. Поскольку разгорелась война между Критом и Турцией, выходцу с Крита было трудно получить разрешение на отъезд. Но помогла Божия Матерь, и таможенник, турок с Крита, пропустил его.

По благословению старца Авимелеха, он прошел пешком от Дафни в Катунаки к Даниилям. Там его не оставили, так как келлия была перенаселена. Ему посоветовали пойти в келлию Двенадцати Апостолов в Благовещенском скиту к старцам Григорию и Иллариону.

Старцы были грубыми, суровыми монахами. С точностью держали монашеские правила. Им были неведомы уступки и снисхождения. Их совершенно не интересовало, останутся послушники или уйдут. Они никогда не нарушали свой монашеский чин в угоду послушникам.

43 Мораитидис Александр (1850–1929) — известный греческий филолог, писатель, драматург. Принадлежал к той части греческой интеллектуальной элиты, которая осталась верной Православию.

44 Пападиамантис Александр (1851–1911) — известный греческий писатель, верный сын Православной Церкви. Оба выходцы с о. Сκιαфос. Обычно были певчими на всенощных бдениях, которые часто служил о. Николай Планас.

И всё это перетерпел нежный, болезненный юноша. Плакал много раз, но не сдавался. Это было его первым подвигом.

Вторым подвигом старца Григория стало пребывание в этой келлии на одном месте с 1909-го до 1990 года. За это время он вышел с Афона только два или три раза, да и то по нуждам скита. Это было третьим подвигом старца Григория. Но и по Афону передвигался он очень мало. На мой вопрос, был ли он когда-нибудь в Дохиарском монастыре, что находится на расстоянии часа-полтора ходьбы от скита, он ответил: «Два или три раза».

Он жил доходами с сада и огорода и от сбора ягод лавровишни. Перерабатывал их на лавровое масло и

продавал русским, которые использовали его в фармакологии. Как-то он поведал мне: «Много раз, когда я ходил по лесу за ягодами лавровишни, видел русских подвижников, которые молились в землянках».

Питался старец обычно рисом с томатами. Слово его было живым и выразительным. Когда он рассказывал о годах турецкого ига, я невольно выглядывал в окно посмотреть, не идут ли турки. Он был человеком строгим и мужественным. Не было у него шуток и легкомыслия. Новостей не знал. Никого не осуждал. Имел правый суд о делах Церкви и Афона.

— Вы застали старца Силуана в Русском монастыре? Вы его знали? Он был святой?

— Дети мои, не думаю. Хороший монах — да, но святой — это уж слишком. Я не знаю критериев святости, но мне так кажется.

Очень любил службы. Всегда слушал их стоя и не любил криков. Говорил: «*Теряется дух хлада тонка, благодать сердится и уходит*».

Он был высоким и прямым, худым, иссушенным солнцем. Проходил мимо скорее как тень, а не как человек. Одетый в простую рясу, он напоминал похоронную свечу. Но лицо светлое, пасхальное.

Он учил своей жизнью, а не тяжелыми речами и приводящими в ужас рассказами и откровениями.

Упокоился в возрасте ста лет и шести месяцев, до конца пребывая на ногах. Как сидел на кровати, немного опрокинулся назад. Без хрипа и предсмертных мук предал дух свой Творцу и Спасителю Христу.

Чайка на скалах Колицу

Если южный склон Святой Горы хвалится своими подвижниками, которые сдерживают яростное нападение бесов на монахов с моря (как нам рассказывал геронда: «В час, когда звонили колокола в каливе, я видел, как стая бесов поднимается с берега моря к каливе»), то и северный склон, избитый морскими волнами и лишенный всякого утешения, имеет своих героев: мужей преподобных и замечательных подвижников уединенного жития, чьими молитвами, верю, монахи ограждаются от нападений бесовских.

Старец Амфилохий советовал: «Даже если вы будете в пустыне, всё равно ударяйте в колокола к службе, чтобы услышал искуситель и убежал». Но на Святой Горе нам стало известно, что он, наоборот, направляется, чтобы испортить богослужение. Бог знает его сети и избавит нас.

Я познакомился с отцом Дионисием на празднике Честного Пояса в Ватопедском монастыре. Кончилась литургия. Во дворе монастыря обменивались приветствиями, вежливостями, поцелуями, а может быть, и скрытой лезтью. Только один монах с приятным лицом сидел на благословенном краю двора, сложив руки, как человек из другого мира. Немногие, проходя мимо, приветствовали его поклоном, и совсем немногие — целуя руку. Я подошел. Его опущенный в землю взгляд и скрещенные,

изрезанные морщинами руки прежде даже, чем нам разговориться, выразительно сказали мне то, что говорит каждый своим молчанием: «я живу здесь». Я с благоговением поцеловал его руку, как моего принопамятного старца, и спросил:

— Кто ты?

Он ответил мне с глубоким сознанием пришельца, у которого нет никаких прав, хотя и всю жизнь провел на Афоне:

— Я румын, монах и живу в Колицу.

Я, признаться, не слышал об этом гнезде подвижников, а поскольку я был игуменом, то постеснялся спросить, где находится это место. Я спросил благословения посетить его келлию.

— Когда хотите, я всегда там. Буду вас ждать.

Однажды в воскресенье, после обеда, мы огибали Кривуно, направляясь к скиту Колицу. Дул сильнейший северный ветер, и море так штормило, что я недоумевал, как можно выжить в скиту при таких условиях. Все были румыны, кроме одного грека — зилота. Они все вместе открыли нам двери так радушно, как будто встречали своих долгожданных внучат.

Первым мы встретили отца Иоанна. Согбенный от работы, трудов и подвижничества, а может быть, и от телесного недуга, он расхваливал нам своего старца, как доброе дитя — своего отца.

— Трудно описать его любовь к службам, к ближнему. Я никогда не смог сравняться с ним в трудах. Но в чем он действительно был непревзойден, так это в келейном правиле. Всю ночь молился и клал поклоны, как бы тяжело ни трудился весь день. Умирая, сказал нам: «У меня нет денег, чтобы вам оставить. Но у меня есть три тысячи лишних келейных правил, сверх положенных, и если кто-то из моих послушников не успеет выполнить правило, пусть берет оттуда». Мы жили в трудные и опасные времена. Мы должны были работать днем и ночью, чтобы прожить. Утешение чужестранных монахов на Афоне — это мотыга и заступ, и какое-нибудь рукоделие.

Он показал нам каливу Ай-Георгия, и мы направились по дороге к отцу Дионисию-духовнику. Солнце начало склоняться к западу, и тень от старой разрушенной башни покрывала весь скит Колицу. Это высокое сооружение свидетельствует о древности скита. И правда, место очень подходящее для гнездования птиц Божиих. Как говорили раньше охотники: «В этом месте водятся зайцы», так и делатели уединенного жития знают подходящее место для монашеского поселения.

Мы не спеша достигли ухоженного места. Прямо сразу же, с первого взгляда, было видно, что здесь *Адам делает и хранит*. Ни одно дерево не жаловалось — все были подрезаны и очищены от дикой поросли. Два старчика любят свое место. Несмотря на то, что в этом раю нет ни пяди ровной земли, он ухожен с завидным старанием. Разум мой помрачился от дикости окружающей местности, но уловилась душа моя спокойствием, которое дарует месту человеческое трудолюбие. Я спросил маслину:

— Госпожа моя, сколько лет ты стоишь на этом склоне? Есть ли у тебя какая-нибудь жалоба на отца Дионисия?

И она ответила с любовью:

— Я дочь отца Дионисия. Если пожалуюсь, боюсь суда Божия.

Между тем, северный ветер донес до нашего слуха приятный звук колоколов из каливы. Старец ударял в них по-праздничному, как бы играя, в честь прихода

игумена. На входе в келлию светилась фигура отца Дионисия в рясе и куколе.

Этот монах-румын был аристократом — он умел по-настоящему воздать честь. Как-то я пришел к нему летом. Было очень жарко. Они совершали вечерню. Маленькая церковка превратилась в духовку. Старец, уже слепой, снял куколь и немного закатал рукава своего потертого подрясника. Как только послушник сказал ему: «Пришел игумен», он сразу же опустил рукава, хотя они были закатаны совсем невысоко, и надел куколь, чтобы предстать перед игуменом во всём благолепии. Благородству не учатся, его не выказывают. Им живут. Не как-нибудь, не «пускай, пришел неожиданно, мы не ждали».

В Ай-Георгий отец Дионисий совершил небольшой молебен и в маленькой трапезной предложил нам обычное монашеское угощение: ципуро, лукум и кофе. Он тоже, по обычаю, зажал в ладонях стакан воды, чтобы составить нам компанию. Мы спросили о том, как он начал, о его монашеских странствиях, какими дорогами он ходил, что привело его в келлию св. великомученика Георгия. Он начал просто рассказывать нам свою историю. Время от времени прерывал свой рассказ, чтобы попросить извинения за свой плохой греческий, который был лучше нашего. Я сказал своим монахам: «Этот скромный источник даст нам более чистую воду, чем бьющий фонтаном. Напряжем наше внимание».

Отец Дионисий с большой радостью рассказал нам в общих словах о своей жизни, и особенно о начале

своего монашеского посвящения. Как было видно по его лицу, светящемуся от радости, он с особенным удовольствием вспоминал прошедшее и, конечно же, своего старца и брата по плоти Гимнасия, которому был обязан всем. Похоже, что братья не обменялись между собой ни одним обидным словом, как это часто бывает в подобных случаях.

Он родился от одной благочестивой четы в молдавском селе. Их семья состояла из восьми человек. Первый и последний из сыновей стали монахами в скиту Манкура. Димитрий пришел к своему брату Георгию в четырнадцать лет. Оба были одарены особенной благодатью от Бога. Георгий сравнительно быстро стал монахом, приняв имя Гимнасий, а потом и диаконом. А Димитрий из-за своего молодого возраста был зачислен в братство только после двух лет обучения в школе.

1923 год стал для Православия годом испытания и бед. Перемена календаря разделила Церковь. Члены Церкви разбились на враждующие группы. В Румынии начался кризис в среде верующих, и особенно монахов. Старцу Гимнасию не давали покоя события, развивавшиеся в Церкви. Он услышал о неведомом ему доселе Афоне: что там остался старый стиль и монахи лишены хлеба насущного, в то время как Румыния изобилует всеми благами. Подвижнический дух привел его на Афон, на Святую Гору лишений и традиций. Конечно, слава о лишениях афонских монахов оказалась преувеличенной. Хлеб был дорогим, но не то чтобы его совсем не было.

На Гору прибыли в 1926 году, в канун Рождества Пресвятой Богородицы. Всенощное бдение в келлии св. великомученика Георгия в Капсале было для старца опытом переживания небесной радости, которую, несмотря на прошедшие годы, он снова и снова праздновал в своем сердце. Это переживание заставляло его быстро забыть все злоключения во время путешествия на гнилом корабле из Пирей на Афон. Конечно, для отца Дионисия его брат Гимнасий был *древом благосеннолиственным*⁴⁵, в тени которого он всегда обретал покой и защиту. На этих двух братьях полностью исполнилось изречение: *«Брат от брата помогаем, яко град огражденный»* (Прич. 18:10). У этого малого содружества из Румынии были и спутники на Афоне. Впереди был Гимнасий, брат отца Дионисия.

Как знаем из рассказов старца, на каждый великий праздник служили всенощное бдение, которому предшествовал пост, чтобы отцы причастились. Сейчас на монастырских праздниках всё изменилось — накануне ужин должен быть обильным, так же как и в самый день праздника, так что в результате на праздник не причащается ни один монах. Я всё еще не могу понять, как почитают память святого.

Отец Гимнасий, не желая лишить брата основной добродетели — странничества, послал его к другому старцу на послушание на год. Какое бы это было стран-

45 Из Акафиста Божией Матери, икос 7.

ничество, если бы братья жили вместе, да к тому же младший всегда имел бы дерзновение перед старшим?

Оба брата стремились к точности в монашеской жизни. Этому отец Гимнасий учил до последних своих дней. Отец Дионисий рассказал нам, как однажды брат, назначенный бить в било к службе, не взял благословение и без обычной молитвы «Молитвами святых отец наших» постучал в дверь старца. Тогда сатана появился перед слепым старцем и искушал его, представляясь монахом-церковником. Говорит ему старец:

— Почему не говоришь молитву?

— А вы, монахи, говорите?

— Отойди от меня, сатана, — воскликнул старец, и исчез искушитель.

Старец провидел, что Святая Гора, особенно Карей, потеряет безмолвие — великий дар Пречистой, ради которого в основном и приходят на Афон монахи. Поэтому в 1937 году ушли далеко от центра Горы, от Карей в скит Колицу. Они нисколько не считались с трудами, лишениями, уничтожениями и презрением, надрываясь, как поденщики, за два килограмма хлеба в день, чтобы перейти в кельи Капсалы и убежать в возлюбленную пустыню, которую им гарантировал суровый и уединенный скит Колицу.

Труды трех старцев, Гедеона, Гимнасия и Дионисия, по восстановлению почти из небытия кельи св. великомученика Георгия ни с чем не сравнимы. Старец Гедеон смастерил специальные седла, которые они носили

на спине, таская камни с противоположной части потока. Когда же настали годы Второй мировой войны, ситуация усложнилась еще больше. Отец Гедeon уехал в Румынию за сбором пожертвований на завершение строительства келлии. Тяжелые обстоятельства задержали его до 1960 года.

В течение последующих двадцати лет умерли старцы прежних времен, и святая келлия перешла к отцу Дионисию. Он никогда не произносил просто слово «келлия», но всегда — «святая келлия». А старца келлии называл торжественно «игумен». Старец почитал святым каждое место, где совершается молитва или Божественная литургия. От него не услышишь учительского пустословия, как например: «Кавсокалива — это алтарь Святой Горы» (для других — Агия Анна, а остальные места Афона — незначительные церквушки). Больше всего отец Дионисий любил церковные службы, святую келлию великомученика Георгия, где много потрудился, свою святую обитель и кающегося человека. Поэтому и говорил много раз: «Братия, у нас ничего нет, кроме Бога, Божией Матери и монастыря. После Бога прибежище нам — наш монастырь».

Его учение было евангельским, отеческим и церковным. Он говорил: «Следуйте советам Православной Церкви. Единственный истинный путь спасения — это Православная Церковь. Здесь мы познаём волю Божию и готовимся в этой временной и неверной жизни к жизни истинной и вечной».

Его слово соразмерялось с немощью человеческой. Он не говорил высокопарно «обнимаю Христа, и Он — меня», чтобы показать свою высоту, а несчастного мирянина поставить как можно ниже.

— Что скажете о себе, отец Даниил?

— Я великий грешник, но никогда не теряю надежды на спасение. Полагаюсь на великую милость Божию.

Он не держал мирян на расстоянии, чтобы стереть их в порошок. У него было слово утешения и для стоящего, и для падшего.

— Расстояние станет явным только после Второго пришествия Господня. А здесь всё изменчиво, и для святых, и для грешников.

Его слово было понятным для всех. Только два или три раза упомянул он в своих беседах о необычайных действиях божественной благодати или бесовских явлениях.

Первые годы старец не учил. На вопросы отвечал очень сдержанно. Если вопрос был праздным, то говорил, что не знает хорошо греческого языка. Никогда не говорил о плотских страстях; считал это для себя неподходящим. Позже, может быть по совету какого-то почитаемого им лица, постепенно начал учить. Всё для него было установлено раз и навсегда, поэтому каждый раз в своих поучениях он говорил одно и то же. Речь его не была газетной, но евангельской, эпической, церковной.

Старец из Колицу прекрасно поучал о матери-Церкви:

— Эта великая Святая советует только то, что способствует спасению мира, и ничего более. Она вещает не для удовлетворения нашего любопытства, но только для нашего спасения. Это не энциклопедия, но всегда открытая книга жизни. Но только тот ее читает, кто ищет своего спасения.

Старец был как запечатанный источник, который неизвестно как открывается. Но стоило только ударить в него, как начинала течь вода, горная, чистая, прохладная. Его слово о молитве было теплым, как парное молоко, которое мы пили в детстве.

— Есть только одна дверь милости Божией. Все остальные даже преддвериями не являются. Эта дверь милости Божией открывается только молитвой и смирением.

Он советовал молитву Иисусову, как самую короткую и самую длинную, как самую легкую и самую трудную.

— Если произносить ее постоянно, то она становится легкой, как дыхание. А если еще в конце прибавлять *«помилуй мя, грешного»*, то этим очень воюем против дьявола. Сильнейшим оружием дьявола является гордость, а христианина — *«Иисусе Христе, помилуй мя, грешного»*. Душа получает большую пользу от славословия Бога. Вместе с *«Господи, Иисусе Христе...»* говори и *«Слава Тебе, Боже»*. Братия, будем всегда просить у Бога спасения. Всё остальное Он Сам подаст, как говорится в святом Евангелии.

Очень важными считал преподобный старец и церковные молитвы. Другой какой-то авва говорил: «Монах, который не ходит на службы, должен быть уволен со Святой Горы».

Устав святой келлии был подобен уставам древних общежитий, то есть службы в определенные часы, келейное правило, общая трапеза и послушания.

В последние годы жизни отца Дионисия постигли два испытания: первое — полная слепота, о чем он очень скорбел только потому, что не мог помогать братьям в послушаниях, а второе — у него не было сил ходить в церковь на службы. Он говорил:

— Во время Божественной литургии всегда вижу величие любви и милосердия Божия и изумляюсь.

Но особенно блистал старец, уподобляясь солнцу, когда говорил о смирении. Никакое слово, исходящее из преподобных уст его, не было лишено поучения о смирении и об отвратительной гордости. Он понял из Священного Писания, что Бог ничего другого не требует от человека, кроме смирения. Эту боготканую добродетель он восхвалял многообразно и очень выразительно.

— В недрах смиренномудрия обретишь Христа, а в недрах гордости — дьявола. Гордый всегда идет влево. Низкое ли место он занимает в обществе или высокое, творит то же самое зло — сеет смерть. Смиренномудрие связывает между собой все добродетели, а гордость их уничтожает. Гордость лишает добродетели силы и расточает их.

И еще добавлял преподобный:

— Смирение делает нас неуязвимыми для сатаны и возлюбленными чадами Божиими, хранимыми Его благодатью. Смирение — ограда добродетелей, это основание, с которого человек восходит высоко. Это самый надежный подъемник души, при возделывании, конечно, и других добродетелей. Эта великая добродетель стяжается, когда человек все свои успехи считает просвещением Божиим, а не своим достижением. В противном случае он становится «сверхсильным», «сверхчеловеком» и отрицается от Бога. Таким образом атеизм бурно разросся в мире в связи с достижениями науки и техники. Гордый никогда не останется рядом с Богом. Он приходит к тому, чтобы самому стать Люцифером. Когда он говорит, то через него говорит Люцифер, живущий в нем.

Поэтому старец хотел, чтобы и в браке и в монашестве было послушание, отсечение своей воли и смиренномудрие. Постоянно советовал:

— Если мы не будем укоренены в смирении, то не будем помилованы Богом. Всегда веруй в великую милость Божию, но проси ее из своей греховности и своего недостойнства, и всё тебе подаст благой Бог. Смирение помогает нам видеть других святыми и никого не осуждать. Это приносит божественную благодать в нашу душу, и мы становимся делателями добродетелей. Духовная жизнь начинается смирением и отсечением страстей (это же говорил и святитель Григорий Палама). Познанием своих немощей мы удерживаем Бога

рядом с собой, Господь поселяется в сердце нашем и делает нас постоянным местом Своего пребывания.

Обращался к монахам с изысканным назидательным словом, как нежный отец к возлюбленным чадам:

— Дети мои, есть два пути: монашество и брак. Это пути Божии и святой нашей Церкви. На обоих надо стремиться к миру. И тот и другой требуют самопожертвования, любви и великого терпения. Приход в монашество — это таинство, и доброе расположение приходящего видно, когда он сразу же сам спрашивает старца: «Что мне делать, чтобы стать хорошим монахом?» Обязанности и делание монашеское — не от человека, они даны Богом, как нам то предали святые отцы. Брат, ты стал монахом в Саду Божией Матери? Не ищи ни богатства, ни славы, ни чести, потому что потеряешь спасение и поручительство Божией Матери о твоём спасении. Монаше, как бы тебе трудно ни было на Святой Горе, не жале́й, что ты оставил свою прекрасную родину и родных. Нет, это ропот на Бога, призвавшего тебя в монашество. Монах всякого, кто его поучает, считает устами Божиими. И «буди благословенно», произносимое со смирением, приносит бессмертие, евангельские плоды в душе нашей. Но когда говорится с гордостью и упрямством, то навлекает на нас проклятие кощунника.

И ещё советовал пустынный:

— В монашеском жительстве есть только один путь: церковные службы, келейное правило и послушания. Другой дороги нет. Не ищи перекрестков,

чтобы достичь цели. Лучше выбери себе хорошего духовного отца и говори ему все свои помыслы. Так, легко и уверенно будешь идти путем Господним. Основание монаха — это послушание, отсечение своей воли и смиренномудрие. Этим мы воюем против нечистых духов.

Многоопытный старец брал эти три добродетели отдельно одну от другой, хотя все они имеют одно и то же значение. Он, как учитель, который учит детей читать по слогам, разделял эти добродетели, чтобы мы, неграмотные, научились читать и писать в духовной жизни.

— Отсечение воли приносит смирение, а смирение — молитву и богословие. Монаше, святое послушание делает и самые тяжкие труды легкими и приятными. Конечно, послушание — это самоосуждение человека, и потому оно очень трудно. Один современный монах пел *«буди благословенно»* на первый глас, если послушание было легким, и на седьмой, если трудным. Чтобы стать святогорцем, ты должен благоговейно почитать святогорские традиции, правила и изречения старцев.

Монаха-подвижника он называл молодцом. Это выражение и позиция Лонговарды.

Мирян он также принимал с большой любовью и снисхождением к их немощам. Всегда спрашивал имя, происхождение, род занятий и семейное положение. И согласно древней традиции подвижников вопрошал:

— Что заставило тебя прийти к нам, грешным?

Когда слышал «мы греки», радовался больше, чем когда встречал румын. Верил и твердо проповедовал:

— Греки — народ, достойный удивления. Они дали свет миру. Но теперь, уступая современной цивилизации, расточают тьму.

В этом старец напоминал великого индийского артиста Танго, который, посетив Европу и напоследок Грецию, признался: «Европа потеряла свою душу. Если ее потеряет и Греция, то у мира нет смысла существования».

Еще говорил старец:

— Мы, христиане, свет миру. Знамение последних времен — то, что сегодня, вместо того чтобы быть светом, мы стали осязаемой тьмой. Братья мои, Господь от нас требует легкого, но искустель, который обладает нашей душой через делание страстей, нам представляет всё трудным и невыносимым. Творец и Создатель наш оставил нам свободу выбора пути, но при этом, как обычно движимый человеколюбием, осветил нам путь спасения через Евангелие. Хранение заповедей Церкви и святых отцов — это надежда нашего спасения. Пути спасения открыты, если только мы следуем заповедям Церкви.

Для старца слова Господь и Православная Церковь были синонимами.

— Препятствиями нашего спасения являются наши немощи и искустель-диавол. Поэтому нам необходимо постоянное самопринуждение. Постоянное самопринуждение — это лестница на небо.

Слово «самопринуждение» очень нравилось старцу, как и всем подвижникам, и он произносил его густым, низким голосом. И еще, когда произносил слова «святые отцы, Православная Церковь», то уста его источали мед и млеко. Он верил и проповедовал велиим гласом, что мы чада возлюбленные святых отцов, и поэтому хотел, чтобы мы были живыми верными членами Церкви.

Он жил таинствами. Повторял снова и снова:

— Страсти искореняются через постоянную исповедь. Каждый раз как падешь, иди к духовнику.

Он хотел, чтобы духовник был близко, чтобы мы не оправдывали себя дальностью пути. Этому Колицосский авва научился у аввы Пимена: «Ты упал, чадо? Вставай».

— Самое главное дело Церкви — не филантропические мероприятия, а прощение грехов.

Его позиция была непоколебимой.

— Мы будем наказаны не за то, что согрешаем, а за то, что не каемся. Исповедь дана Богом, потому что Он знает наши немощи. Без исповеди никто не спасется.

Он говорил о старчестве (духовничестве):

— Христианин это тот, кто живет Таинствами Церкви: исповедью, частым причащением, посещением богослужений. Иначе он только называет себя христианином. Без исповеди нет спасения. Пусть тебя не обманывает помысл: «я сказал перед иконой», «я сказал Божией Матери», «я сказал ближнему». Для исповеди необходим священник и епитрахиль, как

нам заповедует Церковь. Советы нашей Церкви это великая наша надежда. Никогда, никогда не должны мы забывать, что Таинства — маяки Православия. Обратите внимание: браки распадаются из-за подозрений, гордости и помыслов. Духовники очень помогают сохранению браков. Духовный отец советует как третье лицо, без лицепрятия и чувственности. Любовь между людьми — самое прекрасное, что есть на земле, и очень способствует сохранению семьи. Любовь стяжается через хранение заповедей Церкви и Священного Писания. Осуждение подобно землетрясению — разрушает и семьи, и целые сообщества. Поэтому ни Бог, ни Церковь не дают нам разрешения осуждать, так как этим мы, с одной стороны, отгоняем благодать Божию, а с другой, принимаем на себя чужие грехи, хотя и свои собственные не можем понести.

Он был убежден, что хорошее воспитание в детские годы — необходимое основание добродетелей.

— Детство накладывает отпечаток на всю нашу жизнь. У человека с детства начинаются искушения, и когда душу его засоряет телевизор своими грязными картинками, тогда в дальнейшем требуется больший подвиг для ее очищения.

Телевидение было горящим углем для сердца старца. Он говорил:

— Это было сделано с большим умом. Если показывают что-то хорошее, то помогают человеку. Но поскольку чаще бывает плохое, то помыслы расстраиваются. Грех начинается с помысла, а потом становится

делом. Лучше, чтобы телевизоров не было в домах у христиан. Телевидение и нечистые духи — союзники в борьбе за гибель человека и никогда не поссорятся между собой. Поэтому на стоящих у власти, а особенно на православных лидерах, лежит огромная ответственность, какой бы страной они ни управляли. Три основные проблемы в воспитании детей в наше время: отход от Православия, плохие компании и телевидение. Сеют волчцы и терния в воспитании детей, и ситуация со временем становится всё хуже и хуже. Скоро Церковь не сможет найти девственников для рукоположения и девственные пары для благословения брака. Поэтому и святые отцы хотели, чтобы девушки вступали в брак шестнадцатилетними, а юноши восемнадцатилетними, прежде чем осквернятся плотскими грехами. Дети, которые рождаются в девственных браках, по общему признанию, красивые, здоровые, умные, послушные и легковоспитуемые. Всё, конечно, бывает высоко, если супруги живут Церковной жизнью.

Он очень сочувствовал родителям, которые воспитывают детей в наше время. Верил, что изображение имеет огромное влияние на формирование детской души.

— Очень мудро было издано Священное Писание с иллюстрациями для детей, но что это в сравнении с бесчисленными гадкими картинками, которые распространяют атеисты и враги Христовы? Но не будем отчаиваться и не дадим бесам повода радоваться. Не

будем оставлять попыток насадить в детские сердца евангельское учение.

Он учил и о последних временах, но очень сдержанно, не назначая сроков, потому что у Церкви иные сроки и иное летоисчисление.

— Нам из Священного Евангелия известно только то, что мы должны быть готовы. Согласно тем знамениям, которые мы видим, мы быстрыми шагами приближаемся к концу мира.

Знамением времен он считал и бесстыдство людей.

— Вторым знаком того, что мы вошли в восьмой век, является умножение зла по всей земле и отсутствие добродетелей. Но пока Православие стоит на высоте и право правит слово истины, ни царство Антихриста не придет, ни поставить нас на колени не сможет. Знаком того, что мы живем в последние времена, является война против Православия. Первым ударом по Православию было изменение календаря, вторым — упразднение графы «вероисповедание» в удостоверении личности⁴⁶. Другое знамение последних времен — монахи станут как миряне, а миряне, как бесы. Человечество будет ввержено в страшную войну. Господь знает, кто это переживет. Антихрист еще не пришел, но его предтечи в мире многочисленны, они готовят ему путь. Их методы борьбы не такие, как у язычников. Они воюют дипломатическим путем. Нам, христианам, необходимы бдительность,

⁴⁶ До недавнего времени в удостоверении личности в Греции была обязательная графа «вероисповедание».

бдительность и терпение мучеников. Православная Церковь — Церковь мучеников, и она должна остаться таковой до Второго Пришествия Христова. Церковные власти должны быть очень внимательны. Малейшие отступления от святоотеческих правил соблазняют немощных и приносят вред верующим.

Календарь не является догматом веры, как об этом учат старостильники. Но он принес разделение в Церковь. Возник раскол. Церковь перестала быть единой, всеобъемлющей. Из среды православных ушла любовь, а вместо нее развились раздоры, противоречия и брани. Старый календарь, может быть, не точный, теряет что-то, но он святоотеческий. Я как-то сказал своему старцу:

— Новый Завет совсем истрепался. Купить тебе другой?

— Нет, дитя мое, он мне достался от моего отца.

Церковь не исчисляет времена и сроки. Она всегда живет в своем летоисчислении. Болит душа из-за разделений в Церкви. Потеряно единство, о котором много молился Христос. Очень боюсь, как бы какое-нибудь новое отступление не принесло второго разделения в Восточную Церковь.

У отца Дионисия были отдельные слова и фразы, которые он особенно любил, и другие — которыми гнушался. Так, например, он испытывал отвращение к выражению «не обращай внимания» как разрушающему и эту жизнь, и будущую. А также мирское высказывание «здесь и рай, здесь и ад» считал

унижением православного учения (согласно которому здесь мы приготавливаемся к вечной жизни) и краеугольным камнем безбожия и неверия современного человека.

В то же время любимым словом этого пустынника было «душенька». Святой Андрей Критский взывает: «*душе моя, душе моя*», чтобы разбудить ее, а старец — «душенька моя», чтобы приласкать, а затем и восставить на духовную брань.

Другим любимым выражением его была «вечная жизнь», которую он отличал от «ложной жизни», «ненастоящей жизни». Эти слова звучали совершенно особенно из его уст. Они разрушали средостение между нынешней жизнью и будущей, и получалось единое, непрерывное, прекрасное продолжение.

Из учения подвижника было видно, что он глубокий знаток Священного Писания, он его внимательно и полностью изучил. В размышлениях об искушениях праведного Иова он ясно и правильно указал, почему Бог после испытания послал Иову всё в двойном размере, кроме детей. На самом деле Он и число детей удвоил, потому что семь были на небе. Они не потерялись, а были рядом с Богом.

— Здесь, дети мои, — говорил он, — занимается заря таинства Воскресения, поэтому этот отрывок читается в Великий Пяток.

Постоянное чтение Священного Писания, святоотеческих творений и подвижническая жизнь снабдили его учение чудесными выводами. Он говорил:

— Чем грешнее человек, тем лучшим он себе представляется. Но чем больше продвигается в Богопознании, тем худшим себя видит. Всё меняется местами.

Он учил и о другом многом, что, вероятно, молодые помнят лучше.

Старец из Колицу на всё смотрел сквозь призму вечности: «Бог привел меня в эту жизнь, чтобы я подготовился к жизни вечной. И я стал монахом благодаря стремлению к вечности». И учил он ради того, чтобы помочь человеку подготовиться к вечности. Каждый день совершал литургию, чтобы открылась дорога в вечность.

— Подвиги совершаются деннонощно, чтобы обрести залог в вечности. Всё во славу Божию: и чувственное, и мысленное, и жизнь, и смерть. Святое

подвижничество — это вклад в банк вечности. Оно накладывает отпечаток на нашу жизнь, дает ей значение и содержание. И брак, и воспитание детей обращены к вечности.

У него в жизни была только одна мечта — стать гражданином Небесного Царствия, членом Церкви перворожденных, записанных в Книгу Жизни. После семидесяти одного года жизни на Святой Горе, в глубокой старости, когда Церковь пела «Христос воскрес», высокий дуб с Колицу не упал, не полег, но несколько приклонился на своем одре, чтобы немного отдохнуть перед большим путешествием в вечность.

Бог исполнил его великое желание — умереть на Афоне, быть похороненным при гробах отцов.

Содержание

Предисловие переводчика	3
От автора	7
Уроки благочестия	9
Кирия Ксанфи с Пароса	10
Моя тетя, трудившаяся больше для монахов, чем для собственных детей	12
Пандазис из Фессалии, врач от Бога	17
Илия сапожник	27
Илия — мастер по изготовлению кроватей	30
Феофилакт, агнец посреди волков	37
Научившие меня самопринуждению	43
Благословение Божией Матери	50
Святое терпение сестры милосердия	54
Клирики-подвижники	57
Отец Илия из больницы Евангелизмос	58
Отец Георгий из больницы преподобного Саввы	61
Отец Анастасий «шумный» из храма при народной больнице	62
Иеромонах Тимофей с Афинского рынка	65
Отец Афанасий Хамакиотис	66
Севастиан, епископ Коницкий, могучий дуб новейшей истории эллинов, епископ Креста	69
Мученики	77
Боль открывает сердце убийцы	78
Церковь с красными дверными косяками	84
Батюшка-законоучитель	87

Благочестивый дядя Костис	91
Мученичество неизвестного священника	96
Патмос	99
Последние подвижники	100
Пустынник Аполло.	104
Монахи Артемий и Феоктист	114
Артемий	114
Феоктист	117
Подвижницы монастыря «Живоносный Источник»	122
Монахиня Христодула-затворница.	122
Старица Евгения	123
Преподобные матери святой обители Евангелизмос	136
Монахиня Лукия-огородница.	137
Антония-скотница	147
Христодула-сладкопевица	156
Монахиня Феоктиста из деревни	
Кравга на Паросе	162
Монахиня Феодора, человек любви Божией.	167
Затворница Макария	171
Добрая Агафия	176
Монахиня Моника,	
духовная наставница Калимноса	184
Парос	191
Мама моя Лонговарда	192
Учитель терпения	194
Небошественник Иерофей	204
Батюшка лугов и полей.	208

Рыба в море общежития	212
Кончина монаха Даниила	219
Две тростинки в чистом поле.	221
Обители Миртья и Прусу	235
Святая обитель Миртья	236
Саломея	245
Ольга, жена зеленщика	248
Дядя Георгий Ляпис из Кравасараса	250
Святая обитель Прусу	254
Отец Николай.	255
Мама Александры	258
Васило Вастаруха, еще одна дочь лесов и обрывов	259
Старик Анастасий	261
Корина Дрес, сестра милосердия	266
Повар Герасим	268
Поденщица Елена	272
Святая Гора	277
Духовные утешения в Саду Пречистой	278
Сладкий рай	282
Божии осужденники	288
Странник и пришелец	291
Резкий в слове и нежный нравом	312
Последнее неискусозлобное дитя Афона	323
Вековая ель с глубокими корнями	335
Чайка на скалах Колицу	340

Архимандрит Григорий (Зумис)

наместник афонского Дохиарского монастыря

Боголюбцы

Рассказы о подвижниках благочестия
современной Греции, монахах и мирянах

Редактор
Н. В. Антонец

Корректор
Н. В. Антонец

Оформление,
верстка
Е. В. Цыганкова

Подписано в печать 12.03.2014. Гарнитура AcademyC
Формат 84х108/32. Печать офсетная. Тираж 7 000 экз.

Заказ 8205/14.

Издательство «СМИРЕНИЕ», г. Москва,
Высоковольтный пр., д. 1, стр. 49
Тел. +7 916 692 91 15.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
представленных издательством материалов
в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская обл., Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А
www.pareto-print.ru

ΤΟ ΚΥΒΑΡΙ

Ἡ ἀμνημόνητι
μετανοία μου

Кувари
Мой незабвенный первый монастырь

Дохнар

Мой незабвенный уголок

τὸ Δοχεῖαρι

ἡ ἀλησιώνη· χωριό μου

Смирѣніє